

Деревцоцвет

Литературно-художественный альманах для юношества

№3(16)
2003

Первоцвет

№ 3 (16) 2003

Литературно-художественный альманах для юношества

Основан в 1998 году

Учредитель

Областная юношеская библиотека
им. И. П. Уткина

Главный редактор

Анна Стародубцева

Редколлегия

Лидия Середкина
Евгений Суворов
Александр Лаптев
Александр Попов
Лина Иоффе
Светлана Зубакова
Регина Присяжникова

Обложка

Сергей Элоян

Рисунки в тексте

Наталья Довнич
Андрей Поляница

Компьютерная верстка

Нина Мазутова

Адрес редакции.

664011, г. Иркутск, ул. Чехова, 10
тел. 29-07-93, 20-43-01
E-mail. library@youlib.irk.ru

Александр
Лидия

Е. Суворов

2003

В номере

СТРАНА ПОЭЗИИ

<i>Игорь Клошар</i>	3
<i>Лидия Вольнец</i>	6
<i>Дарья Крушинская</i>	8
<i>Владимир Корнилов</i>	8
<i>Ольга Фигура</i>	10
<i>Татьяна Ефимова</i>	12
<i>Вероника Бирюлева</i>	35
<i>Альбина Тхорь</i>	35
<i>Вера Гульева</i>	36
<i>Светлана Третьякова</i>	37

МИР ПРОЗЫ

<i>Александр Лаптев. Благочестивый беспредел</i>	14
<i>Алексей Головкин. Неотправленные письма</i>	75

ИМЯ

<i>Елена Ефимова</i>	44
----------------------------	----

ПОДМОСТКИ

<i>Алексей Просекин. Снохождения</i>	89
--	----

ГАЛЕРЕЯ

<i>Евгения Попова. Интерьерная графика Андрея Поляницы и Натальи Довнич</i>	73
---	----

УРОК ЛИТЕРАТУРЫ	96
------------------------------	----

ЗОЛОТОЙ ФОНД

<i>Евгений Евтушенко</i>	103
--------------------------------	-----

УЛИЦА УЛЫБОК

<i>Анфиса Воробьева. Почему у попугая нос кривой</i>	113
--	-----

Страна поэзии

Игорь Клошар

* * *

Кто ты — темная вестница
Иль по Свету тоска?
Затуманена лестница,
Опустилась рука.

Снег за стеклами темными,
И закрыты глаза.
Расстоянья огромные
Снова словом пронзать.

Никому не доверена,
Больно греет любовь.
Что ж еще не уверен я,
Что не буду с тобой.

* * *

Я сегодня испанский король.
Ты — моя королева.
Соболевой
Накидкой укрою постель.
Я люблю эту роль.
Из партера налево,
Распаленный,
Я, выйдя, увижу метель.

Но сейчас я закрою глаза
На твое равнодушие,
Как будто со сцены
Вернувшись, ты будешь моей.
Пусть не гаснет азарт
И глаза не становятся суше,
Пока в венах
Шум нежнейших морей.

Когда бабушка из проходной
Повернет выключатель,
Горечь правды вернется
Ко мне, ну а ты — не ко мне.
Хороню за спиной
Свою жажду, как руку — предатель,
Что никак не коснется
Того, кто забылся во сне.

* * *

Не прими за прошение
Приласкавшийся стих.
Нет в любви утешенья
Одного на двоих.

Что с того, что строкою
О желанье солгу?
Ты нужна мне другою,
На ином берегу.

Не желаю я ласки,
Лишь кидаю — лови!
— Отражение маски
Невозможной любви.

* * *

Наши чувства и дом — из песка,
Улыбнись — разойдутся волнами.
На серванте два желтых цветка,
А над зеркалом шарф с галунами.

По новейшим законам игры
Мы законы игры развенчали,
Не кормя ностальгией костры
Неизбежной бездомной печали.

И слепой диктатуре сердец
Неподвластны орбиты движенья
Наших глаз, отраженных везде;
Пусть кривятся за нас отраженья.

Захлебнувшись другою игрой,
Забываем друг друга неспешно,
Улыбаясь, как желтые пешки,
Над тринадцатой картой Таро.

* * *

Рассвет, как серая собака.
Его дыхания туман
Предвосхитит рычанье драки,
Мой ключ швырнет в чужой карман.

Я вновь не свой: как батарейка,
Живу для музыки чужой,
А эгоизма телогрейка
Рождает зуд мастеровой.

Бреду по улице кромешной,
Поджавши хвост, среди собак,
Хотя — на взгляд — людскую внешность
Дала нам щедрая судьба.

ПОЛНОЛУНИЕ

Голос музыки тихой и дикой,
Белый танец при полной Луне.
Окровавился столик гвоздикой,
Догорает свеча на окне.

Пьяным сердцем мы чувствует точно
Отраженье небесной земли.
Ядовитые кактусы сочно
На тяжелом шкафу зацвели.

В эту ночь мир не может быть грубым,
Боль молчит за окном золотым.
Из убитых зверей наши шубы,
Тлен и ложь — со стихами листы.

За влюбленностью — тягостны страсти.
Несломимое это кольцо
Да не стиснет желанием счастья,
Чтобы сердце не рвалось на части,
Видя утром — чужое лицо.

* * *

Виденья твои — как предвестья рассвета,
И радость от жизни в глазах.
Последняя битва кипит на планете
И сталью бряцает в словах.
Предчувствие завтра — любовь или ярость —
Все ближе и все горячей
В глазах твоих пляшет маняще и ярко,
Как отблеск надмирных лучей.

Тебе пробираться в густых многоцветьях
Высоких ликующих трав,
Землею очищенной, ранью приветной,
Весною излеченных ран.
Животным чудесным протянешь ладони,
Обнимешь прекрасных людей.
Миров пробужденных живою водою
Ты будешь омыта везде.

Лидия Волынец

г. Иркутск

ШАХМАТНАЯ ИСТОРИЯ

Однажды в Минске ясным днем
Играла в шахматы с огнем.
Мне шах объявлен королем,
Ему ответила конем.
И в жертву принесла коня,
Год Лошади не для меня.
Хоть оборону и вела,
Границы пешка перешла.
Хотела, видно, стать ладьей,
Пускай ей будет Бог судьей.
Решила я пойти в обход
И снова собралась в поход,
Перелистнув одну страницу
На Киев — южную столицу,
Решила продолжать игру,
Ладью направив по Днепру.
Здесь Артемида — падишах
Мне громко объявила шах.
Была оставлена ладья,
Слон выручает короля.
Дел не исправит здесь война,
Себе осталась я верна.
И спорить ни к чему с судьбой,
Раз сердце просится домой.
Собрать недолго свой багаж,
Машину завела в гараж.
Шлю пламенный привет друзьям,
Спасибо за поддержку вам.

ИЛЛЮМИНАЦИЯ

На карнавале этой ночью
Я праздник славный отмечал.
И Коломбину, между прочим,
Среди друзей там повстречал.

Была счастливой без вина,
Вот что поведала она:
«Сегодня снова для веселья
Я всех зову на новоселье.

Игрой меня очаровал
Осенних красок карнавал.
И вновь в угоду миражу
Сквозь пестроту на мир гляжу.

Пусть черный цвет исчезнет враз,
Пятнистым станет в окнах глаз.
Цвет белоснежный — исключенье,
В нем нахожу я отраженье.
Заметней темное на белом,

А белый цвет поярче сделать
Поможет мне прожектор глаз.
Иллюминацию для вас
Устроить мне не трудно, право.

На сцене столько я играла,
Что хочется Домой сейчас». (Причуда в том актеров старых,
Что ж, так бывает и у нас.)
Но вдруг явился зритель странный,
Какие-то значки чертил.
Над сценой, видно, не случайно,
Огромный мрачный зонт раскрыл.

Тона афиши черно-белой
Вмиг стали пестрыми. Как быть?
И темных букв на фоне светлом
Уже теперь не различить.

— К чему делить на черный, белый,
Пускай преобладает серый, —
Сказал прохожий и исчез.
Передо мною вырос лес.

Коробок серых без прикрас
С осколками бесцветных глаз.
И в мутных стеклах не понять,
Как черный может белым стать.

Заметно краски побледнели,
Ночь растянулась до недели.
Юпитер власть Сатурна сверг,
В свой срок опять настал четверг.

Тут дождь пошел, и стало ясно,
Что ночь на день меняет Мастер.
И снова в круг друзей позвал.
Весенних красок карнавал.

Дарья Крушинская

Республика Бурятия, п. Селенгинск

КТО Я?

Я — зренье, я — слух, я — движенье,
Я — тело и я же душа.
Я — мысль, я — речь, я — сомненье,
Я — радость и я же тоска.

Но «Кто я?» — вопрос без ответа,
Здесь тайна лежит бытия.
Зачем существую на свете?
Какой Богу прок от меня?

ЛЬЮИС КЭРОЛЛ «WHEN WHITE EDRTH»

Зимой, когда белы поля,
Пою я песни для тебя.
Весной, когда бог даст листву,
Тебе все чувства объясню.
Когда распустятся цветы,
Со мною рядом будешь ты.
Когда пожухнет вся трава,
Ты запиши мои слова.

Перевод с англ.

Владимир Корнилов

член Союза писателей России, г. Братск

* * *

Анатолию Горбунову

Я деревню из детства
Через годы пронес.
Мне достались в наследство
Просо вызревших звезд,

Баня черная, веник,
Горечь листьев берез
И клубника без денег,
А не рубль за горсть.

...Детство то, озорное,
Как мираж, далеко.
Там дымится парное
По утрам молоко.

Там босые дороги
Под мычанье и гул
За лесные отроги
Убегают в июль.

БОЖЬЯ КОРОВКА

Внучке Юленьке

Божья коровка лежит кувырком*
В красненькой блузке — сама босиком.
В черную крапинку спинка у ней.
С ней я дружу уже несколько дней...

...Летом у речки, где донник цветет, —
В домике светлом коровка живет.
Утром проснется, пройдет по лучу,
Словно артистка, — и я хохочу!..

Крылышки выпустит — вдаль улетит.
С ней разлучаясь, мой взгляд загрузит...
К вечеру снова вернется она,
Сядет мне на руку — в дружбе верна.

Трогает пальцы, щекочет ладонь.
Блузка на солнце горит, как огонь.
С виду малютка, но, может быть, в ней —
Суть равновесья Вселенной моей?

...Летом у речки, где донник пьянит
Запахом меда и утро звенит
Солнцем в прохладной зернистой росе, —
Я поклоняюсь ей, Божьей красе.

ДРУЗЬЯ

Жил-был на белом свете
Пушистый Хомячок.
Его любили дети
И музыкант Сверчок.
На скрипочке он песни
Играл для Хомячка.
И не было чудесней
Той дружбы для Сверчка.
...Однажды к нам в теплицу
Прокрался Хомячок,
Нашел нам рукавицу —
И сходу на бочок.
А после тот хитруля
Жилье себе сыскал.

* Лежит кувырком — так необычно назвала шестилетняя Юленька лежащую на спинке божью коровку.

И с мая до июля
Огурчики таскал.
И каждый день, под вечер,
Звал в гости он Сверчка.
Готовил ему «лечо»
И торт из кабачка...
А в полночь чай из блюдцев
Со сладким молочком
Все пьют — и не напьются
На пару со Сверчком.
...Потом Сверчок на скрипке
Играл для Хомячка —
И Хомячок в улыбке
Расхваливал Сверчка.

В НОВЫЙ ГОД

Взгляд из детства

Горели свечи среди бела дня,
И солнце пахло спелым апельсином.
...Нежданно деда рассмешил меня,
Назвав при встрече не внучком, а сыном.

Мы с ним столкнулись около кафе,
Где я на горке ледяной катался.
Мой деда был под легоньким шафе
И всем красивым тетям улыбался.

Они ему дарили свой привет —
Снежки бросали и смеялись звонко.
Как будто с ним знакомы много лет, —
Вели себя, ну просто как девчонки!..

Я деду тряс стыдливо за рукав,
Чтоб вел себя на улице прилично.
...Но взгляд его был весел и лукав:
Был Новый год — и значит, все отлично!

Ольга Фигура

*г. Братск, школа № 41, 9 класс, лауреат городского фестиваля
«Жемчужина Братска», диплом II степени*

Е. Б. посвящается

Прости меня за то, что я люблю
И жить своей любовью я мешаю,
Пойми, что без тебя я умираю
И в сердце образ твой боготворю.

Родные сердцу, милые черты
Боюсь забыть, как сон, едва проснувшись,
И прошептать, руки твоей коснувшись:
«Постой, я верю в то, что это ты».

Но знай, когда-нибудь настанет час,
Мечты и грезы я свои разрушу,
Отдам судьбе израненную душу,
Когда-нибудь, но только не сейчас.

Слова твои как воздух я ловлю,
Но ты любовь простой игрой считаешь,
И если ты хоть что-то понимаешь,
Прости меня за то, что я люблю.

* * *

Средь мелких деревьев
И стареньких кочек
Под елочкой дремлет
Малютка цветочек.

От бури и гроз
Его ель сберегает,
И в лютый мороз
Он всегда выживает.

Он спит, но когда-нибудь
Все же проснется,
Под солнцем весенним
Малыш встрепенется.

И каждый из нас
Будет счастлив и рад,
Вдыхая прекрасный
Его аромат.

ВОСПОМИНАНИЯ О ДРУГЕ

Я про жизнь свою забыла,
Чтобы счастья больше было,
Долго я судьбу молила —
О тебе была мольба.

Я сказать тебе хотела,
Но, увы, я не успела,
И меня опередила
Очень горькая судьба.

Помню я твой лоб вихрастый,
Помню свитер твой цветастый,
Помню я твой взор прекрасный,
Твои ясные глаза.

И подобно дикой кошке,
Я гляжу теперь в окошко,
Помоги хоть ты немножко,
Моя горькая слеза.

* * *

Мы любим тех, кто нас не любит,
Ошибки делая не раз,
И каждый ненароком губит
Надежду тех, кто любит нас.

Мы в этом мире лишь песчинки,
И нас гнетет один вопрос:
«Зачем мы видим лишь слезинки,
Не замечая моря слез?»

Ведь всю любовь нельзя измерить,
И каждый раз, за веком век,
Страдает, любит, ждет и верит
Смешной, наивный человек.

Татьяна Ефимова

г. Братск

ПРИХОД ВЕСНЫ

Весну встречаю у ворот,
Весна пришла — весь мир поет.
...Петух в деревне во всю мочь
Веселым гимном славит ночь.

К утру осипнет и замрет.
И вот — настал других черед:
Поют синица и скворец
Созвучно музыке сердец.

И даже муха за окном
Встречает первый майский гром,
Жужжаньем крылышек звеня,
Во славу солнечного дня.

Подснежник первый, как фантом,
Раскрыл лиловый свой бутон
Средь робкой зелени травы.
С весной весь мир сейчас на Вы!

ЖИЗНЬ В ТИШИ

Я живу, как в горах эдельвейс,
В постоянной тоске существую.
Как цветочек в стране сонных грез,
В одиночестве полном тоскую.
Я живу, словно горный цветок.
Не ласкает меня, не лелеет
Ветра горного жгучий поток,
Он лишь хладом и сухостью веет.
В тишину погружаясь и в сон,
Все в округе моей замолкает.
Лишь в душе распустился бутон,
Лепестками на солнце сверкает.
Я прошу тишину:

«Тишина!

Подари мне хоть каплю звучанья,
Пробуди все вокруг ото сна,
И отсрочь ты с весной расставанье!»

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Снег идет. Похолодало,
Но в душе еще тепло.
Я зимы не ожидала,
А пришла — и мне светло.

Наши чувства, словно солнце,
Освещают зимний день.
Если мы с тобой смеемся, —
Не падет нам в души тень.

Вдруг скатились наши слезы,
Словно бисер по щекам.
Как же злы у нас морозы
К теплым любящим сердцам.

Мир прозы

Александр Лаптев

Родился в Иркутске в 1960 году. После окончания в 1983 году физического факультета Иркутского университета двенадцать лет работал ведущим инженером в конструкторском бюро радиоаппаратуры. Без отрыва от производства закончил аспирантуру и в 1994 году защитил в С.-Петербурге диссертацию кандидата технических наук. В этом же году на первом всероссийском совещании молодых писателей в Москве был принят в Союз писателей России.

С 1995 года работал: редактором в книжном издательстве, журналистом в газете, охранником в частной охранной фирме, директором издательства, а с мая 2001 года и по настоящее время — председателем правления Иркутской писательской организации.

Первая журнальная публикация состоялась в 1995 году (журнал «Аврора», повесть «Небо над городом»). Затем повести и рассказы печатались в журналах «Сибирь», «Приключения и фантастика», «Первоцвет», «Роман-газета». В 1999 году в Иркутске вышла книга фантастики «Звездная пыль» (повести и рассказы).

Живет в Иркутске.

БЛАГОЧЕСТИВЫЙ БЕСПРЕДЕЛ

Фантастическая повесть

Часть 1

— Вызывали? — я шагнул в просторный светлый кабинет и остановился у порога.

— Павлов? — Шеф поднял свою крупную благообразную голову и посмотрел на меня темными глазами, неестественно большими за толстыми линзами очков. — Заходи! — Шеф вышел из-за стола, я двинулся ему навстречу. — Садись.

Мы пожали друг другу руки и сели на стулья с высокими изогнутыми спинками, выстроившимися вдоль стены. Я закинул ногу на ногу и сделал озабоченное лицо, приготовившись услышать краткое и четкое задание. Чем нравился мне шеф, так это своей конкретностью — никогда не говорил

он ничего лишнего, все по существу, и в то же время не возникало ощущения, что он так уж сильно занят и желает от тебя поскорее отделаться. Вот и на этот раз он сразу перешел к делу.

— Вот что, — проговорил он и снял очки с толстого носа, вынул платок из бокового кармана пиджака и протер очень тщательно стекла. Я внимательно следил за ним. — Произошло ЧП! — сообщил он, спрятав платок и водрузив очки обратно на нос. — Сгорела уникальная проблемная лаборатория. Очень дорогостоящая. Жертв, к счастью, нет. Скорее всего, это несчастный случай. В общем, поезжай и разберись на месте. Понял?

— Нет, — ответил я. (Шеф наш довольно демократичный мужик и допускал иногда подобные вольности.)

— А что тебе непонятно? — буркнул он как бы недовольно, но и достаточно спокойно — такой добродушный пожилой человек с внимательным взглядом больших темных глаз.

— Это что же, вы поручаете мне самостоятельное расследование? — произнес я с нотками удивления.

— Да, поручаю. Самостоятельное расследование. Именно так и надо понимать.

— Гм!.. — Я нахмурился и покачал головой. (Сам не знаю, зачем я это сделал?) Полгода уже я работал в Департаменте Охраны Края и полгода мечтал о самостоятельном деле, и вот когда мне наконец-то поручили самостоятельное расследование, я взял да и нахмурился. — Гм! — сказал я и покачал нахмуренной головой.

Но шеф проявил обычную свою терпимость. Он не вскочил, не затопал и не закричал, вообще никак не показал своего недовольства. Он сидел с кротким видом, положив руки на колени, и ждал, что еще я выкину.

— Ну хорошо, — сказал тогда я и поднялся. — Когда мне ехать?

— Прямо сейчас.

— Сейчас?

— Сейчас.

— Гм!.. — Я засунул руки в карманы брюк и глянул за окно.

За окном пылало лето во всей красе. Серебрились на солнце листья деревьев, словно рябь шла по воде от легкого ветерка, бежали по синему небу белые прозрачные облака, сияло солнце, и все было так тихо и безмятежно, что невозможно было представить, что где-то там, вдали, под синим небом и ясным солнцем произошла такая жуткая вещь — сгорела целая лаборатория, да еще проблемная, и к тому же чрезвычайно дорогостоящая. И я должен туда поехать и во всем разобраться. Найти виновников и вынести суровый приговор. Неужели это все так и есть?..

Я посмотрел задумчиво на шефа.

— А далеко эта лаборатория находится?

Тот поднялся и прошел к столу, вытянул из папки бумажный лист и протянул мне.

— Вот адрес, езжай прямо сейчас.

Машину, к сожалению, дать не могу, но это недалеко, и так доберешься.

Взяв лист двумя пальцами, я сказал: «Хорошо» — и направился к выходу, но в дверях задержался.

— А как мне быть с Петуховым?

— А что такое? — не понял шеф.

— Ну я же у него в группе числюсь, дело шестьдесят девять, дробь один, — проговорил я так, словно сообщал какую-нибудь мерзость.

— А-а! — махнул шеф рукой, — там уже к концу подходит, обойдутся и без тебя.

Я коротко кивнул и вышел.

И надо ж такому случиться: именно в эту секунду навстречу мне — Петухов!

— Эй! — крикнул он на весь коридор как ненормальный. — Павлов! Ты где это шляешься? Почему я всегда тебя разыскивать должен?

Я выдержал паузу и спокойно так ему отвечаю:

— А твое какое дело? Я у Рохлина сидел, обсуждали один вопрос.

Петухов хмыкнул так нехорошо и говорит, близко подойдя ко мне:

— Ты вот что, — сказал он и взял меня за пуговицу, — мне срочно нужна справка по пятой форме. Давай, беги сейчас наверх, Люда тебе все объяснит.

— Не могу, — отвечаю. — Выезжаю на задание.

— Какое еще задание?

— Этого я не имею права сказать, спроси у Рохлина.

Петухов отстранился от меня и некоторое время с изумлением рассматривал, будто перед ним стояло невесть что. Вообще, неприятный тип. Наглый такой, совершенно бездушный человек. Говоришь ему: «Не могу!» — не понимает. Стоит и пялится как дурак. Длинный как оглобля, белобрысый словно пудель, голова квадратная, как у робота, а глаза желтые и круглые, словно вставили в глазницы пару медных монет и оставили так навсегда — очень неприятный тип!

— Все, мне некогда, — проговорил я решительно и, отодвиг Петухова плечом, двинулся по коридору.

— Эй! — крикнул он мне в спину. — Так это тебе поручили проблемную лабораторию?

Мне нравятся

— Ну мне, а что?

— Дают! — протянул он с непередаваемым выражением. — Тоже мне, нашли следователя. — Повернулся и пошел прочь.

Несколько секунд я видел его качающуюся фигуру, но не успел ничего сказать, потому что он свернул влево и пропал из вида. «Эх Петухов, Петухов! — подумал я тогда. — Ни черта-то ты не понимаешь! Жалкий и ничтожный человек!»

Через час я был на месте происшествия, а сказать точнее — катастрофы. Проблемная лаборатория оказалась на поверку преогромным институтом, и теперь на месте его зияла здоровенная воронка с краями, покрытыми черной жирной копотью; размер ее был метров, примерно, сто на сто, из глубины поднимался клубами грязно-серый пар, а дна вообще было не видать, и можно было подумать, что дна у ямы и нет, и оттого опасным казалось близко подходить к ней. Странно было видеть все это среди жаркого летнего дня, под ослепительным солнцем и бескрайним синим небом. Я попытался представить, что на этом месте еще вчера стояло красивое современное здание, сверкающее стеклом и металлом — храм науки, цитадель знания, форпост передовой мысли и место, где заваривалось будущее счастье всего человечества, — я попытался это представить и не смог. В институте трудилось несколько тысяч человек, здание набито было дорогостоящим оборудованием, в нем беспрерывно проводились совещания, назначались симпозиумы, коллоквиумы и семинары, в нем кипели научные страсти, неотделимые от научного прогресса и от неудержимой поступи вперед, — а теперь здесь устроилась огромная черная дыра, из которой валит клубами густой дым и к которой опасно приближаться, потому что можно запросто свалиться в нее, и тебя уж никогда не найдут, а спишут все на проклятую стихию, на огонь, всепожирающий и безжалостный в своем неутолимом аппетите. Я поежился и сделал шаг назад... Но почему яма? Откуда? Не должно быть никакой ямы! Можно подумать, что здесь взорвался маленький

термоядерный заряд. Обойдя неспешно воронку по периметру, оглядевшись вокруг, полюбовавшись на окрестные поля и леса (лаборатория располагалась за городом, в очень живописном месте), я направился в канцелярию научного центра.

А там меня встретили с полным равнодушием. Я бы так выразился, что в канцелярии меня никто не ждал. Пожилая расстроенная женщина, дежурившая на вахте и похожая больше на домохозяйку, чем на научного работника, никак не могла понять, чего от нее хотят.

— Я следователь! — орал я, стоя перед ней. — Прибыл из Департамента Охраны Края. Понимаете меня? Я имею специальное задание — во всем тут у вас разобраться и найти виновных... «и наказать!» — добавил про себя.

Женщина непонимающе смотрела на меня.

— Я должен составить акт осмотра места происшествия и опросить свидетелей. Где тут у вас свидетели?

— Не знаю.

— Как не знаете? А кто знает?

— Обратитесь к директору.

— А где директор?

— Не знаю.

— Кто знает?..

В таком духе мы проговорили минут пять, после чего я отправился гулять по этажам. Прогулка получилась невеселая. Коридоры были пустые и какие-то голые, плафоны на потолках перекошились и отказывались светить (полетела подстанция), а ученый народ пребывал в полнейшем отсутствии. Я уже совсем упал духом, но на четвертом этаже обнаружил вдруг одно живое лицо. Лицо назвалось референтом. Естественно, научным.

— А вы кто? — поинтересовался он в свою очередь.

— Я следователь. Буду вести дело о гибели лаборатории.

Референт — довольно высокий мужчина, по возрасту — лет сорока пяти, с аккуратной черной бородкой, но зато без усов, — внимательно оглядел меня, и на лице его показалось что-то вроде сомнения. Я вытащил служебное удостоверение и подал ему:

— Вот!

Документ несколько успокоил ученого товарища, и он предложил мне садиться.

— Что вас интересует? — спросил он, закинув ногу на ногу.

— Да, собственно, все, что связано с произошедшими у вас событиями, — ответил я и тоже закинул ногу на ногу.

— Вы имеете в виду взрыв лаборатории?

— Как? — встrepенулcя я и скинул ногу обратно. — Разве был взрыв у вас?

— А вы что, не знаете?

— Нет.

— Странно.

— Почему странно?

— Да все про это знают.

— Гм... — «Взрыв. Этого мне еще не доставало!» — Итак, вы сказали, что у вас произошел взрыв?

Референт кивнул.

— Ну и... как это произошло? Расскажите поподробнее!

Через каких-нибудь полчаса картина была мне ясна в общих чертах. Судя по рассказу, все выглядело просто. Накануне вечером, когда сотрудники ушли домой, в здании института, в подвальном помещении, взорвалась энергетическая установка (вот откуда такая огромная воронка!). Причина взрыва — чисто техническая, что-то там произошло в системе охлаждения — то ли она перегрелась, то ли закупорилась — это не суть важно. Главное: референт напрочь исключал террористический акт.

— А почему вы исключаете это? — спросил я и насторожился.

— А какой смысл? — спросил он в ответ. — Кому это было нужно?

— Ну мало ли, — проговорил я с сомнением, — всякое бывает... В институте работало три тысячи человек. Вы ведь не можете за каждого поручиться?

— Могу.

— Можете? В самом деле? Это интересно! — Я снисходительно улыбнулся и приготовился слушать. Но референт остался серьезен. Он вообще, кажется, не умел улыбаться.

— Все очень просто, — проговорил он, глядя куда-то мимо меня, — дело в том, что уже было принято решение

об уничтожении лаборатории. Осталось всего четыре недели до назначенной даты, и все об этом знали. Так что сами понимаете — какой смысл взрывать то, что все равно подлежит уничтожению.

— Да, верно, — ответил я и потер с силой лоб. Подобная новость озадачила меня. Вообще, я с опаской относился к ученым и ко всему ученому миру. У них там свои законы. Нам, нормальным людям, не так-то легко бывает понять иные поступки и решения. — А что, почему лабораторию решили уничтожить? — нашелся я наконец.

— Да как вам сказать, — произнес референт с сомнением. — Это не такой простой вопрос, и я вообще думаю, что это не должно вас интересовать.

— А что меня должно интересовать?

— У вас в настоящее время есть непреложный факт (подтвержденный документально) — это решение об уничтожении лаборатории вместе со всем оборудованием. Подобное решение полностью исключает вероятность злого умысла, следовательно, данную гипотезу можно исключить. Вы согласны со мной?

— Пожалуй, — проговорил я неохотно.

— И тогда получается, что все это — обычная авария, не имеющая к тому же сколько-нибудь серьезных последствий.

Я закивал печально головой. Дело выходило самое простецкое. Никто не пострадал, и никто даже и не виноват.

Нашу беседу я записывал на диктофон, и после подобного объяснения ничто не мешало мне встать и спокойно уйти. Но я чего-то медлил.

— А все-таки, почему решили уничтожить лабораторию? Нет, в самом деле! Мне интересно, просто... как человеку.

Референт мог бы и не отвечать, но, видно, жалился надо мной. Поменяв ноги местами, то есть перекинув их наоборот, он стал терпеливо объяснять (как бы перед ним сидел ребенок):

— Понимаете, — проговорил он и взял себя за бороду, — случается иногда так, что научный поиск заводит исследователей в тупик. (Я одобрительно

Мир прогов...

кивнул.) И это есть даже некоторая норма, ничего тут не поделаешь, на то он и поиск, чтобы время от времени заводить в тупик. (Я снова молча одобрил данную мысль.) Ведь согласитесь: заранее неизвестно, к чему приведут научные исследования?! (Новые энергичные кивки.) И у нас произошел именно такой случай. Научные исследования не дали ожидаемых результатов, и было принято решение о прекращении работ.

Я кивнул в очередной раз и прибавил: «Да».

— Ну вот и все! — заключил референт. — Теперь вам понятно?

— Теперь понятно, — ответил я и поднялся. Мы прошли вместе до дверей и я взялся за ручку, готовясь выйти вон, но в последний момент обернулся. — И все же я не уловил главного — зачем понадобилось уничтожить лабораторию?

Референт посмотрел на меня почти с сожалением.

— Ну я же вам объяснил.

— Да-да, объяснили, — поспешил я согласиться, — исследования зашли в тупик, идея потерпела крах, и в смятенных мозгах поселилось отчаяние. Но причем тут непосредственно лаборатория? Зачем нужно было ее уничтожить? Само здание, оборудование, стулья и столы?

— Что касается экспериментальных установок, то они подлежали уничтожению как негодные, именно, заведшие научный поиск в тупик. А здание — оно было выстроено под конкретные технологии и ни для чего другого уже не годилось. И вообще, легче построить новый корпус, чем реконструировать старый. На это у нас есть специальное заключение.

Я уже действовал референту на нервы, это было заметно, но все же не удержался от последнего вопроса:

— А над чем, собственно говоря, работала ваша лаборатория?

Вместо ответа референт сходил к столу и сунул мне в руки цветной проспект, сказав, что я найду в нем «интересующую вас информацию». Проспект был глянцевый, блестящий и синий на вид. Я с удовольствием его ощупал и спрятал в дипломат.

— До свидания, — сказал я и вышел в коридор.

Проходя через чугунные ворота, я приостановился и еще раз оглядел научный городок. Над черной ямой поднимался султан из дыма, вокруг стояли в опасной близости разнокалиберные домики, домишки и дома, разбиты были дорожки между акаций, росли аккуратные деревья там и сям, стояли равномерно скамейки, фонари и урны, а вдали протянулись неоглядные зеленеющие дали, и над всем этим — необъятное синее небо. Тихо, спокойно, хорошо. Возвращаться в город не хотелось. Но пришлось.

В Департамент я не поехал, рассудив, что красивый глянцевый проспект можно полистать и дома, в спокойной обстановке, где не будут меня беспрерывно отвлекать телефонные звонки или мерзкие личности вроде Петухова. В три часа я проник в свою холостяцкую квартиру, запрятанную в недрах тридцатидевятиэтажного дома, и, сняв обувь, прошел в комнату и бросился на свой любимый диван, держа двумя руками проспект и думая передохнуть минут пять, а потом заняться холодильником, в смысле поискать себе что-нибудь поесть. Но чтение неожиданно увлекло меня. Альбом оказался такой красивый, а информация настолько удивительна, что я опомнился, лишь услышав звонок в дверь. Настенные часы показывали половину пятого, в это время могла прийти только Энрика. Я открыл дверь, и точно — это была Энрика, девушка, которую я считал своей невестой. (Кем считала она меня — я точно еще не знал.)

— Привет, — сказала Энрика, проходя в комнату. — Ты почему не на службе? (Она упорно называла мою работу «службой».)

Я сразу же напустил на себя таинственность.

— Да так, — сказал я и мотнул неопределенно головой, — мне тут дело одно подкинули...

— Какое дело?

— Да вот, — указал я на проспект, валявшийся на диване, — изучаю, так сказать, материалы.

Энрика была студенткой местного университета, и потому все ей было

интересно. Она бережно взяла альбом и принялась листать. Глаза ее забегали вправо-влево, лицо попеременно вспыхивало и темнело. Сам я, наверное, минуту назад выглядел точно так же. Но теперь я напустил на себя таинственность и принялся расхаживать по комнате, между диваном и столом, рассуждая как бы сам с собой, но достаточно внятно и вслух, о таком необычном происшествии. Однако Энрика совершенно не слушала меня, лишь изредка роняла вопросы: а это что? — а это кто?.. Тогда я подходил к ней сзади и, прищурившись, смотрел на фотографию, потом читал подпись внизу и давал объяснения:

— Это опытный образец — эм сто сорок пи.

— А что значит — эм сто сорок пи?

Я снова прищурился.

— Обозначение такое. Эм — модернизированный, сто сорок — порядковый номер, а пи... это, это... Ну тоже что-нибудь да значит. Особенность какая-нибудь.

— Как интересно!..

Мне и самому было интересно. Я не ожидал, что лаборатория занимается такими диковинными вещами — созданием человекоподобных роботов. С глянцевого проспекта смотрели на меня удивительно живые и до того красивые лица, что невозможно передать. До прихода Энрики я успел узнать из проспекта, что роботы практически ничем не отличаются от людей: по своим умственным способностям они значительно превосходят человека, физические их кондиции также заметно выше, и вообще — это идеальные создания, призванные помочь людям в решении сложных и разнообразных задач, которых у них всегда больше чем достаточно. И теперь мне вовсе было непонятно, почему такая чудесная лаборатория подлежала полному уничтожению. Благодаря альбому подобное действие очень смахивало на идеологическую диверсию. Именно диверсию! Диверсию против государства и общества.

Энрика поинтересовалась существом дела, и я вкратце рассказал ей все, о чем знал.

— Надо же, — воскликнула она. —

Какие глупые люди! И зачем понадобилось уничтожать такую замечательную лабораторию?

На это я ответил, что лабораторию только планировали уничтожить, а взорвалась она сама по причинам чисто техническим.

— Все равно глупые, — повторила она и после недолгой паузы спросила: — А ты видел их там?

— Кого?

— Ну этих, роботов.

— Нет, не видел. — Я озадачился внезапной мыслью: ведь судя по проспекту, за несколько лет было изготовлено больше сотни роботов. Почему же я их не заметил нигде? Или их увезли? — Нет, роботов я там не видел, — произнес я задумчиво.

— А интересно было бы на них взглянуть — они такие красивые!

Я хотел заметить своей невесте, что это не та красота, которая должна привлекать или очаровывать, но не стал. Вместо этого отправился на кухню — пора было, наконец, позаботиться о собственном желудке.

С Энрикой мы познакомились год назад, прошлым летом, а уже зимой я решил, что должен жениться на ней; точный срок при этом не назначался, но куда особо спешить? «Поженимся, когда Энрика будет учиться на пятом курсе, то есть на следующий год — возможно, уже этой осенью», — решил я. Энрику нельзя было назвать красавицей, но лицо ее казалось мне приятным — своей мягкостью, и еще — глазами — бархатистыми, глубокими. Отношения у нас были прекрасные, то есть очень ровные и душевные. Мы никогда не ссорились, даже и намеков не было на ссору (что меня самого удивляло). Надо сказать, что я не отличался тихостью нрава, но рядом с ней просто невозможным казалось сказать что-нибудь резкое или обидное. Все вокруг отмечали, что в последний год я заметно переменялся — стал терпимее, внимательнее и даже «гуманнее», как выразился один товарищ.

И вот мы сидим с ней на кухне, по обе стороны крохотного стола, открытого красивой белой клеенкой, и кушаем ложками пластиковую кашу прямо из кастрюли. Многие, я знаю,

Мир иродов

не любят пластиковую кашу, а я ничего, ем за милую душу. Энрика не отставала от меня, и нам было весело и хорошо — сидеть на кухне и кушать большими ложками безвкусную пластиковую кашу. Параллельно мы вели глубокомысленную беседу.

— А зачем вообще нужны эти роботы? — спрашивает Энрика, жуя. Я усиленно работаю челюстями, будто мне в самом деле не терпится ей ответить. Но на самом деле я не знаю, что сказать. Что-то слышал краем уха, что, мол, ведутся работы по созданию искусственного интеллекта, разрабатываются человекоподобные роботы и проч. — но все это казалось таким далеким и нереальным, что теперь, ввиду непреложного свидетельства успешности таких работ, я чувствовал известную растерянность.

— Понимаешь, какое дело, — говорил я, морща лоб, — эти роботы, они представляют собой заметный шаг в научном прогрессе. Ведь наука, она, знаешь ли, неостановима, научный поиск ведется непрерывно, и мы не знаем, куда он нас, к примеру, заведет; часто бывает так, что исследования заходят в тупик, и тогда приходится их сворачивать, ко всеобщему отчаянию. — Я сказал сам не знаю что. Кажется, повторил какую-то фразу референта. Но Энрика слушала внимательно, ей показалось очень интересным сказанное мною. Особенно понравились ей ссылки на неостановимый научный прогресс, а также героический научный поиск. Она в ответ дополнила мое суждение ценным замечанием и продолжила есть пластиковую кашу.

Опустошив кастрюлю, мы посидели еще немного в кухне, поговорили о роботах и о научном прогрессе, который просто обязан время от времени заводить незадачливых исследователей в тупик, а потом оделись и пошли в кинотеатр на сеанс голографического фильма; потом гуляли по улицам, взявшись за руки и вдыхая теплый летний воздух пополам с городской пылью и выхлопами пронесившихся мимо машин. А потом я проводил Энрику до общежития, в котором она жила.

На другой день, заскочив на минутку в Департамент и доложив шефу ре-

зультаты первичного осмотра, я снова поехал в научный городок.

Референт, к счастью, оказался на месте, и первым делом я попросил его показать мне какого-нибудь робота.

Референт странно посмотрел на меня и проговорил:

— А роботов у нас не осталось. Они все погибли.

— Как погибли?

— Да так. Они находились в лабораторном корпусе, на первом этаже. И все они погибли. Остались лишь фрагменты, куски — в яме, на дне. Можете слазить посмотреть.

— Но погодите. Что значит погибли? — все не верил я. — Неужели у вас не осталось ни одного экземпляра?

— Не осталось.

— Но как это может быть?!

— А что вы так удивляетесь? — даже обиделся референт. — Все так и должно было быть. Мы и хотели их всех уничтожить. Так что все нормально.

— Вы хотели уничтожить всех роботов? — переспросил я.

— Ну да! Я же вам вчера все объяснил.

— Я помню, вы говорили про оборудование, экспериментальные установки, стулья и столы.

— Прежде всего я имел в виду научный поиск, дающий отрицательный результат. В такой ситуации нередко приходится перечеркивать целое научное направление, приходится зачеркивать годы напряженного труда. Так нередко случается в науке.

Я не знал, что сказать. Одно дело — отвлеченные рассуждения, и совсем другое — конкретная черная воронка и уничтожение целого отряда красивых и умных роботов, влетевших государству, надо думать, в копейчку.

— Но почему их обязательно нужно было уничтожать? — воскликнул я. — Ну ладно, я понимаю — что-то у вас получилось не так, как надо, или даже совсем не получилось — ну так и пусть они останутся для наглядности. Может, и пригодились бы еще!..

Референт выглядел усталым. У него, очевидно, были занятия поважней, чем давать объяснения какому-то хмырю с удостоверением следователя.

— Мне кажется, что мы ведем бес-

предметный разговор. Лаборатория погибла без каких бы то ни было решений. Сама! Уж так случилось, и все эти рассуждения теперь ни к чему не ведут.

Здесь он был прав. Нельзя не согласиться. И все же я очень переживал за товарищей ученых, что все у них так нескладно получается — неправильно, не по-людски. Дай им волю, так они всю планету разворотят, подобно любознательному пацану, оказавшемуся ненароком в лесу с палкой в руке и возле муравейника... Хорошо, что я не ученый!

— И все-таки жалко, — проговорил я примирительно. — Так хотелось увидеть настоящего робота.

— Ну, вообще говоря, увидеть можно, — сказал референт, тоже понижая голос. — У нас есть архивные видеозаписи, так что я могу это устроить.

Я выразил немедленную готовность, и мы тут же спустились на один этаж; там, в небольшой комнатке с решетками на окнах, я был усажен перед компьютером; в накопитель поместили лазерный диск и... началось кино! Это был пятнадцатиминутный фильм из какого-то научного отчета. Я просмотрел его с полным вниманием, и надо сказать, ничего сверхъестественного не заметил. Роботы настолько походили на людей, что было даже неинтересно. Красивые, конечно, ничего не скажешь, линии тела пропорциональные, все рассчитано и выверено — будь здоров! Но хотелось увидеть что-нибудь этакое, необычное, наводящее, так сказать, на размышления и в чем-то даже скандальное. «Все-таки живое общение, — подумал я тогда, — это не то что видеофильм. В натуре я бы обязательно что-нибудь интересное заприметил». Однако после просмотра я поблагодарил референта и даже пожал ему руку, сказал, что было очень интересно и поучительно, и про неизгладимое впечатление, и еще про неостановимый научный прогресс, — и освободил его в конце концов от своего назойливого присутствия.

Но между прочим, по укоренившейся привычке, я переписал видеофильм на свой лазерный диск, который всегда таскал с собой — так, на всякий случай.

Референт отвернулся на секунду, и мне этого хватило. Вряд ли он разрешил бы мне проделать подобную штуку, а так мы расстались как друзья, с улыбками и пожеланиями успехов во всем.

Потом я еще походил недолго по территории научного городка, поговорил с рабочими, разбиравшими грязные завалы, допросил вахтера, сфотографировал место происшествия и остался доволен — пока!

Остаток дня я просидел за своим домашним компьютером, печатая двумя пальцами отчет о проведенном расследовании. К отчету прилагались цветные фотографии с натуры, а также кадры из видеозаписи, которые, вообще говоря, в отчете были необязательны. Но уж больно скромным на события выглядело все дело, и чтобы хоть как-то его украсить и придать солидности, я включил в него все, что только мог придумать.

Утром я был с докладом у шефа. Тот встретил меня торжественно, будто я вернулся из опасной командировки, чудом избежав гибели и до конца исполнив свой долг. Он взял меня за руки и повел к стульям, усадил и сам сел рядом. Я подал ему отчет с самым небрежным видом, но про себя ликуя, что подготовил такой толстый и убедительный документ, выполненный по всей форме и с полным соблюдением всех процессуальных норм.

Шеф принялся его листать, но как-то уж очень быстро, и в несколько секунд добрался до заключения. В заключении говорилось, что произошел несчастный случай вследствие технической неисправности энергетического оборудования лаборатории. Дело, на мой взгляд, подлежало закрытию и сдаче в архив.

— Что ж, поздравляю, — произнес шеф, довольно потирая руки. — Отлично поработали! Поздравляю вас.

— Да что, — забормотал я, — это ничего... все что мог, делов-то!..

Шеф прошел за стол.

— Значит так, — сказал он, усаживаясь. — За отлично проведенное расследование предоставляю вам недельный отпуск и премирую месячным окладом. Вот так!

Я медленно поднялся, руки сами собой вытянулись по швам.

Мир вперед

— Деньги получите сегодня после обеда в кассе, я подготовлю соответствующее распоряжение. С завтрашнего дня можете быть свободны. Отчет я сам отправлю в архив. Все!

Я стоял и не знал, что сказать.

— Идите! Вы свободны. До пятого числа.

Я молча повернулся и пошел из кабинета. Странно. Как все странно! Я шел по коридору и пытался осознать свое счастье. Только что я сдал первое в своей жизни дело и меня премировали деньгами и отпуском. И это только начало! Первое самостоятельное дело. Что же будет дальше?

На улице я пришел немного в себя. Остановился и посмотрел на часы. Было всего лишь девять. Итак... Отпуск? Отпуск! И в ту же секунду я понял, что мне необходимо срочно сделать: сейчас я разыскиваю Энрику, мы с ней выбираем маршрут и уезжаем из города куда глаза глядят. Покупаем два билета на первый же самолет и летим! Летим! Господи, как хорошо!..

День, начавшийся удачно, так же удачно и продолжился. Энрику я застал дома, то есть в университетском общежитии — это было в одиннадцать часов, она с самым серьезным видом читала «Анналы биологии» на английском языке за прошлый год, — а в двенадцать мы были уже в Трансагентстве, — ходили, задрав головы, по громадному залу среди тьмы народа, высматривая в расписании подходящий рейс. Мы знали, чего хотим. Нас манила Южная Америка! Потому что мы там никогда не были. Сельва, Амазонка, аллигаторы — на это стоило посмотреть, — и мы ходили, задрав головы, по громадному залу, шаркая подошвами по отполированному полу, и читали расписание трансконтинентальных рейсов.

Отдохнули мы хорошо. Жили в прекрасном отеле в Обиду, в Бразилии, и каждый день пересекали на катере мутные воды Амазонки. Было очень жарко и душно, но в том и состояла прелесть — именно такой представлялась нам Южная Америка, знойная страна с буйной растительностью, с лесами, через которые невозможно пройти, и с реками, в которые нельзя

без риска для жизни опустить ногу. Обилие экзотических и отчасти ядовитых насекомых дополняло жуткую в своей привлекательности картину, и мы испытали некоторое облегчение, когда утром пятого июня взошли по трапу на самолет, летящий в Европу, и заняли два кресла по левому борту, и включили кондиционеры над головами, из которых тотчас полились холодные воздушные струи. Все было замечательно у нас, но потом случилось одно недоразумение. Ближе к концу полета я отправился в буфет, расположенный в передней части салона, чтобы купить бутылку лимонада — ничего особенного! — но затем, возвращаясь по проходу между кресел с бутылкой напитка и двумя пластмассовыми стаканчиками в руках, я наткнулся взглядом на одного пассажира. Он сидел с краю и читал газету, широко развернув ее перед собой. Сначала я видел красные и желтые прямоугольники на обложке газеты, а потом, приблизившись, увидел вдруг его лицо. Невольно замедлив шаг, я приостановился и едва заметно улыбнулся и кивнул пассажиру как старому знакомому. Тот оторвался от чтения, с недоумением посмотрел на меня, нахмурился и снова уткнулся в газету. Получилось очень глупо.

Я вернулся на свое место, подал Энрике стаканчик, откупорил бутылку и налил темной шипучей жидкости ей и себе.

— Что-то случилось? — спросила она, отпив треть стакана и глянув на меня.

— Нет, ничего, — ответил я, стараясь скрыть смущение.

Энрика пожала плечами и отвернулась к окну.

— Я там знакомого встретил, — выговорилось у меня как-то само собой.

— Какого знакомого?

— Да там, впереди сидит, — кивнул я довольно неопределенно.

Энрика оперлась на мои колени руками и выглянула в проход; но ничего, конечно же, не разглядела и заняла исходную, то есть нормальную позицию.

— И кто же это? — спросила она.

— Да я и сам не знаю. Помню, что видел его где-то, совсем недавно, а где — не могу сказать!

Энрика подумала чуть.

— Ну, а он что?

— Ничего.

— Как — ничего?

— Не узнал меня. Или сделал вид.

Энрика отпила лимонаду из стаканчика и произнесла:

— Странно.

— Да, очень странно.

Остаток пути мы сидели в молчании.

Энрика смотрела в окно, сначала на выпуклый океан, казавшийся застывшим и сделанным из синего стекла, потом на землю, на горы и реки, и на темные леса, а я полулежал в мягком кресле и старался ни о чем не думать. Но этого не получалось. Казалось обидным, что я не мог вспомнить человека, которого точно где-то видел. Надобно знать, что у меня была превосходная зрительная память; именно это обстоятельство во многом определило для меня выбор профессии следователя, и я почитал теперь святой обязанностью находить подтверждения своей прекрасной зрительной памяти на каждом шагу. И вдруг — такой конфуз. Это в самом деле казалось странным. Все крепче я уверялся, что человек с газетой мне знаком. Но где я его видел?.. Я знал, что не успокоюсь, пока не вспомню. И я вспомнил, но не сразу, а немножко погодя.

А пока что мы прилелели, самолет произвел благополучную посадку в аэропорту города Ю-ска, мы с Энрикой спустились по железному трапу на бетонку, сели в желтый автобус с косыми черными полосами с обоих боков и покатались к зданию аэровокзала. Так закончилось наше путешествие в Южную Америку.

Несколько дней я жил спокойно — ходил на работу, выполнял мелкие поручения, играл в теннис, а также в Sokoban, составлял какие-то справки и чувствовал себя относительно хорошо. Но однажды, подчиняясь какому-то внутреннему приказу, я вставил в накопитель компьютера лазерный диск с видеозаписью из проблемной лаборатории и устроился перед экраном. Я все время помнил про того странного пассажира в самолете, и вот... результат! До последней секунды я отказывался верить себе, но не верить теперь было

нельзя. Воспоминание выкристаллизовалось в четкую картинку, настолько четкую, что не нужно было даже закрывать глаза, чтобы представить ее во всех подробностях. Просмотр видеозаписи подтвердил мои подозрения с непреложностью факта. Через пятнадцать минут я выключил компьютер и уставился на погасший дисплей невидящим взглядом. Все стало ясно, и все запуталось. Этот мужик, который летел в самолете — это же робот! Никаких сомнений. Вот она — сенсация! Вот он — запутанный клубок. Вот случай, который сделает меня знаменитым. Не об этом ли я мечтал чуть ли не с колыбели?!..

Через минуту я был у шефа.

— Анатолий Николаевич! — начал я торжественно. — В деле, которое я вел, появились подробности, в корне меняющие всю картину.

Шеф не сразу понял меня.

— В каком деле?

— Ну в том, по лаборатории, в которой роботы.

— Роботы... Ну и что?

Я подошел вплотную к столу и, нагнувшись, проговорил вполголоса:

— Я недавно встретил одного робота в самолете. Мы вместе летели из Южной Америки, и я его узнал.

Шеф откинулся на спинку.

— Так-так. Робота, значит, встретил. И что дальше?

— Как что? Меня уверяли, что все роботы погибли, и вдруг я встречаю робота в самолете. Как это понимать?

— Да, это весьма странно, — молвил шеф и, положив руки перед собой на стол, принялся выстукивать пальцами какой-то марш. — А ты уверен, что это был робот?

Уверен ли я?

— Конечно, уверен. Абсолютно! Вы же знаете, Анатолий Николаевич, что у меня стопроцентная память. (Что такое «стопроцентная память» — я и сам толком не знал, но с успехом пользовался столь удачной словесной находкой.)

Шеф задумался. На столе перед ним лежали кипы бумаг, это был очень занятый человек.

— Что же ты предлагаешь? Вернуть дело из архива? — спросил он.

Теперь задумался я. Оформлять

Мне нравятся

пересмотр дела мне не хотелось — на-смешек потом не оберешься. (Один Петухов чего стоит.) Но и оставить столь вопиющий факт без внимания я не мог.

Но тут на помощь мне пришел шеф.

— Вот что, — сказал он, — езжай сейчас в научный городок и порасспроси хорошенько там кого следует. Может, что-нибудь выяснится интересное. Потом доложишь.

— Хорошо, — сказал я обрадованно. — Поеду прямо сейчас.

И я поехал.

А вечером я сидел дома со стаканом апельсинового сока в руке и пытался рассуждать. «Что я имею? — спрашивал я себя и честно отвечал: ничего. Кроме личных, а следовательно, субъективных впечатлений. Но личные впечатления к делу не пришьешь». Поездка не дала никаких результатов, больше того — отняла законную гордость за успешно проведенное расследование. Приди я на день раньше — и, возможно, выяснил бы все. А теперь... Пока я отдыхал в Южной Америке, научный городок перестал существовать! Трехтысячный коллектив расформировали, все, что можно было вывезти — вывезли, остались одни лишь голые стены, осыпавшаяся штукатурка в коридорах, обрывки бумаг со следами подошв, покореженные металлические столы, перевернутые стулья, сейфы с распахнутыми дверцами — картина немножко напоминала погром. По территории городка ходили хмурые люди с блокнотами в руках — новые хозяева этого места, они осматривали каждую пядь земли, словно надеялись найти золотой самородок, пробовали ногой вкопанные в землю скамейки и щурились на солнце, очевидно раздражавшее их. Я рискнул с ними заговорить, но ничего хорошего не услышал. Целый научный комплекс перестал существовать, канул в Лету, как выражаются иные, — и никто не вздрогнул и не удивился, всем было наплевать. Я брел между молчаливых корпусов, мимо темных оконных провалов без стекол и думал о превратностях судьбы, о бренности жизни и о суете сует; мне было очень грустно,

словно это я работал в том институте и это меня лишили занятия, составлявшего, быть может, главный интерес моей жизни.

Такое настроение я сохранил до самого вечера, вплоть до встречи с Энрикой. Она зашла — оживленная, радостная, нервная — и сразу обратила внимание на мой неважный вид.

— Ну что опять? — спросила она с улыбкой. — Что у тебя случилось?

— Ничего, — сказал я и отвернулся к окну. — Научный городок расформирован, не осталось ни одного человека.

— И поэтому ты не в духе?

— Да нет, не поэтому. Я ездил туда, хотел выяснить кое-что, а там никого уже нет. Зря только время потратил.

Эника вытащила из сумочки пакет с гранатовым соком и налила в стакан. Взяла его своими красивыми длинными пальцами с перламутровыми ногтями и сделала глоток.

— А зачем ты туда ездил?

— Я вспомнил кое-что.

Эника пила бордовый сок мелкими глотками и смотрела на меня поверх стакана.

— Что вспомнил?

— Вспомнил, где видел этого типа из самолета.

— И где же?

— Это был робот, — ответил я не совсем впопад.

— Робот? — Девушка отстранила стакан от себя. — Ты уверен?

— Да.

Она покачала недоверчиво головой.

— Странно.

— Да, странно.

Мы помолчали.

— И что же ты хотел узнать в лаборатории?

— Не знаю, — честно признался я. — Просто подумал, что удастся поговорить с кем-нибудь, выяснить все...

— Что именно?

— Ну, о роботах, не могли ли они, к примеру, убежать оттуда до взрыва.

— Но тебе же сказали, что все роботы погибли.

— Да, сказали, — я поднялся с дивана и прошел к окну. С высоты двенадцатого этажа машины и люди внизу казались игрушечными. Деревья были мне по колено.

— Тебя так взволновала эта история? — Энрика подошла ко мне сбоку, я повернул голову и увидел улицу со всеми находящимися на ней предметами на поверхности ее карих глаз. Девушка была почти одного роста со мной, двигалась очень плавно и имела удивительную власть надо мной. От нее исходила спокойная уверенность, которой так не хватало мне.

— Не то чтобы взволновала, — не пожелал я согласиться с очевидным, — просто я хочу довести расследование до конца.

— Но ты и довел его до конца! Ведь так?!

Я снова посмотрел в ее глаза и снова увидел в них небо с солнцем и облаками и улицу со всем, что ей принадлежало.

— Так.

Мы одновременно улыбнулись, и я взял ее за руку.

— Что ты будешь делать этим летом?

— Ну ты ведь знаешь, у меня учебная практика до сентября.

— А может, не поедешь? — задал я вопрос, ответ на который был мне заранее известен.

Энрика тяжело вздохнула, и я вздохнул тоже. Ехать, конечно же, придется, практика есть практика. Мы договорились встретиться вечером, и девушка ушла. Я закрыл дверь и вернулся в комнату, в тишину и скуку холостяцкого жилья.

Но я недолго предавался унынию. В двадцать три года невозможно долго печалиться, даже если и есть для этого серьезные причины. Мне вдруг пришла в голову интересная мысль. Подсев к дисплею, я запустил просмотр видеозаписи из лаборатории. Нашел нужный кадр и скопировал в отдельный файл фотографию робота — того самого, из самолета. Так и назвал файл: ROB.FLY — то есть робот летающий. Затем вошел через модем в международную компьютерную сеть, конкретно в картотеку Интерпола (как сотрудник Департамента Охраны Края я имел туда доступ) и запустил в интерактивном режиме процедуру идентификации видеоизображения. Короче говоря, я заставил централь-

ную ЭВМ проводить опознание среди нескольких миллиардов фотографий ныне живущих людей, изображение, мною предложенное, — именно содержащееся в файле ROB.FLY. Это задание на несколько суток. Я поставил компьютер в режим ожидания и занялся своими делами.

Это было в среду. А в пятницу вечером печатающее устройство выдало информацию: «Коремблит Юрий Иосифович, научный сотрудник Института Роботехники». Сообщались год рождения, адрес, семейное положение, национальность и кое-что еще. Ниже поместилась цветная фотография, выполненная методом электростатического напыления. Судя по сообщению, этот самый Коремблит жил в нашем городе, имел семью в виде жены и двух дочерей, и вообще был вполне обычным гражданином.

Не откладывая дела в долгий ящик, я сложил листок вчетверо и поехал по указанному адресу.

Едва я увидел в дверях хозяина, сразу понял — он! Большой лоб с залысиной, выдающиеся скулы, маленький подбородок и чрезвычайно хитрые глаза.

— Можно зайти? — спросил я вежливо и почти что не боясь.

— Заходите, — ответил тот после непродолжительной паузы и отодвинулся в сторону.

— Гражданин Коремблит? Юрий Иосифович? — спросил я, четко выговаривая слова.

— Да, это я.

Я подал служебное удостоверение. Он молча прочитал и вернул мне.

— Я вас слушаю.

Тут я замялся.

— Есть у вас компьютер? — наконец спросил.

— Да, есть. А что?

Я вытащил из кармана лазерный диск и помахал им в воздухе.

Через минуту мы смотрели фильм о роботах.

— Откуда это у вас? — спросил хозяин, когда фильм кончился.

Пришлось рассказать о проведенном расследовании, передать в общих чертах беседу с ученым референтом, а также о проделке с архивной записью, которую мне предоставил последний.

Мир прогов

— Данная запись, — заявил я почти официально, — суть, вещественное доказательство некоего необъяснимого феномена, объяснение которому я рассчитываю получить в ближайшее время!

Но Коремблит не испугался моих пространных угроз. Грустно улыбнувшись, он произнес:

— Жалко.

— Чего? — насторожился я.

— Жалко, что все так бездарно закончилось. У этих роботов было огромное будущее, а их взяли и уничтожили.

— Следовательно, вы считаете, что их не нужно было уничтожать?

— Конечно, нет. Впрочем, чего теперь говорить, — он отвернулся и замолчал. Мне сделалось неловко. Я никак не мог задать главный вопрос. Как-то не выговаривалось. В самом деле, не мог же я так в лоб заявить: уважаемый, а вы часом не робот?

Недолго поколебавшись, я достал фотографию — увеличенный кадр из фильма — и протянул собеседнику.

— Как вы можете объяснить это?

Тот повертел равнодушно карточку в руках, прищурился, посмотрел на свет.

— И из-за нее вы приехали?

Я наклонил голову и состроил довольно сложную гримасу, дескать, всякие чудеса случаются на свете.

Хозяин чуть заметно усмехнулся.

— А вы заметили, в чем я был тогда одет?

— Заметил. В халате. Белом.

— Верно. Все сотрудники нашей лаборатории носили белые халаты. А роботов одевали в комбинезоны. Там во время съемки еще несколько человек попали в кадр. Те, что в халатах. Вы не обратили внимания?

— Обратил, — сказал я, мрачней.

— Они все здесь, в городе живут. Могу познакомить, — и после паузы: — Запись делали непрофессионалы. И засняли много лишнего. Так что...

Я поднялся.

— Извините, что побеспокоил.

— Ничего, я понимаю. Служба у вас такая.

— До свиданья.

— До свиданья. — Я вышел на лестничную площадку и побежал по ступенькам вниз.

Таким дураком я давно себя не чувствовал.

Дома я еще раз просмотрел фильм и увидел, что действительно, несколько человек были в белых халатах. Я их всех добросовестно вычленил в отдельные файлы, а потом запустил процедуру идентификации через систему Интерпола. Через два дня я имел на руках результат. Все они были людьми и жили в нашем городе. Сенсации не состоялось. Я решил забыть об этом деле.

Снова зажил я нормальной жизнью. Ходил днем на службу, вечером купался в бассейне, смотрел видеопрограммы и упражнялся в компьютерные игры, которыми была напичкана сверх всякой меры моя домашняя ЭВМ. Энрика уехала на свою практику, и я был предоставлен сам себе. Лето было в самом разгаре. Июль, жара. Мужчины ходили в рубашках с короткими рукавами и в шортах, женщины носили свободные сарафаны, открытые всем ветрам, и прикрывались зонтиками, сквозь которые можно было рассматривать ночью звезды на небе.

За неимением серьезного занятия я снова был включен в группу Петухова; тот сразу стал приставать ко мне со множеством самых идиотских поручений, от которых мне становилось дурно, и я вынужден был время от времени выходить на улицу, чтобы протереть глаза и успокоить расшалившиеся нервы. От такой жизни я начал проситься в ночные дежурства, и меня включили в экстренную оперативную группу на правах криминалиста-стажера. Эта группа, состоявшая из четырех человек, находилась постоянно в резерве, как в засаде, и должна была выезжать, когда штатные оперативные группы были заняты. В среднем один раз за ночь мне приходилось выезжать на какое-нибудь происшествие — с центрального пульта приходил сигнал «два ноля», и мы ехали в ночь, в неизвестность. Я дежурил два раза на неделе, и это приятно разнообразило мою жизнь.

Однажды мы разбирали довольно кошмарную аварию. Тяжелый автопоезд не вписался в поворот и завалился на бок в самом неподходящем месте, то есть на тротуаре. В это время проходил мимо человек, и его придавило

тяжелым автопоездом. Несчастливого буквально размазало по асфальту. Я посмотрел на это место издали и поспешно отвернулся. Там уже суетился наш врач, щелкал камерой фотограф, а я бродил вокруг и осматривал всю позицию целиком. Но была ночь, видимость плохая, и я мало что увидел. Остатки трупы сложили на носилки и отнесли в медицинскую машину, сраженного горем водителя автопоезда усадили рядом, и машина унеслась в санчасть. Мы еще походили недолго вокруг, обменялись мнениями и уехали тоже. Дело ясное.

Наутро мне пришлось составлять протокол осмотра места происшествия. Налицо фатальный исход, поэтому протокол следовало составить по форме За. Вытребовав у дежурной в канцелярии нужный бланк, я заполнил как положено все графы, мне оставалось лишь записать «характер повреждений пострадавшего». Подвинув себе телефон, я набрал номер анатомки.

В ответ на мой вопрос о характере повреждений поступившего ночью тела дежурный патологоанатом стал перечислять одну за другой чуть не все кости, начиная с рук и ног и кончая ребрами и позвоночником, которые оказались раздроблены или просто сломаны; затем педантично перебрал внутренние органы, которым повезло еще меньше, поскольку и прочность у них не та, и закончил головным мозгом, от которого, по его словам, остались «рожки да ножки». Он говорил довольно быстро, словно на лекции, и вынужденный за ним записывать, я не имел времени представить себе подобные травмы во всей их ужасающей сути.

— Хорошо, — сказал я, когда он кончил. — Еще один вопрос: когда наступила смерть?

— Смерть? — переспросил патологоанатом и замолчал на секунду; вопрос, казалось, привел его в затруднение. — Видите ли, — произнес он не совсем уверенно. — Дело в том, что с формальной точки зрения мы не можем говорить о смерти.

— Как это?

— Ну-у, вы понимаете, — взял менторский тон собеседник, — вся штука в том, что констатация смерти произво-

дится по ряду определенных признаков, таких, например, как остановка сердца, прекращение дыхания и кровообращения, поражение головного мозга...

— Ну и что?

— Так вот, в данном случае мы не имеем полного набора таких признаков.

Трубка нагрелась в моих пальцах, и я переложил ее в другую руку.

— Знаете, — произнес я, стараясь говорить ровно, — мне нужно заполнить форму три-а. Слышали о такой?

— Конечно.

— Тогда в чем дело?! Сообщите мне признаки согласно пунктов пять и шесть — и это все, что мне от вас нужно.

В трубке протяжно вздохнули; вероятно, мой собеседник плохо спал этой ночью.

— Вся проблема в том, — заговорил он, — что у него до сих пор работает сердце.

— Сердце работает?

— Да, сердце. Крови практически не осталось в организме, мозг полностью уничтожен, а сердце стучит, словно бы ничего этого не произошло.

— Но погодите. Разве такое бывает?

— Приходите, сами увидите.

Я призадумался. «Сходить, что ли?..»

— Когда можно прийти?

— Прямо сейчас.

— Хорошо. Буду через десять минут, — и захватив форму За, я отправился в морг.

Как любой нормальный человек, я не любил моргов. С моргами у меня были связаны самые неприятные воспоминания. (А у кого нет таких воспоминаний?) И мне было немного жутко входить в этот чертог смерти. Даже когда в таком месте происходило подлинное чудо, то я не мог ждать от этого чуда ничего для себя хорошего.

Вместе с патологоанатомом мы спустились на лифте в подвальный этаж и пошли по каменному полу мимо широких железных дверей. Было холодно и гулко, некрашенные двери навевали глубокую тоску, и я жалел уже, что согласился прийти. В конце коридора мы остановились, спутник отомкнул большим металлическим ключом за-

Мне нрав...

мок и открыл не без труда тяжеленную железную дверь.

— Прощу.

Не без трепета я вступил в могильную тишину и холод. В синем тусклом свете протянулись рядами стеллажи, словно в камере хранения, только вместо сумок и чемоданов покоились на полках полиэтиленовые пакеты с холодными синими телами внутри. Анатом пошел уверенно вперед, и я двинулся за ним, стараясь ступать потише.

Остановились возле одного пакета. Тело лежало на спине. Спутник взял двумя пальцами собачку замка-молнии, и я невольно отвел взгляд.

— Ну вот, видите, — услышал я бодрый голос. — Череп раздроблен, грудная клетка раздавлена. Все внутренние органы убиты (он так и сказал — убиты). Крови нет, дыхания нет. Температура — минусовая. Вот, потрогайте сами!.. (Я не шелохнулся.) А сердце до сих пор бьется. Правда, уже не так часто, — он приблизил к пакету левое ухо и прислушался. — Да, определенно, интенсивность ударов ослабла. Идите сюда, что вы там стоите?

Я сделал неуверенный шаг и остановился. Хотел что-нибудь сказать, но слова никак не подбирались. Анатом внимательно поглядел на меня и произнес:

— Сейчас мы уйдем. В принципе, и необязательно было вам приходить.

И тогда, словно испугавшись, я заставил себя так взглянуть на тело, и увидел нечто кровавое, с отвратительными протянувшимися белыми волокнами, с какими-то пузырями и серо-розовой пеной в углублениях. Я быстро отвел взгляд и судорожно сжал челюсти. Доктор запахнул края пакета и застегнул замок до самого верха, действуя деловито и спокойно.

А потом мы вернулись обратно, в тепло человеческого жилья, в нормальный белый свет и привычные запахи.

— И что вы об этом думаете? — спросил я, постепенно приходя в себя и обретая обычную свою уверенность. В руках моих был протокол осмотра — форма За.

— Да что мне думать, — произнес легко анатом. — Это вы там у себя думайте, а мне тут думать некогда.

Мы зашли к нему в кабинет, и он сел за стол, а я остался стоять.

— Так что мне записать в протокол осмотра?

— Не знаю. Подождите пока.

— А чего тут ждать?

— Пока сердце не остановилось, мы не можем считать тело мертвым.

— Когда же оно остановится?

— Этого я не знаю. Может, сегодня. А может, завтра.

Я скатал протокол в трубочку и вышел. Все-таки неприятные люди — эти паталогоанатомы. Никакого к ним доверия.

На другой день я снова позвонил в морг. Дежурил уже другой врач, и мне пришлось долго объяснять ему существо вопроса. Он все никак не мог поверить, что в подвале лежит тело с раздробленной головой и раздавленной грудной клеткой, у которого, несмотря ни на что, работает сердце. Мне необходимо было знать «его» состояние.

— Кого? — спрашивала телефонная трубка.

— Что значит кого?

— О ком вы все время говорите?

— Я говорю о человеке, поступившем к вам вчера ночью. Вы посмотрите по журналу регистрации!

— Так что вы от меня хотите?

— Я хочу знать его состояние.

— Чье?..

Собеседник попался на редкость тупой. Он никак не хотел разуместь простых и ясных слов. Все пытался доказать, что я чего-то не так понял и что не может быть никакого состояния кроме однозначно мертвого ни у одного тела, помещенного к ним в морозильник.

— Иначе его бы туда не поместили! — уверял он.

И пришлось мне во второй раз спуститься в зловещие подвалы. Паталогоанатом с видом крайнего неудобства прочитал протокол осмотра, заполненный мною на девять десятых, потом взял журнал регистрации и нашел соответствующую запись. Наведя таким образом некоторую ясность, мы отправились в морозильник.

Но там произошла неожиданность. Тела на месте не оказалось.

Паталогоанатом торжествовал.

— Да был же он, был! — чуть не

кричал я. — Вчера лежал на этом самом месте.

— Был да сплыл, — ухмылялся бездушный человек. — Померещилось тебе! Это бывает, особенно после ночных дежурств. Но ты не переживай особо, все еще наладится!

Мы поднялись наверх, и я самолично пересмотрел все записи за прошедшие сутки. — Ну вот же он! — ткнул я пальцем в номер 324.

— Ну и что?

— Как — что?!.. Взгляните сами! Номер 324, тут еще написано: «Вып. 12dd». Что это означает?

— Это значит, что тело отправлено на кремацию.

— Так, выходит, он все-таки умер?

— Ну конечно! Конечно, он умер. Я же тебе об этом толкую. Этот парень умер! Не мог не умереть.

— А сердце! Ведь у него билось сердце!

— Это тебе почудилось, со страху не то бывает.

— Но как же! — не унимался я. — Ведь со мной был врач, это он сказал про сердце.

— Кто такой?

— Ну, который вчера дежурил, я его фамилию не запомнил.

Анатом пожал равнодушно плечами и отвернулся.

Я не знал, что дальше делать.

— Так чего ты хочешь? — спросил анатом, зевая и прикрывая рот ладошкой.

— Мне необходимо заполнить протокол, графу «характер повреждений», и указать дату смерти.

— Ну и пиши дату — сегодняшнюю, а повреждения возьми из заключения по результатам вскрытия.

— Ладно, — сдался я, — дайте мне заключение, и я пошел. Через полчаса я закончил эпопею с протоколом формы 3а.

Распечав его в трех экземплярах и поставив внизу каждого по размашистой подписи, сдал бумаги в общий отдел. Остальное меня не касается. Чего я буду ломать голову над всякой ерундой?..

Однако этот случай произвел на меня неизгладимое впечатление. В совокупности с событиями последних

недель произошедшее представлялось очень подозрительным. Сначала эта история со взрывом лаборатории, потом встреча с роботом в реактивном лайнере, а теперь вот человек с разможенной головой и раздавленной грудной клеткой, у которого целые сутки неизвестно почему бьется сердце. И вместо того чтобы разобраться со столь удивительным феноменом, понять что к чему, сделать, быть может, какие-то выводы, — тело отправляют на кремацию и быстренько сжигают. И концов уже не найти. Странно все это, очень странно!..

Произведя в голове ряд подобных заключений, я направился к шефу.

Тот молча выслушал меня. Ему, правда, было скучно слушать, но он старательно это скрывал, и я сделал вид, что ничего не заметил.

— ...поэтому я требую расследования данного факта! — закончил я свою речь.

— А чего тут расследовать? — удивился шеф. — Это я подписал указание о кремации тела.

Тут уже пришла моя очередь удивляться. Выходит, он про все знал! Так почему он не остановил меня?

— Да, — подтвердил он, — это я распорядился. Потому что этот человек был фактически уже мертв.

— А сердце?

— Остаточная фибрилляция. Такое бывает иногда. — Он помолчал. — А почему ты интересуешься?

— Как почему? Был человек, и нету. Странно это.

— На свете много чего странного происходит, — заметил шеф. — Если на все обращать внимание, то некогда будет работать.

После таких слов мне ничего не оставалось, как повернуться и уйти, унеся в себе неясные подозрения и предчувствие грядущей мне беды.

Какие-то непонятные события происходили со мной в последнее время. Словно я оказался на борту океанского лайнера, и палуба уходит иногда из-под ног, и нет уже прежней твердости существования и уверенности в поступках; горизонты попеременно меняются местами, и не знаешь порой, куда держишь путь. А между прочим,

Мир прогов...

все началось со злосчастной лаборатории. Насколько странной была ее гибель и все, с нею связанное, настолько странной сделалось мое последующее существование.

Вернувшись домой вечером, я решил снова просмотреть видеозапись с лазерного диска, но почему-то не смог его найти. Я перевернул всю комнату, перетряс ящики стола, сумки и карманы — бесполезно. Диск пропал, будто его и не было. Тогда я побежал в Департамент, пытаюсь убедить себя, что забыл диск на рабочем столе, но и там его не оказалось. Это явилось последней каплей. Я плюнул на все и отправился во дворец молодежи, желая погрузиться хотя б на время в атмосферу беззаботности и веселья; хотелось забыть про все, сбросить напряжение и ощутить легкость бытия — ощущение, которое я начал уже забывать.

И все же я не захотел кончить дело таким образом. Начинать карьеру с подобных шуток мне вовсе не улыбалось. Этак я привыкну делать все шалаяй-валяй, будут происходить со мной всякие несуразности, и так и потянется моя служба, как та телега, влекомая трясущейся клячей с розовыми от старости губами, и закончится каким-нибудь бредом. В чем состоит несуразность уже произошедшего, я не мог вполне понять, но буквально кожей чувствовал нечто инородное, глубоко чуждое и противное разуму. Трудно даже объяснить, в чем тут дело, ведь ничего слишком особенного не произошло. Так, глупости какие-то. И все же я насторожился, и как выяснилось впоследствии, насторожился не зря!

Дальнейшие события развивались очень неожиданно и закончились совсем уж невероятно. А началось с простого. Используя некие хитроумные приемы, я восстановил на встроенном в мой компьютер жестком накопителе видеозапись фильма из погибшей лаборатории. (Я вообще любил возиться с компьютером. Иной раз такое в нем обнаружишь, что только руками разведешь.) Так вот, поскольку запись уже крутилась в виртуальной памяти процессора, то и оказалось возможным ее проявить, так сказать, на материальном плане. Хотя в каком-то смысле мне по-

везло. Я не просто восстановил утраченный файл, но восстановил запись в полном объеме — весь пятнадцатиминутный фильм от начала и до конца.

С этого все началось! Будто кто толкал меня в бок: я вычленил изображения всех роботов в отдельные файлы, и таких файлов оказалось больше сотни. Попадались там и люди в халатах, но в основном были роботы, одетые как положено, в специальные комбинезоны. У меня уже имелся опыт работы с Electronic cards of INTERPOL, и недолго думая, я запустил процедуру идентификации для всех моих файлов. «Пусть хоть целый месяц работает, — думал я, — это неважно. Но надо что-то делать. Оставить это так нельзя!»

А через неделю я получил первые результаты. Сначала компьютер Интерпола идентифицировал сотрудников лаборатории, то есть людей. Таких, в соответствии с числом халатов, оказалось пятеро, и это было нормально и правильно. Но еще через пару дней печатающее устройство выдало сообщение под номером шесть. Я долго смотрел на бумажную ленту и ничего не мог понять. Передо мной лежала фотография робота, одетого в комбинезон, а снизу сообщалось, что данный гражданин проживает на территории Англии, живет благополучно и даже имеет семью; зовут его не по-русски — Чарльзом, и фамилия у него тоже заграничная — Смитт. Не верить собственным глазам я не мог, компьютер также не мог ошибиться. Следовательно, что?..

Отодвинув все дела, я поехал к Ко-ремблиту.

Тот не удивился, увидев меня, лишь поправил очки на носу и пригласил войти. Я быстро рассказал ему про все и сунул в руки распечатку из компьютера. Он долго ее рассматривал, а я сидел рядом и ждал. Потом он положил снимок на стол и проговорил:

— М-да!

— Что вы об этом думаете? — спросил я.

Он развел руками.

— Даже не знаю. Может, он убежал как-нибудь?

— Кто?

— Ну, робот!

— Значит, это все-таки робот?

— По всей видимости, да.

Я взял снимок и поднес к глазам.

— А как вы их отличаете?

— Этого я не могу объяснить. Что-то во взгляде, в выражении лица, в лицевых мышцах. Наверное, это и есть опыт. Я двадцать лет занимаюсь человекоподобными роботами.

Я снова посмотрел на снимок, но ничего не увидел особенного.

— Есть у вас что-нибудь выпить?..

Через минуту мы держали в руках бокалы с густым и сладким вином. В голове приятно зашумело, по телу разлилось тепло и сделалось почти что хорошо. Собеседник мой, видимо, расслабился, и я расслабился тоже. Хотелось говорить и слушать, хотелось принять непринужденную позу и рассуждать о сложном, непонятном и пугающем.

— Скажите мне, только честно, что вы обо всем этом думаете? — произнес я, отвалившись на мягкую спинку кресла. В руках моих грелся бокал с красным вином, и я делал с небольшим перерывом маленькие глотки.

Как и любой человек, Коремблит любил больше поучать, чем слушать. Это общая человеческая черта. Поэтому, заметив у меня неподдельный интерес, он сначала как бы нехотя, а потом все более воодушевляясь, начал говорить, говорить, говорить, так что под конец его трудно было остановить. Начал он издали:

— С самого начала, — произнес он, уводя глаза в сторону и уносясь мысленно в иные сферы, — в этом деле многое было подозрительно.

— Что именно? — вставил я.

— Начать с того, что всех исследователей разбили на мелкие группы, и мы не знали, чем занимается соседняя лаборатория.

— Так, — поддакнул я.

— Нам объявили, что мы участвуем в секретном проекте по созданию человекоподобного робота. Кто-то из нас должен работать над мозгом, кто-то имитировал нервную систему, кто-то — скелет, а кто-то — внутренние органы.

— А вы над чем работали?

— Я — биофизик. Обмен веществ — вот моя область.

— Ну хорошо, и что же было дальше?..

Дальше было много чего. Я слушал целый час, пока мы не добрались наконец до рассматриваемых событий.

— Так почему все-таки лабораторию решили уничтожить? — задал я приготовленный вопрос. Мы выпили уже по несколько бокалов вина и держались очень непринужденно.

— Почему? — переспросил ученый и выпрямился в кресле. — Вы спрашиваете меня — почему?

— Да, вас. Почему!

Коремблит поискал что-то глазами на столе и увидел пустую бутылку. Потом посмотрел удивленно на бокалы, тоже пустые, поднялся и пошел нетвердой походкой на кухню.

— Вы хотите знать, почему? — снова сказал он, раскупоривая новую бутылку и наполняя бокалы.

— Ваше здоровье! — сказал я и сделал добрый глоток вина.

— Да потому что они трусы! — крикнул ученый, внезапно воспламеняясь.

— Кто?

— Они все! Они испугались!

— Кто испугался? — я был покрепче своего собеседника и мог контролировать себя.

— Они испугались! Трусы!

— И чего же они испугались? — спросил я ровным голосом.

— Они создали нечто, не укладывающееся в их понятия. И они испугались. Они испугались!

Я внимательно смотрел на возбужденного человека и молчал, понимая, что другого такого разговора может и не быть.

— Молодой человек, — обратился он ко мне неожиданно трезвым голосом. — Вот скажите, вы любите сказки?

— Ну да, люблю.

— А читали вы, как рыбак нашел в море бутылку, в которой сидел джинн, свирепый и могучий, и когда рыбак узнал про это, то, испугавшись, заманил хитростью джинна обратно в бутылку и бросил ее в море?

— Читал, — сказал я, подумав. — Ну и что?

— Так здесь то же самое! — обрадовался ученый. — Они создали джинна, который может выполнить любое

Море и рыбак

желание! И они испугались его! Они решили закупорить джинна в бутылку и бросить обратно в море!

Я сидел расслабленно в кресле и цедил густое сладкое вино. Мысли мои расплзались, как черви под дождем на рыхлой почве, не хотелось ни о чем особенно думать. Эти сказочные аллегории всегда нагоняли на меня тоску. К тому же они лживы, считал я, потому что любое сравнение изначально таит ошибку, искажает действительность. Модель никогда не сможет во всей полноте воспроизвести действительный процесс. Но кое-что я все-таки усвоил из рассказа. Преодолевая земное притяжение, я поднялся из кресла и сделал несколько шагов.

— Значит, если я правильно вас понял, они испугались роботов и... решили бросить их в море? — Я еще не до конца разобрался, кто такие «они», но не показывал вида. — Эти роботы, они что, представляли опасность для человека?

— Да нет, не представляли, то есть представляли, но в определенном смысле и при определенных условиях.

— Так нет или да?

— И нет, и да. Но сначала — нет!

Я прищурился на собеседника, тот слегка покачивался, но в целом сидел устойчиво. А может, покачивался я сам.

— Так все-таки — нет или да?

— В целом, конечно же, нет. Но говоря вообще, да!

Я вылил в себя остатки вина и поставил фужер на стол, провожая свою руку взглядом и боясь промахнуться. Вино оказывало действие не только на мое тело — с некоторых пор я перестал улавливать смысл услышанного.

— Нет, вы не подумайте, — продолжил ученый, — наши роботы не могли и не могут причинить конкретный вред человеку. Совсем наоборот, они чрезвычайно полезны и... умны. Они — совершенны! Настолько совершенны, что их решили уничтожить.

— Вот это правильно! — кивнул я и покачнулся.

— Они оказались настолько хороши, настолько умны — умнее всех нас! — что мы все испугались — а к чему это может привести?

— Да, к чему?

— Не получится ли так, что мы станем ненужными?

— Кто это — мы?

— Ну, мы, люди!

— Мы — люди?

— Ну да, мы — люди.

— И что дальше?

— Так вот, они могут спросить нас: зачем вы здесь?

— Где?

— Ну здесь, вообще на Земле.

Я присмотрелся к ученому, и облик его показался мне необыкновенным, — волосы развивались вокруг его головы, словно змеи, лицо искажено и взгляд горячий.

— Они могут спросить нас: чем вы занимаетесь? Почему живете неправильно? — говорил он, глядя прямо на меня.

— Мы живем неправильно?

— Неправильно.

— Мне пора, — сказал я, чуть подумав, и сделал попытку встать, но это оказалось непросто. Весу во мне было — тысяча килограммов.

— Погодите, мы еще кофе не пили!

— Кофе? Это хорошо, — я крепко зажмурился, будто хотел выдавить из глаз всю накопившуюся муть, а потом открыл глаза и посмотрел вокруг. В этот момент я понял, что практически уже готов. Коремблит поднялся и ушел на кухню греметь посудой.

На следующее утро я ушел от ученого. Оба мы испытывали известную неловкость при расставании. Он все-таки угостил меня кофе, и мы разошлись вполне прилично.

А дома меня поджидал новый сюрприз. Печатающее устройство выдало еще два сообщения — фотографии роботов с человеческими именами и даже адресами. Я позвонил Коремблиту и рассказал про такие чудеса. Тот принял известие как-то холодно.

— Я же вам вчера все объяснил, — сказал он в трубку.

Я припомнил наш разговор, но в голове единственно вертелось: «Они испугались, они испугались», и еще — джинн из бутылки.

— Простите, — проговорил я с трудом, — у меня как-то все перепуталось в голове... Вы не могли бы повторить, хотя бы в общих чертах?..

— Эти роботы, по-видимому, убежали и живут теперь как обычные люди.

— И вы так спокойно об этом говорите?

— А почему я должен волноваться?

— Ну как, ваши роботы разгуливают на свободе, а вы...

— Во-первых, я к ним имею весьма далекое отношение, а во-вторых, они совершенно неопасны. По крайней мере, по вашему ведомству они не проходят.

— Но вы же сами вчера говорили, что все чего-то там испугались? Или это не ваши слова?

— Я говорил в широком смысле. Испугались не роботов как таковых, а отдаленных следствий данного эксперимента. Страшна наметившаяся тенденция, которая может привести к самым неожиданным результатам.

— Гм... — промычал я. — Не очень понятно.

— Извините, у меня мало времени, — сказал абонент, — если хотите знать мое мнение, то вам лучше оставить это дело.

— Почему вы так думаете?

— Потому что оно выходит за рамки вашей компетенции.

— Откуда вы можете это знать?

— Мне так кажется. Извините, я спешу. До свидания!

— До свидания, — пробормотал я и повесил трубку на держатель. Голова после вчерашнего болела, и хотелось бы на кого-нибудь разозлиться, но Энрики рядом не оказалось, а злиться на себя я пока что не научился. Недолго посомневавшись, я захватил с собой листы с фотографиями роботов и поехал в Департамент — в иные минуты хочется побыть среди знакомых людей.

Еще через неделю ЭВМ закончила поиск, и на руках у меня оказалось полтора десятка фотографий. Я ошалело смотрел на них и не знал, что теперь делать. Полтора десятка роботов рассеялись среди легкомысленного человечества по всему свету и занимались некоей деятельностью. Как это следует понимать? И что там говорил Коремблит про отдаленные перспективы и наметившуюся тенденцию?

Подозрительно. Ох как все это подозрительно!..

Но тут судьба словно сжалилась надо мной, и начались некие подвижки, пролившие свет на столь странные обстоятельства. Однажды я нашел у себя на рабочем столе записку — меня хотел видеть паталогоанатом, тот самый, с которым мы ходили в первый раз в холодильник и который утверждал, что у мертвого тела бьется сердце. Не мешкая я отправился к нему.

Он сидел в дежурке и что-то быстро записывал в развернутый сдвоенный бланк. Лицо его было нахмурено, брови сдвинуты к переносью, глаза неподвижны.

— Садись, — кивнул он, не оборачиваясь.

Я присел на жесткий диванчик и приготовился слушать.

Он кончил писать и бросил ручку на стол.

— Что ты там за разбирательство затеял? — спросил он, усиленно хмурясь.

— Да я про этого хотел узнать, у которого сердце билось. Вы знаете, наверное, что его тогда на кремацию отправили. Я хотел узнать о нем поподробнее, а тела уже нет.

Анатом вытащил сигарету и закурил. Перед лицом его поплыли синие клубы.

— А почему тебя это интересует?

— Ну как?! Мне поручили заполнить форму три-а — налицо пострадавший, который то ли погиб, то ли жив... И вот сегодня он все еще жив, а завтра его уже отправили в печь. Вы же сами мне говорили, что он был жив тогда!

— Я не говорил, что он был жив. Я сказал, что у него бьется сердце. Наблюдалась остаточная фибрилляция. А это разные вещи.

— Ну, вам виднее, — сказал я примирительно и умолк, ожидая, чего он еще скажет. Но он ничего не говорил — сидел и курил, пуская густые клубы перед собой.

— Так зачем вы меня звали? — спросил я.

Он ответил не сразу. Покурил еще немного, старательно затушил сигарету в пепельнице и повернулся всем корпусом ко мне.

Мир иrogen

— Ты вот что, забудь про все, что я тебе говорил. Я не имел права водить тебя в холодильник, и вообще...

— Что вообще?

— Ничего. Я не хочу неприятностей.

— И я не хочу!

— Ну и вот, закончим на этом, — он поднялся. Пришлось и мне тоже встать.

— Так вы за этим меня звали?

— Да, за этим! Если хочешь знать, мне пришлось писать объяснительную по поводу разглашения служебной информации.

— Погодите, — я замотал головой. — Какое разглашение? Я же свой, я проводил расследование!

— Все, прощай, мне некогда, — патологоанатом сложил руки на груди и отвернулся.

Я смотрел на его спину и не знал, что сказать.

— Кто вас заставлял писать объяснительную? — наконец выговорил я.

— Рохлин, кто же еще.

— Понятно, — произнес я и вышел из кабинета. Опять Рохлин — Анатолий Николаевич, мой непосредственный начальник.

Я дошел до его кабинета, но не стал входить — меня удержало некое смутное чувство, — а развернулся и пошел обратно. Надо было все хорошенько взвесить. Представлялось одно из двух: или здесь действительно что-то есть, или у меня начинается шизофрения — вопрос нешуточный и далеко небезобидный. (К шизофрении, как мне однажды сказали, я был изначально предрасположен.) С детства было у меня такое свойство — если уж запало что-нибудь в голову, то не вышибешь ничем! Самая никчемная мысль, необъяснимый здравой логикой каприз, малейшая зацепка — выяснению подлежало все, к обязательному исполнению направлялось любое желание; в принципе, хорошая черта — умение достигать поставленной цели. Правда, не всем это нравилось, но в смысле работы это было неоценимое качество. Ни одна мелочь от меня не ускользала, ничего я не мог позабыть, все шло в дело и все выполнялось в наилучшем виде. Чего уж говорить про настоящий случай — тут просто некуда было деваться, кроме как распутать этот чертов клубок, разрубить гордиев узел, или как там еще?..

Продолжение следует

Страна поэзии

Стефановичем

№ 3 (16) 2003

Вероника Бирюлева

п. Янталь Усть-Кутского р-на, 6 класс

СНЕГ

Снег искрится, снег кружится,
Все кружится и летает,
Покрывалом он ложится
И вокруг все замедает.
Все тропинки и овраги
Он укутал белой шалью.
И стоит, как на картинке,
Лес, окутанный печалью.

Альбина Тхорь

г. Иркутск

* * *

Лунный свет отразился в снежинках дорог,
Что кричали от боли и таяли грязью,
Жизнь спустила взведенный к пределу курок,
Неизведанным страхом мои нервы дразня.
Лай собак караульных, их вой на луну,
Убаюкал бессонницу в терниях мыслей,
Разум просто устал, отдаваясь в плен сну,
Расплескав через край впечатленья от жизни.
Где набраться ума — отключить телефон,
Отключить свою боль головную под вечер.
Позывные гудки — тихий внутренний стон,
В них вся жизнь — соль на раны, и руки на плечи.
Снег пришел. Он устал.
Он хотел отбелить грязь земли
Ею став, раздражая прохожих,
Он мечту не сберег, на тепло променял,
Отложив на потом все, что сбыться не может.
Где найти такой снег, чтоб себя оттереть,
Смыть с лица все ненужные мне поцелуи,
Чтобы их унесла по весне свежесть рек
В ту ушедшую боль, в эту боль неземную.

* * *

Стук сердца изнутри, и холод на душе,
 Куда теперь идти, зачем идти вообще?
 О чем теперь писать, кого теперь любить,
 Чего от утра ждать и как все позабыть?
 Нелепые слова, ненужные стихи,
 Дописана глава обрывками строки.
 Оборван телефон, и нервы заодно,
 Какой-то странный сон, все как в немом кино.
 Все как в чужом письме, не ясно до конца,
 Все как в чужой весне, разбитые сердца.
 Не понято все то, что не хочу понять,
 Хоть и понять легко, сложнее потерять.
 Среди каких-то дней, среди каких-то снов
 Забыть, забыть скорей удары этих слов.

Вера Гульева

г. Иркутск, лицей № 46, II курс

* * *

Не спасись мне теперь ничем.
 Сбылось старой гадалки пророчество!
 По ночам меня хлещет бичом
 Огнедышащее одиночество.

Не дает ни покоя, ни сна
 Память верная, ненавистная.
 Чтоб забыть голубые глаза,
 Я ладонями голову стиснула.

Улыбнулась назло тебе,
 А в глазах океаны слезные...
 Без стыда изменяя весне,
 Дни стояли жестоко-морозные.

* * *

Сонный ветер колышет деревья.
 Засыпают тревоги в сердце.
 И под шорох листвы осенней
 Что-то шепчет вечерняя тишь.

И откуда-то, с юга быть может,
 В спящий город приходят тени.
 Из норы под горой восточной
 Лезет ночь, словно чернаямышь.

Отчего ты не спишь, Художник?
Будет ветер в окно стучаться
Золоченой березовой веткой
И монеты в стекло бросать.

Что зовет тебя ночью бессонной
Кисть в лазурь опускать и в охру
И на серой холста равнине
Тишину и тоску рисовать?

Светлана Третьякова

г. Иркутск

ВРЕМЯ И СТЕКЛО

Венок сонетов

I

Когда я уйду и воскресну,
Я стану пичужкой небесной
И буду летать над землей,
В небесной дали голубой.

Мне будет легко и отрадно,
Когда я зальюсь серенадой
С рассветом грядущего дня.
А ты будешь слушать меня.

Однажды мотив моих песен
Покажется странно известен,
И ты, задыхаясь от боли,
Захочешь и неба, и воли.

Но тщетными будут усилья —
Не вырастут белые крылья.

II

Не вырастут белые крылья,
Я детские грезы забуду,
Не сыщется белая лилия
Среди голубых незабудок.

Мелькая, проносится мимо
Цепь прожитых несовпадений —
Не встреченных нами любимых
И невоплощенных свершений.

Как будто есть мир — отраженье
Земного, как в зеркале вечном,
Где счастье, покой, утешенье,
Где любят легко и беспечно.

А здесь мне и больно, и тесно,
И я не спою свою песню.

III

И я не спою свою песню,
Лишь только утихнут волненья.
Счастливой душе неизвестны
Полеты в страну вдохновенья.

Лишь горе прольется стихами,
Любви и сомненья, и муки,
И боль, пережитая нами,
Рождает волшебные звуки.

Тому, кто потом их услышит,
Вдруг станет светло или грустно.
Невиданной силою дышит
Рожденное в муках искусство.

А сердце мое позабыло
О том, как тебя я любила.

IV

О том, как тебя я любила,
Заплакало небо слезами.
И странно, и сладостно было
Мне плакать в обнимку с дождями.

Природа страдает немало:
И стонут от ветра деревья,
И солнцем отросточек малый
Сожжен до начала цветенья.

Мы только песчинки в пространстве,
В безбрежном земном океане.
Когда мы устанем от странствий,
Мы к берегу неба пристанем.

И вылечит наши страдания
Один лишь творец мироздания.

V

Один лишь творец мироздания
Поведает смысл рождения,
Зачем после встреч — расставания,
Зачем после сна — пробуждение.

Оделась земля в подвенечное
Весною, как в кружево нежное,
Доверясь легко и беспечно
Влеченью любви безмятежному.

А после убранство венчалное
Пред холодом савана осенью
С ветвей позолоту сусальную,
Как нищему под ноги, бросила.

Песочное время струится,
К нему мой рассудок стремится.

VI

К Нему мой рассудок стремится,
Ему я доверила душу,
Но я не умею молиться,
И станет ли Он меня слушать.

Ему, над вселенной и вечностью
Царящему, брошу признание,
Что трудно любить человечество
Распятому им в назидание.

И если мы все — Его дети,
Родитель Он слишком небрежный,
Мы долго страдаем на свете,
Без веры, любви и надежды.

Безрадостность существования,
Быть может, найдет оправдание.

VII

Быть может, найдет оправдание
Мне друг за поспешное бегство.
Мне тягостно было прощание,
Припомнилась сказка из детства.

Я знала, что только закатится
С лучами последними солнышко,
Мое королевское платье
Исчезнет, и стану я — Золушка.

Но друг безутешен и зол уж как,
Кипит возмущеньем и гневом.
Осталась я бедною Золушкой,
Не царствовать мне королевой.

Пусть сказка другая приснится,
Душе, что устала томиться.

VIII

Душе, что устала томиться,
Два ангела песню слагают,
Как белые-белые птицы,
Они в небесах воспаряют.

Мне б только на миг устремиться
За ними в мир грез и покоя,
С земной колыбелью проститься,
На миг позабыть про земное.

Но тягостна будет расплата
За то, что я в небо взлетела —
Свинцовая тяжесть возврата
В земное усталое тело.

Иную надежду мне сон дал,
Ведь разве не он ее создал.

IX

Ведь разве не он ее создал,
Ваятель свою Галатею,
Исторгнув восторженный возглас,
Сраженный упал перед нею.

Любовь оживила создание
Искусного Пигмалиона,
Но сердце людское — не камень,
И быть не прикажешь влюбленным.

Есть тихая нежность заката,
Прощального, теплого света —
Надежда на вечность возврата,
На новую встречу рассвета.

Вернется любовь неземная,
Свой образ в душе воплощая.

X

Свой образ в душе воплощая,
Ты вновь возвратишься ко мне.
И буду я бредить, сгорая
В безумном предутреннем сне.

И будешь ты нежным и страстным,
В меня безнадежно влюблен...
Покажется утром напрасным
Мой странный несбыточный сон.

А может быть, жизнь мне приснилась
Однажды, и я поутру
Пойму, что от сна пробудилась,
Увижу рассвет... и умру.

Покажется мне — слишком поздно
Открылись и небо, и звезды.

XI

Открылись и небо, и звезды,
Душа устремляется ввысь.
И с нею уносятся грезы,
Надежды, что вновь не сбылись.

Я знаю, что все возвратится
В земной искупительный плен,
И снова поможет забыться
В чарующих звуках Шопен.

Избавиться трудно от чувства,
Что все это было давно,
Что годы земные несутся,
Как кадры в забытом кино.

Откроются, нас пропуская,
Ворота и ада, и рая.

XII

Ворота и ада, и рая
Немало видали на свете,
Им служат и их охраняют
На свет не рожденные дети.

Всю жизнь приближаясь к вершине,
Поймет и оценит вдруг кто-то,
Что он приближался доньше
Лишь к этим последним воротам.

И станут смешны и ничтожны
Обиды в земной круговерти,
Наполнится помыслом Божьим
Живая душа после смерти.

Ведет к той черте одиноко
Любовь — неземная дорога.

XIII

Любовь — неземная дорога
К высокому храму и свету,
Где странник с котомкой убогой
Прощает грехи за монету.

Закрыты пути, чтоб вернуться,
Мосты за спиною сгорели,
И страшно навек обмануться
И вновь не достичь своей цели.

Найдешь ты дорогу за мною
По камням, что кровью политы,
А ветер доносит молитвы
С такой безутешной мольбою.

Осталось пройти мне немного
До Бога, великого Бога.

XIV

До Бога, великого Бога
Доносятся наши страданья,
Он судит о нас слишком строго
И новые шлет испытанья.

Зачем за мгновения счастья
Так горько пришлось расплатиться,
Зачем у судьбы мы во власти,
Едва мы успели родиться.

Мой Бог, я покой не нарушу,
И мне испытаний довольно,
Возьми мою бедную душу,
Мне больно, мне больно, мне больно.

Что будет потом — неизвестно,
Когда я уйду и воскресну.

XV

Когда я уйду и воскресну,
Не вырастут белые крылья,
И я не спою свою песню
О том, как тебя я любила.

Один лишь творец мироздания,
К нему мой рассудок стремится,
Быть может, найдет оправдание
Душе, что устала томиться.

Ведь разве не он ее создал,
Свой образ в душе воплощая.
Открылись и небо, и звезды,
Ворота и ада, и рая.

Любовь — неземная дорога
До Бога, великого Бога.

Елена Ефимова

Родилась в г. Иркутске в 1986 г. Закончила лицей № 3. Сейчас учится на I курсе филологического факультета ИГУ. Автор многочисленных прозаических и поэтических произведений. Публиковалась в газете «Ступеньки», альманахе «Первоцвет». Живет в г. Иркутске.

ВТОРАЯ КРОВЬ

Евгению Евтушенко

...Я молчала. А значит,
имелись причины.
Я молчала о том,
что нелепости мы говорим,
Если квазипоэты
кормили меня мертвечиной
Синтетических строк,
строф, метафор,
размеров и рифм...

2002

I

...Вас я называю «поколением девяностиков...»

Раз в 30 лет происходит переворот в морали человечества. Или не происходит...

Евгений Евтушенко

...Особенность у времени простая:
Раз в тридцать лет — неважно что, но — сотворить.
Так ветер пересмен мораль перелистает
И опрокинет, как подкову на двери.

Его непредсказуемой повадкой
«Шестерка» перевернута «девяткой»:
Так истолкован нами по-новому,
Агон — но в агонию не упакованный.

Да, не «агония» — только веха:
Шестидесятых твоих катарсис
Так громыхнул в середине века,
Что все обуглилось и скаталось;

И где энергии было лишку,
Посевы скорчились до уродов,
Но в эти сморщенные кубышки
Упали зерна грядущих всходов;

И где соседствовали попарно
Союзы правых, подполья левых,
Зерно крамолы в золу попало
И лишь поэтому уцелело:

Под трупы дохлых идеологий
Ложились зерна неровным слоем
И удобрялись правдивым слогом —
Отцов болезненной золою...

Пожары времени, ветры-клочья,
Я заклинаю вас: не гнетите
Нас — неокрепшие стебелечки
С шестидесяткою в генотипе! —

От века проклятых и проклятых
Мы тридцать лет как в земле томимы, —
Зеркальный облик шестидесятых:
Пусть — «перевернутый». Но не «мнимый».

И их питавшиеся талантом,
Мы в Солнце верили! И затем лишь
Таранили, семена-мутанты,
Упрямым всходом гнилую землю,

Чтоб убедиться, что прищемили
Руины истин кусочек неба
На грандиозном кладбище мифов
С приставкой «пост» — и приставкой «нео».

Такая странная диагностика:
Мы — поколение «девяностиков».

...Но не «агония» — только веха:
Шестидесятых годов катарсис
Так громыхнул в середине века,
Что мы взрывною волной остались.

(Осталось только вот что: разобраться,
Кто смог сильнее слово обогреть? —
Кто исковеркал голосом пространство,
Иль тот, кто не дал звуку умереть?) —

Когда настанет вздрогнуть новой вехе,
То отзвук, что вибрирует в костях
Своей многоступенчатостью эха
Взорвет эпоху тридцать лет спустя.

II

...Быть поэтом — не самораскрытие,
а самовскрытие,
И поэт — это самохирург.
Евгений Евтушенко

Белый свет кувырком покотился из глаз,
Безнадежно направленных кверху.
Я себя утверждаю в стотысячный раз
Для того, чтобы снова отвергнуть.

Рифмовать прекративши «в ночи» и «на чин»
И ища настоящего слова,
Я себя, словно рыбку, тяну из пучин
Для того, чтобы выпустить снова,
Чтоб остаться в стотысячный раз в дураках,
Чтоб с собой воевать и квитаться:
Кто стоит и себя зажимает в руках,
Лишь с собой и рискует остаться.

...Продираюсь в поисках начала
И просветов в мантии души:
Лишь во снах она разоблачалась
Да в стихах, что с кровью отошли;

Для кого-то сны — «обыкновенность»,
Для кого-то — «слишком хороши»...
Я ж оставлю неприкосновенным
То, чего не стоит ворошить;
Я боюсь просветов и пробрешин:
Слишком уж к себе они манят! —
Горстью нерасколотых орешков
Я себя сокрою от меня.

...Стихи ж — как форточки в чью-то душу:
Душа зияет из них наружу.
Поэт-подранок порою может
Не «без одежды» быть, а — «без кожи».

Стихи — стихия! Кровавый выхлест,
Когда эпоха прошла навывлет,
Чтоб в горле спазмом не встать соленым
Душе — обветренной, воспаленной.

Когда осколком под кожу втолкнут
Конец отравленной злой иголки,
То строки с кровью текут от раны,
Чтоб не осталось в крови отравы.

(Лишь тем порою себя спасаю,
Что на бумагу кровопускаю!..)

...Покуда лжи лихачествует знамя
И клеветы злорадствующий кнут,
Я свет, размытый мутными слезами,
Благословляю, пыль в горсти сомкнув.

Душа и дух насквозь мои больны,
Мой злой, лихой прищур рождает боль же...
В моих глазах — безмерно Сатаны,
Но Бога в сердце — троекратно больше!

Но в клейма ссадин, рубцов, наколок
Душа большая сквозит из щелок.

III

...Сначала мир раздробился на две части:
те, у кого искать защиты, и те, от кого ее
искать. Когда же я поняла, что первые
сплошь состоят из вторых, мир раздробился
в мелкое крошево. И мне ничего не
оставалось делать, как перешагнуть
осколки и пойти прочь, не оборачиваясь и
не вспоминая о них более.

Клена Вишиц

Я в море веры вышла обреченно,
Обняв доселе чуждые ветра.
Моих метаний хлипкая лодчонка
Хлебает безнадежно через край.

И вот, мотором по воде картавя,
Бессвязную выстраивая речь,
Она уже не выдержит бортами
Того, что я хотела уберечь,
Сплетая узлы счастья своего...
(Теперь я — восьминогая Арахна!)
Я в вас вплеталась. Только ль для того,
Чтоб лишь над фотокарточками чахнуть?

Чтобы потом в прокуренном купе
Попутчику рассеянно и нежно
Болтать, что я сегодня безнадежна:
Полумилорд... Почти полукупец...

Не сберегла... Не очень-то и надо!
Живу неброско (хоть порой и громко)

С извечной д'Артаньянской бравадой
Пожизненного полукровка...

Но полукровь, словно в печи плавильной,
Плескалась через сердца мелкий ковшик,
Второй своей алкая половины —
Несбыточного счастья безотцовщин...

Иной ЕЕ не представляю, кроме
Забывтой и забитой в долгий ящик.
Куда вторую половину крови
Девали, при рождении отнявши?!.

Но вы, что приходили обогреться
И находили нежность, а не жалость,
Не потому ли проникали в сердце,
Что кровью сердце не переполнялось?

Я помню горечь каждой вашей раны,
Не палки — пальцы вам вставляю в спицы! —
И вы... И вы, вы — слышите?! — неправы,
Меня считая только кровопийцей:

Все те, кому я становилась домом,
Запомните, что я для вас навечно
Кровосмеситель! Кровопийца!.. Донор...
И пластырь, что ложится на увечья.

Да, пластырь! Инородная заплатка:
Вам кровь свою — горячую! — дарую
Без меры! Без заема! Без остатка,
Надеясь, что средь вас найду ВТОРУЮ!..

IV

...Какой рукою — неслучайною! — подложен
Заветный томик с черно-белой обложкой,
Где ты, готовящийся прикуривать,
С лицом осунувшимся, нахмуренным —
Как проступивший из черной лужицы,
А выше — «граждане» и «послушайте»...

«Как будто, — выползло из подкорки, —
Держу в руках не стихов подборку,
А белых пятен и черных рамок,
И ран и ссадин, рубцов и шрамов!» —

И было трепетно и непросто
Раскрыть обложку — как вскрыть коросту! —

Но травами, проросшими из плесени,
Душа твоя изъязвлено-залатана...

История безвременной болезни,
Роман скоропостижного таланта.

Голос —

глуше,

Дальше —

удушье... -е... -...е...

— Евг...!

Евг...! —

силюсь,

Силюсь проговорить,

Вмиг — закрутилось,

Да под грохот вериг:

— В нас

буквы

бредят,

Сердце сковала жечь:

Аз,

буки,

веди

И буква «ЕСТЬ».

Облик раскаленный —

острие:

Дважды оскалилась

буква «Е»;

Колотый, рубленный

по вине

Дважды трезубины —

буквы «Е».

Буквою «ЕСТЬ» утверждаю свое бытие:

— Да, я — Есть!

(Суд? Кара? Честь —

Называться на две буквы «Е»?!.)

От нареченья пристало само

«Е» — трехголовое дваждыклеймо,

Щеку отметиной отогрев

(И не слезть с твоего остря!) —

— Евг...!

Евг...!

Еф...! —

Стоп, это, кажется, я...

Я вся — грех,

Я — пся крев! —

Евг...!

Евг...!

Еф...!

Буквою этой —

ехидной,

цианистой —

вечною!

Вспорот, пропитан болезненный стих.

Улья

Мы же
 едиными
 инициалами
 венчаны

На двоих!

...И на скрещенных букв-костяков
 Четыре «Е» сложились в многогранник:
 Я вскрыла корку сборника стихов,
 И кровь твоя, ожив, в мои хлестнула раны —

И крови смешались! — Внезапно! Нелепо! —
 Тройные штыки друг на друга нацелились: «Есть!» —
 И взятые вместе холера и лепра
 Куда излечимей, чем эта гремучая смесь!

И мчатся по венам пришельцы твои бунтари,
 И гибнут мои кровяные тельца,
 как от пуль там:
 Две крови: твоя и моя громяхают внутри —
 Напрасно обивает врагов миокард-катапульта,

Ведь кровь твоя прет
 вперед!
 Нутро мое трет
 И жрет!
 Всем фронтам — во фрунт! —
 На фронт! —
 Мой грот окружил
 Твой флот.

И вот уже ряды твоих флотилий
 Моих артерий порты захватили...

...Молчи, не стоит...

Ах Ленка-Ленка,
 Ты слишком плачешь под Евтушенко,
 Не соглашаясь с догадкой страшною,
 Что точно так же кричала: «Граждане!..» —

Чтоб выбить клин, мне не хватит клиньев:
 Своей весной на мою ты хлынул,
 И той волны сумасшедшим танцем
 Душа расшатана в резонансе...

...Эта горькая кровь со ВТОРОЮ своей сопряглась,
 Не желая для оной устроить проверить проверку...
 ...Белый свет кувырком покотился из глаз,
 Безнадёжно направленных кверху...

Под диафрагмой сиротливо сжалось
 От грохота низвергнутой стены,
 Но то была не жалкость и не жалость,
 А память глаз о «взгляде Сатаны».

И в вечные монахини обрита,
Пропавших пополняю я число,
Я — безнадежный пленник лабиринтов
Твоих эмоций, интонаций, слов.

...Но сквозь самосознание безголовья
Я голос распознала (не с небес):
«Тебя я отпущу. С одним условием,
Что кровь моя останется в тебе!»

V

Luxi ad gloriam Alexandriae!

«—Эй, я! Теперь сияй, я — не гори, я!..» —
Ведь пыткой новой было бы опять
Сиять во славу той Александрии,
Какой могло б и не существовать.

Я ожидала судного металла,
Каким бы мог твой голос одарить,
А жизнь моя — венозная! — хлестала
Во славу всех твоих Александрий!

(Прости мне, что строки написаны наспех и вчерне:
Вся жизнь — черновик, что неволей иль волей расхристан.
Так тезка в Сибири, «с тишайшей любовью дочерней»
Тебя я построчно целую, как тихую пристань...)

Но когда я стою на Ангарском мосту,
Позывной моей мысли бежит подмосковными картами,
Чтобы сердце твое бы на мой! отзывалось на стук,
Как мое на тебя — ежечасными микроинфарктами.
Позывной долетает, срывается,

сбивчиво-куц:

— Переделкино! — (Слышно?!.) — Прием! Вызывает Иркутск!
Ежечасно — фатально! — истошно молю:
— Отзовись! Вызывает Атлантис!..

Ну же, волны ангарские и звуковые, приемнику кланьтесь! —
И пульсирует ниточка голоса — зыбкая, хрупкая,
Но приемник, распялись антенны — паучьи мослы,
Оборвет ее на четвертослове.

И хищно захрумкает,

Подавившись тревожным:

«Прие...! Я Ирку...! Вас не слы...!»

...Как хорошо! —
Я не была твоей возлюбленной,
А значит, не осталась и разлюблена;
Но из глубин неоглашенных чувств
Невольню я тобой кровотоку
Из-под пера на белую бумагу.

И нелегко порой смущенно замирать
И — написать или не стоит? — нервно мешкать,
Когда зияет черновейшая тетрадь
Строкой, где наши боли — вперемешку...

В стихах твоих я видела себя —
В моих строках ты ангела увидел...

...И если, о земле не восскорбя,
За руки взявшись, души наши выйдут,
Лишь благодарно напоследок простону,
Когда бы так мое перо затанцевало,
Выписывая на бумаги простыню
Смешенье двух судеб и тех кровей немалых,
Кто на двоих имел одни инициалы...

2003

ЧЕРНОПОЛОЖ

...Рулетке (русской!) того и надо,
Чтоб ты крутил ее без вопросов:
Игра лишь внешне бал-маскарадна,
А там, под маской она — безноса...

Соавтор

I

С утра на железнодорожном вокзале
было не протолкнуться.

Я вяло толкался где-то посреди
потока. Встречающие-проводящие
робко толпились у лестниц, тормозя
поток прибывающих спереди, а сза-
ди напирали — еще давеча — соседи
по купе... Ну, вот все и кончилось. Я
дома... встречай, родная земля!.. Род-
ная?!

Поднявшись в накопитель (вот уж
названьице-то; даром, что не «отстой-
ник», что было бы, впрочем, резоннее),
я поставил чемодан у стенки, сел подле
прямо на пол и крепко задумался: а ка-
кого ляда я здесь, собственно, делаю?..

Да, прибыл в родной город блудный
сын-ученый муж, помотавшись полме-
сяца на конференции в далеком городе
Железнодорожском Ермаковградского края,
победитель, студент разнесчастный!..
Скучали, наверное. Я, наверное, тоже
скучал. Только сейчас уже не вспомню
этого — хоть каленым железом пытай-

те!.. Я сейчас вообще ничего не помню,
не знаю и знать не хочу. Кроме одной
маленькой девочки из далекого Ерма-
ковграда...

Маленькая девочка с могучей покро-
вительствующей властью и еле мерца-
ющим, робким, но ровным и греющим
огонечком в отчаянном сердчишке... С
непривычным именем — Власта... Ре-
бята с лингвистической секции, при-
ехавшие на конференцию в одной
делегации с ней, как-то сказали, что
ее имя в переводе с чешского означает
вовсе не «власть», а «Родина».

Родина... «Нет, не там родина, где
рожден, а там, где ждут» — вспомни-
лись мне слова отца, которые повторял
он всякий раз, дождавшись отпуска, и
с волнительным трепетом, как в пер-
вый раз, закладывал в чемодан ворох
драгоценных писем. Мы с сестрой уже
привыкли делать вид, что не замечаем
ни его виновато-извиняющихся (но
таких счастливых и не по возрасту
глупых!) глаз, ни суетливой рассеян-

ности; привыкли и оставаться одни дома на весь папкин отпуск... Он уезжает к своей любимой, что живет по ту сторону Урала... Когда Оксана закончит аспирантуру и защитится, то, как папа шутит, «у нас с сестрой появится мачеха»... Тоже мне, смеется, мачеха: со мной у Оксаны разница в четыре года, а с Юлькой — вообще в три!.. Наверное, еще на примере отца я невольно заучил, что понятия «любимая» и «далекая» — неразделимы... Далекая — любимая — родная — Родина... Власта... Нет. Нет, я же говорю — все закончилось. Я дома... А не на родине.

В кожаном брюхе чемодана покоились два диплома с конференции: один — местный, другой — не хухры-мухры — международного образца, с печатями Баумановского и МГУ, а также — с автографами их почетного ареопага: I место, как-никак. На секции психологии... Хоть какая-то польза от моего возвращения: папка порадуетя этим двум лощеным бумажкам. Да Юлька за чуб потреплет Севастьянов-младшего: так держать, мол.

Никогда ранее я не ощущал такого бессилия, безвластия над ситуацией! Почему я не могу как-то повлиять на обстоятельства?! Да и что я могу теперь вообще: максимум что — так это махнуть на все рукой и сорваться в Ермаковград. Миновать эти проклятые две тысячи километров... А дальше-то что?.. Хорошо, позвонить по причинному номеру и сказать... Господи, что сказать?.. — у меня похолодело промеж лопаток, как только я представил себе эту авантюру со «срывом» в незнакомый... Незнакомый?.. Родной!.. Нет, уже — просто мифический город, Мекку обетованную!.. И как наяву мне обожгло ухо воображаемой (но такой ощутимой!) ледяным металлом трубки вокзального автомата!.. Власта! Я вернулся!.. Господи, Власточка, как же я хочу увидеть тебя! Без тебя страшно — страшно остаться без тебя... Ну и что, что ты жива и здорова в своем Ермаковграде, но мне-то от этого не легче!.. Да, я эгоист — возможно! Но разве не хочешь видеть меня ты? Ты ли не скучала? Не отвечай... Не надо. Молчи лучше... Никто не умеет

молчать так, как это делаешь ты! У других — что тишина, что молчание, что пустота в трубке — одно и то же... Но знаешь ли ты, как душит тишина — и как не в пример ей волнует молчание?.. Да о чем это я: ты-то знаешь! И ты умеешь слышать другого только потому, что просто хочешь. Потому и молчать умеешь...

Ты здесь, близко... Голос-мячик в трубке — и тем сильнее паникует под диафрагмой оттого, что ты становишься еще дальше, когда я плотнее, крепче впиваюсь-врастаю в трубку. Тем холоднее таксофонный гроб с проводками, тем мертвее говорящая твоим (живым!) голосом мембрана... Я хочу, чтобы ты была здесь, со мной! Говорила, плакала, смеялась, спорила!.. Чтоб от смеха у тебя были морщинки вокруг глаз!.. Маленькая ермаковградская дикарка, что переполошила всех чертей в моей душе, перевернула ее и все поставила с ног на уши...

— Э!.. Че, сдурел, что ли!.. Закурить не будет?

Я вздрогнул. Напротив меня ухмылялся свалевшийся «ирокез» с томатным лицом. Я чуть смутился. Кто знает, может, я и не заметил сам, как выплеснулся весь этим монологом в пространство. Какая мне, впрочем, разница, как на меня смотрят чужие люди.

— Не курю, — отозвался я сухо. Уроды. Неужели по мне не видно, что не употребляю?

II

...Сложно было не заметить Власту в первый день нашего приезда на конференцию... Наша делегация едва оклемавалась от трехсуточного пребывания в поезде и с ног валилась от усталости, в то время как настораживающе перебудораженная кучка ермаковградской «научной студенческой элиты» скакала и вразной вопила нечто узкоизвестно-фольклорное. Но и на фоне этого студенческого дурдомища она бросалась в глаза сразу, еще бы: на шее у девочки висел проржавевший четырехгранный железнодорожный «костыль», какими крепят рельсы на развилках. В сочетании с полутораметровым ростом обладательницы «амулета» урод гвоздь

казался еще массивней... «Похожие гвозди, наверное, вбивались в ладони Христу...» — невольно подумалось мне... На девочкиных запястьях, обвешенных нелепыми, пестрыми бубенчиками, рук не было видно вообще... Невольная злость бросилась мне в голову.

«Как же достали меня все эти недоростки-фетишисты, играющие в неформалов и прочих декадентов и возомнившие из себя Будд, шаманов, мистиков-комедиантов!.. Бодхисатвы господни, тоже мне!..» — подумал я с полуусталостью-полураздражением.

Выражение «Бодхисатвы господни» я ляпнул как-то, будучи еще первокурсником. Ребятам оно понравилось и так пошло из уст в уста на правах фольклора. Неплохо было бы размножить эту жаргонную бациллу и здесь: все-таки вся Россия-матушка съехала — в виде «научной студенческой элиты», и если фольклор моего производства разъедется по всей географической карте, то было бы прельстиво. Интересно, а как бы отнеслись к этой фразочке те, кому она адресована? У, всех бы их в самом раннем детстве погремушек лишил!.. Более того, меня раздражало то, что кроме меня, похоже, на эту ритуальную елку никто не реагировал как на нечто из ряда вон выходящее! Моим землякам было не до нее: расселили бы поскорее по комнатам — желание поскорее бухнуться на любую подстилку блокировало им, очевидно, всю возможность воспринимать что-либо... Сокурсники иногда вызывали у меня противоречивые чувства: простейшие потребности и инстинкты, как поспать или пожевать, когда хочется, заставляли меня поражаться: как можно учиться на психфаке, иметь представление обо всех процессах и мотивациях поведения — и не пользоваться ими применительно к себе? Знать, как происходит рождение тех или иных эмоций, чувств, желаний и потребностей — и продолжать жить по первобытным правилам, по привычке поражаясь элементарным вещам, воспринимая логичные следствия из обстоятельств как не бог весть какие откровения... Глупо, очень глупо. Так можно всю жизнь на эмоции разменять. Как можно знать, как и в каких случаях

на тебя действуют определенные инстинкты — и добровольно идти у них на поводу, как только дело коснулось собственной жизни?!.. Если честно, то к своим однокашникам я испытывал в тот момент досадливое презрение за это их подчинение поведенческой модели сложившейся ситуации. Разве я не был с ними все то же время в поезде? Разве не устал я? Но я-то держу хвост пистолетом и не расплзаюсь как манная каша по проруби!.. А все потому, что я способен идти против типичного поведения!.. То ли дело Ермаковград! Думаю, они тоже умеют быть сильнее обстоятельств: вон как орут!.. Черт, наверное, тоже сильные психологи!.. Кон-ку-рен-ци-я...

...Три часа прошло, прежде чем организаторы соизволили нас расселить по комнатам. Развешивая пиджак на спинке стула, я услышал, как мимо моей двери прокатились знакомые голоса ермаковградцев: упругие, хохочущие, бьющие живыми фонтанами... «Странно: Ермаковград — серьезный город, научный и культурный центр — а тут такие придурки», — недоуменно заметил я и выглянул в коридор: чудовище с «костылем» на груди сидело на полу напротив моей двери и бесцеремонно на меня щурилось и улыбалось.

— Послушайте, — обратился я к «чудовищу», закусывая взаимную улыбку вглубь рта, — что это? — и указал кивком на гвоздь.

— Оберег, — ответила та не моргнув глазом.

— Да уж, таким только оберегаться! — произнес я гибридом голосов массовика-затейника и теледиктора. — От хулиганья в подворотне...

— А ты думаешь, что самое страшное, что можно сделать с человеком — так это огреть его такой железкой? — спросила она настолько ровно, что я несколько растерялся: таких интонаций не бывает!.. Но, поборов грозно нависающую надо мной модель обескураженного поведения, я ответил:

— Разумеется, — и тут же мысленно чертыхнулся: голосом дрогнул, идиот!..

Интересно, что на это скажет она?..

— Неправильный ответ. Самое страшное, что можно с человеком сделать, это простить его.

Я осекся.

Глаза: траурные, старческие, об-
лаченные в радостные, улыбающиеся
веки, с мимическими морщинками —
следами от вечной улыбки — вокруг,
вглядывались в меня со сдерживае-
мой безысходностью и интересом по-
знания...

— А... Ну да, — промямлил я. — Я
не подумав...

— Думать вредно, — отрезала она. —
Разумное решение и истина не могут
пересекаться: они параллельны.

— Как две прямые? — съехидничал я.

— Как две непредсказуемые кри-
вые, — невозмутимо ответила Вла-
ста. — Прямые могут существовать
только в рациональных разумных
решениях, а траектория истины не-
предсказуема.

Я задумался.

— Как же они могут быть параллель-
ны, если одна — прямая, а вторая — не-
предсказуемая? — наконец изрек я: к
ее логике приспособиться было невоз-
можно: точно сквозь джунгли прору-
баешься!

— Ба-атя Лобачевский, не вертись
в гробу! — присвистнула девчонка,
опучеглазившись на меня. — Так
ты полагаешь, что ли, что они лежат
в одной плоскости? Пространство
мышления не может быть плоским —
оно многомерно, где «много» равно
п, а чему равно, я тебе сказать смогу
только тогда, когда человечество при-
думает такое число, какое называло
бы количество знаков у показателя
степени...

— Стоп-стоп-стоп! Помедленнее,
пожалуйста... И не надо, — тут же,
внезапно прекратив обалдевать, воз-
мутился я, — заниматься термино-
логическим словоблудием по поводу
мышления: это как-никак тема моего
доклада!!!

— Ну и иди ты в баню к клопам! —
бросил в мой адрес некто Валентин,
тоже ермаковградец, так что с него
взять!..

— Власька! — раздалось басом в
конце коридора. — Ты на регистрацию
идешь или мне доверишь? Может, мне
за тебя и работу защитить?

— И диплом получить тоже за
меня, — поддакнула в тон незнакомо-

му мужчине (очевидно, руководителю)
моя «подопытная».

Я чуть не захлебнулся воздухом от
обиды.

Она даже не вздрогнула, не переключи-
лась с разговора со мной на другого
собеседника!.. На долю секунды мне
показалось (по крайней мере, это был
единственный разумный вывод из ее
поведения!), что все происходящее для
нее — заученный сценарий в оскоми-
ну набившем спектакле. Как будто она
заранее знает, кто, когда и из какой
кулисы появится и какую речь произ-
несет... И будто до того ей надоело в
пятитысячный раз механически повто-
рять роль, что девочка только и ждет
удобного случая бежать прочь из деше-
вого этого кабаре... «Бред!» — вовремя
успел я себя одернуть от крамольной
мысли — не моей, чужой мысли, шпи-
онки!..

— Вла-аста-а! — аукнулось уже мед-
ным колоратурным всплеском этажом
ниже. Последний звук ее бесконечно
долгого имени перепутался среди ер-
маковградского галдежа. Единичный
хохоток, похожий на тоненький ке-
рамический колокольчик, зарокотал,
удаляясь вместе с общим гамом...

«Нет, это у них, наверное, образ жиз-
ни такой! — подумал я, скрывшись за
дверью от посторонних мыслей. Уж
если одна успела натравить на меня
такую десантницу мысль, то от атаки
полчища чужих дум уж точно стоит
ретироваться...

Однако какие же они, ермаковград-
ские, стойкие!..»

III

Язык-то у меня всегда подвешен:
хлебом не корми — дай только запутать
кого-нибудь в его же собственных суж-
дениях! На этом-то, пожалуй, у меня и
вышло первое место: не дай завалить
себя вопросами, покажи себя гибким
знатоком темы — вот тебе и вся стен-
довая защита...

...Но что я мог сказать, когда посреди
коридора я увидел такую картину: уже
примелькавшиеся делегаты из «града
Ермакова» сидели на полу «хороводом»
и держались за руки с закрытыми гла-
зами... «Так это же практическая часть

к моей работе!» — вдруг озарило меня... Фанатеющие от ритуальных игр неформальчики и нефордевочки — это ведь живой материал, который ни в коем случае нельзя упускать без наблюдения. «Вот и затикали часики на новых игровых часах», — мной охватило такое предвкушение, за которое в другой момент стало бы честолюбиво! — Ой что сейчас начнется!.. — На миг я чуть не ослеп от молниеносной сигнальной вспышки: «Часики затикали!».. — Само выражение образно запараллелилось с бомбой, снабженной часовым механизмом... — «Ты, вижу, совсем стареешь, парень!» — одернул я себя с вымученной внутренней усмешкой... И снова началось что-то неприятно-нервное, щекочущее между лопаток: это уже вторая не моя мысль за сегодня... Да чушь! Просто спать надо больше и не психовать из-за всякого «ничта»!

— К вам можно? — произнес я рассеянное: как мне показалось, в этой игре роль небрежного красавчика была б оптимальной. Как правило, для добровольной массовки необходим предводитель, а здесь оно не наблюдалось... Тэк-тэ-эк... Игра предстоит перспективенькая!..

— Садись. Только в центр не наступай и связи не рви, — произнес один парнишка не открывая глаз и сведя голос до торжественно-мистической ритуальности.

Я сел между ним и еще кем-то. Взял их послушно за руки, как того от меня и требовали ермаковградцы. Просидел минуты три — ничего, почти весело... Наверное, улыбка нескрываемая выдала с потрохами мое диверсионное появление — тот, который и пригласил меня присоединиться, застонал:

— У нас чужак! Энергию кто жрет — сразу сознайтесь!.. Это ты, — набросился он на меня с такой оскорбленной серьезностью обвинения, что позабыл о правилах хорошего тона, принятого среди сакралистов.

— Это я, — спокойно и уверенно ответил я, глядя на него клятвенно честными глазами.

Не хотелось его разочаровывать.

В конце концов, в каждой религии должны присутствовать диаволы, чтобы фанатикам было кому противо-

поставлять Свое Святейшество. И если эта — тьфу — самодельная секта возжелала видеть на месте мирового знамени, пухленького и хорошенького, то зачем же препятствовать? Наоборот, я уж вам, драгоценные, по полной программе доставлю удовольствие!.. Несомненно, нет ничего интереснее, кроме как играть по жизни. Для них. А для меня — ничего интереснее, как играть теми, кто играет по жизни.

Я не циник, я только учусь.

На психолога.

IV

Первая ночь на новом месте... Навтра — торжественное открытие, жеребьевка с порядковыми номерами стендов... Дожи-ить бы-ы-ы!..

— ...и я провалился в сонную пропасть. Увяз.

Сон

Действующие лица:

Женщина В Желтом

Я, Игорь Севастьянов

(в чем уже начинаю сомневаться)

Я: Над чем ты плачешь?

Женщина В Желтом: Я разбила стеклянную кубышку — мой талисман!

Я: Давай помогу собрать... Склеить будет, думаю, несложно — мелких осколков нет.

Женщина В Желтом: Ты не понимаешь: там я хранила вот это!

Я: Рыбья чешуя?.. Ого какая!.. Кажется, форель?

Женщина В Желтом: Обрезки моих ногтей.

Я: Зачем же ты их хранила?.. Ой как же вы мне надоели, бодхисатвы господни — фетишисты несчастные!.. Все вы боготворите прошлое, клеймите настоящее и отрицаете будущее!.. Неужели вам нравится проклинать время, в которое вы живете и жить во времени, проклятом вами же?..

Женщина В Желтом: Эти ногти отросли у меня во время заточения... Видишь ту башню?.. Всякий, кто идет мимо нее, обязан пройти через ворота. А в воротах бдительные стражи хватают путника и запирают на самой вышке.

Я: Зачем?

Женщина В Желтом: Чтобы научить летать — так они всем говорят: «Мы помогаем вам воспарить над миром!..»

Я (*саркастически улыбаясь*): Ну и что, кто-то из узников уже воспарил в небеса?

Женщина В Желтом (глядя сквозь Игоря Севастьянова): Оттуда только один путь и есть: в небеса...

Я: А ты?

Женщина В Желтом: Спрыгнула.

Я: И почему не разбилась?

Женщина В Желтом: Скажи мне: какова высота башни?

Я: Метров сорок...

Женщина В Желтом: Два с половиной.

Я: Сколько?!

Женщина В Желтом: Когда я впервые подошла к башне, ее высота была ровно сорок метров. Когда сидела наверху — четыреста, и ни сантиметра меньше... Но когда я уже приземлилась, то поняла, что башня не выше двух с половиной метров. Потому что уж очень сложно поверить, что высота, откуда учат летать — не сорок метров, а высота, откуда невозможно спуститься — не четыреста...

Я: А зачем ты носила с собой обрезки ногтей?

Женщина В Желтом: Это не просто обрезки ногтей, эти ногти отросли у меня за время пребывания на башне. Это — частицы той самой меня, которая находилась именно там и именно тогда. Мы не можем распорядиться временем и вернуть — как проекцию своего тела на только что улетевшую секунду — так и его отгиск на миге, произошедшем годы назад... Но мы можем захватить с собой то, что принадлежало той проекции, как берем на память о море ракушки, потому что не можем забрать с собой моря.

Я: Но ведь можно забрать и впечатление о море!

Женщина В Желтом: К сожалению, то, что с нами происходит, не всегда оставляет нам в память только впечатления... На самом деле, последствия могут быть более... материализованы, что ли, чем просто воспоминания... К сожалению... И мы их носим, носим, словно обрезки ногтей в стеклянной

кубышке!.. И ведь вправду считаем чем-то сакральным.

Я: Но ведь никто не заставлял тебя сохранять эти обрезки.

Женщина В Желтом: Ошибаешься. Если бы материализацией стали не ногти, а что-нибудь посерьезнее, более зловредное... Например, привычки. Или сдвиги в сознании... Знаешь, отпечатки этакие: чтоб носил их, помнил и никогда не забывал!..

Я: Но и от самых стойких привычек со временем избавляешься... А потом думаешь, что все, что с тобой произошло, такая чепуха, по сравнению с тем, что, возможно, предстоит...

Женщина В Желтом: Все мы насмеемся над прошлым и заискиваем перед будущим!.. Так всегда: над прошлым или насмеешься, или вспомнишь снисходительно, или сваливаешь на него вину за настоящее... Но не потому, что мы варвары: так поступают все поколения. А мы уважаем наших предков, потому и чтим эту давнюю традицию.

Я: Традицию? Какую традицию?

Женщина В Желтом: Традицию обвинять прошлое и насмехаться над ним, а также — вспоминать о нем со снисхождением... Но зато перед будущим мы вынуждены заискивать. Но не потому, что мы перед ним ничтожны, а для того, чтоб оно не сделало с нами то же, что делаем с нашим прошлым мы...

Я (*задохнувшись внезапным озарением*): Но ведь... Но ведь и ваше будущее станет... продолжать традицию предков?!

Женщина В Желтом: О да! Оно будет чтить нас, как чтили мы своих мудрых предшественников!.. (*Смеется.*)

Я: Что тебя так развеселило?..

Женщина В Желтом: Я поняла, что теперь у меня нет даже воспоминания о моем заточении на башне! Понимаешь, я разбила кубышку, в которой хранились мои дурацкие пережитки и привычки!.. Вот уж привычка — таскать с собой всякую белиберду!.. «На память!..» (*Смеется.*) Посмотри: меня уже ничто не связывает с башней, от моей памяти остались осколки!.. Осколки! Осколки!.. Я свободна.

Я: От чего?

Женщина В Желтом: От цели во что

Илья

бы то не стало беречь свои привычки в стеклянном шарике. Теперь, как видишь, беречь мне нечего! (*Заливисто, заразительно смеется*).

Занавес

— Игорь, разгидрат твою перекись, триметилпропан-ацетиленгликоль!!! динитробензол антипиринметиламинметилметиленсернистокислый натрий!!!

...Я оторвал голову от подушки. Игнатьич... Опять набрался, чудовище лесное... Послал же бог руководителя!

Я глянул на часы: еще не было и шести... У-у-у, как я размазался по казенному покрывалу: под кожей рук, ног и спины у меня перекатывалась одна сплошная полужидкая медуза!.. Отлепиться от постели было и вправду невозможно — я будто утонул в продавленном матраце, приняв форму его углубления посередине. Вот сейчас чуть пошевелюсь — кожа лопнет и я медленно и липко растекусь по всей комнате, что у всех тапочки будут клейко чпокать по полу...

VI

— ...а в результате — расщепление основных концепций бытия в сознании локализованных социальных групп, в основном молодежи. Отсюда и весь спектр тех явлений, которые, чтоб не выразиться громким: «раздвоение личности» — называют... Впрочем, это не столь важно, как назвать — главное, сформированная концепция массового поведения «это не я» необходима для нейтрализации чувства стыда, неуверенности у молодежи. Но, с другой стороны, и оправдывает любой поступок и чреват уклонением от ответственности, упразднением таких понятий, как долг и принцип... Пожалуй, у меня все.

Тут я выпрямился: гладко выбритый, в кофейном пиджаке! — с ума сойти! — и начал деловито складывать странички-наглядности в нужном порядке. — Полагаю, у вас есть вопросы касательно моего исследования?

Вот честь-то мне выпала: «сама» со-

изволила прийти послушать мою защиту!.. Другое дело, что я никак не мог понять за весь десятиминутный период своей «защитной» болтовни, слушают меня или нет: лицо Власты не выражало абсолютно ничего, при этом было неестественно естественным. И это заставляло меня ерзать на месте.

— Понимаешь, любой человек, сам того не подозревая, проживает тысячи жизней. Ведь что такое «жизнь»? — Это сочетание места, времени, условий и, самое главное, действующих лиц... Но у большинства людей эти жизни протекают параллельно друг другу, именно поэтому они и остаются неосознанно незамеченными, так как сливаются в одну: согласишься, твои однокурсники и преподаватели, наложенные на время лекций и пространство гуманитарного корпуса — это одна жизнь, а твои родственники и близкие друзья — совсем другая? — Власта смотрела, как всегда, спокойно и слегка сквозь-поверх меня.

— Почему?.. — в замешательстве я начал соображать, к какому пункту моей работы привязан вопрос... И понял, что работа-то моя тут совершенно ни при чем! И перед кем я, спрашиваю, распинался?..

— Да потому, что они не пересекаются ни временем, ни местом, ни действующими лицами, ни условиями, балда! Они существуют параллельно друг другу: это — разные жизни... А еще есть жизни в толпе на улице, в зале на концерте, в троллейбусной давке...

— Бред какой-то! — отрезал я, еще не утихомирив волну возмущения такого отношения ко мне... Стоять тут, как на ярмарочной площади, и не вникать в доклад!.. Для чего, спрашивается, подходила? Повыпендриваться: а вот, мол, мы какие!..

Власта продолжала:

— Они не могут быть параллельны: они лежат на единой прямой — на ленте времени, если тебе угодно!.. Которая, если уж выразиться твоим языком, на ма-аленьком таком промежутке, на отрезочке, до которого — небытие и после — тоже, совпадает с моей одной и непрерывной жизнью. И этот отрезочек — неделимый, односторонний и целенаправленный...

— Куда?

— К концу, ясно море! — усмехнулся я. — К самому кончику моего единого отрезочка, безо всяких там параллельных разветвлений!.. Скажет тоже!.. Я-то один. И я не могу существовать сразу во всех параллелях, которые нигде и никогда не пересекаются — об этом ты как-то не подумала!

— Это ты не подумал. Все эти жизни кажутся тебе одной связной нитью только потому, что через них проходит одна секущая, что их и связывает. И эта секущая — ты. Ты, существующий в данном месте, времени, условиях и окружении.

Власта смотрела на меня прямо и не принимая никаких поз оборонения. Некоторое несоответствие этому я подметил в ее манере не размахивать руками при ходьбе: признак скрытности. Но во взгляде, несмотря на прямолинейность и абсолютную открытость, не было ни вызова, ни интереса ко мне. Находясь на мушке ее взгляда вообще начинаешь себя чувствовать настолько неклиматно, как будто, находясь в некоей не особо чуткой компании, ты самозабвенно рисуешься в наиболее презентабельных красках и завираешься в автобиографических лабиринтах настолько, что самому тошно от преположительнейшего типчика, каким тебя видят все... Только в уголочке сидит один такой человек, знающий все закоулки твоей души до последнего аппендикса! — И, молча слушая всю эту ахиною, не поднимает на тебя глаз, чтобы невзначай не выдать своего мнения о твоём лицедействе... И все твоё подвздошьё от одного только присутствия такого архивариуса твоей души обмякает и рыхлеет от ноющей напряженной тоски... Куда проще, если бы этот, черт его дери, знаток заявил бы во всеуслышанье: «Ложь!» — тогда можно запрокинуть голову и с достоинством парировать: «Ну разумеется, вам ведь лучше про меня известно, нежели мне самому!» Еще проще, если этот палач посмотрит на тебя примерно так: «Ну и сволочь же ты!» — изображая из себя вездесущую совесть. А ты ему в ответ — таким презрительным взглядом, что до «всевидающего ока» мигом дойдет, что совесть давно вышла из моды... Но

как поставить на место того, кто и не думает с этого самого «места» вставать, а держит все свои доводы при себе... И так пакостно на душе от этого, что не можешь дать эффектный отпор (чем и утяжелить бы собственный авторитет) тому, кто и не намеревается брать тебя штурмом?!

Она хотела было взять меня за руки — как будто это я был ее подопытным, а не наоборот!.. — но я вовремя успел спрятать ладони в кулаки. За что и был одарен рентгеновским взглядом.

— Боишься ослепнуть от внезапного яркого цвета?.. — спросила она, помолчав, с легкой осуждающей горечью-досадой. — Боишься — ну и будь дальше дальтоником!..

Тут подошел дядечка со внушительными рыжими бакенбардами и лоснящимся выпуклым лбом; по ярко-голубому бэджу я опознал в нем эксперта.

— Так, молодойчезэк, ваш доклад... — начал он бодро.

Я со вздохом начал раскладывать наглядности на стендовом столике.

Она же меня несколько не слушала. Кошмар.

VI

...Что за безобразная местная достопримечательность — Кругобайкальская железная дорога! Но чуть ли не весь здешний туризм строится на пропаганде этого архитектурного уродка как исторического памятника, культурного раритета и вообще — гордости истории Ермаковградского края... Впрочем, это несложно сделать — по совету дядюшки Карнеги, «сладкий лимонад из кислого лимона»: окутайте все мистической тайной, романтикой старых каменнотесанных тоннельных арок; плюс историческая важность для края, плюс — еще чего-нибудь, плюс — поставьте себе в заслугу, что ее еще не разворовали на металлолом: мол, ай да мы, ай да молодцы — такую реликвию не при нас, слава богу, с лица земли сотрут!.. — На абстрактное грядущее — причем обязательно «потерянное» — поколение свалить вину за — опять же абстрактное, предполагаемое — разрушение проще всего...

Ум

А уж ответственность за гипотетический ремонт «памятника старины» — и давно!..

Такая крамола и крутилась неторопливо у меня в мыслях, пока я полулежал на дребезжащей верхней полке экскурсионного поезда и лениво пускал мимо полузакрытых глаз стремительные горные пейзажи и панорамы Священного Озера... Ехать на треклятую экскурсию, мягко говоря, не хотелось: днем раньше я только-только пережил назойливость координатора (или, как мы их в шутку называли — «вожатой») касательно защиты исследовательского проекта... Мыльный пузырь этой проблемы, раздутый до размеров упитанного африканского слоника, разумеется, скушал больше нервов, нежели вся подготовка с защитой вместе. Поэтому спать хотелось неимоверно; спать в запертой комнатке, которую я имею право называть «своей» в течение двенадцати конференционных дней, и под табличкой «не кантовать», «не влезай убьет», «осторожно злая собака» или что-нибудь в этом духе... Нет. Оказывается, то, что написано в культурно-развлекательной обязательке, то уже ничем не вырубишь — выкуси!.. Ну и как я еще, после того, как меня чуть ли не за шиворот поволокли на вокзал, мог относиться к этой несчастной КБЖД?! Наконец, мутный ручеек моих внутренних ворчаній медленно впал в стоячее озерцо вялой дремы, и я тихонечко закемарил...

Давно мне, далеко не парниково-тепличному растению, так не хотелось под теплое одеяло.

Снилась, помню, полнейшая ересь, отпечатался в памяти один диалог не помню кого с одноименным же:

— А может быть, его это... То есть того? Повесить, в смысле. В воспитательных целях, а?..

— Пробовали: никак.

— А он что?

— Что-что — поет похабные частушки, в петле крутится и язык прохожим, стервец, высовывает!

— Ничего. Рогатку осиновою на него нацелим — шелковый станет. Даже, может быть, раньше его снимем. За примерное поведение...

Растолкал меня Валентин, сосед по

полке, комнате и несчастью. Кажется, он был здешним — если не из самого Железнодорожка, то уж точно с Ермаковградского края.

— Игорь, подъем! Прибыли... Выходим! Впереди нас ждут привал, комары, ночевка на холодной земле... — Валентин ухмыльнулся. — Короче, тридцать три удовольствия плюс простатит и прочая романтика жизни кочевой.

Нехотя я выполз из поезда и влился, к своему удивлению, в густую и плотную ночь.

Ночь была настороженной, пугливой и обволакивающей: что-то живое, аморфное бродило в воздухе пьяным и пронзительно сухим и теплым облачком, проникало вовнутрь через ноздри, как ершиком, щекотно прополаскивало легкие и выходило настолько неощутимо, что после первого же вдоха уже второй окажется — через кожу, через глаза — через всего себя, превратившегося после первого же вдоха в сплошную губку, жадную на живую, бесплотную Ночь...

Всех ребят растаскивали строго по «отрядным» кучкам, и упаси тебя рок отойти куда-либо по личным интересам! Интересная политика: сначала сформировать из нас какие-то непонятные группки — чуть ли действительно не отряды — по признаку разношерстной географии, мотивируя это тем, чтобы все иногородние друг с другом перезнакомились, а потом всячески препятствовать выходу за границы этих надуманных групп: нечего, мол, по знакомым ходить. Ведь если уйдешь по интересам, значит — к тем, кого уже знаешь, а надо — расширять кругозор общения... В пределах по уставу сконцентрированной общины. И только с ним, таким навязанно-родным, вынужденно-организованным, существовать все эти двенадцать дней, источая придуманно-патриотическое чувство: «не покину!!!» к такой сомнительной родине, как «отряд»...

— Чем дальше в поле... — протянул Валентин, как подслушав мои мысли.

— ...тем гуще конопля, — согласился я как никогда сокрушенно и, одарив его полувзглядом-полупросьбой, означавшим: «Парень, ты меня тут не видел?..», начал воровато спускаться по крутому

обрыву к Байкалу... Ладно, ляд с вами: не пойду по другим «отрядам». Но и с вами не останусь: муторно с вами... Может, и не хватитесь.

— Осторожно, — крикнул мне вслед Валентин, — на Влаську не напорись! Она тоже тут где-то циркулирует, чтоб никто не допекал!

— А чего ее... — буркнул я с досадой: свет белый у вас у всех на этой Влаське сошелся... Но я-то не вы!

— Но ты, если что, не думай: она только в жизни такая взбалмошная... А в серьезных делах она — почти что скромница! — посмеиваясь, добавил он. Я сделал вид, что не расслышал, и пополз вниз по береговому склону.

Берег не просто каменистый, будто насыпной курган — он сплошь был покрыт валунами, поросшими красновато-ржавым сырым мхом. Меж отдельными камнями протискивалась какая-то местная растительность, похожая на свечки кактусов, с мясистыми светло-зелеными чешуистыми стеблями, увенчанными краснеющими макушками... А внизу дышал, мерцал и вздрагивал в такт тектоническому сердцебиению Земли гигантский живой мифический Титан — мыслящий и чувствующий Байкал, в который погружи хоть одну ладонь — вольешься. Субстантно и духовно перемещаешься с могущественным сибирским Солярисом... Мне показалось, что стоит соприкоснуться со своим отражением — беспокойным задумчивым двойником — ладонями, и в нашем рукопожатии все равно будут участвовать не двое, а трое: в месте соприкосновения наших рук будет и Он, Он же и соединит нас с той, второй моей душой, посредством водной пленки — кожи своей... И я невольно потянулся к себе Байкальскому — и он, чего следовало ожидать, тоже...

На противоположном берегу высились корявые, узловатые горные вершины — фигуры окаменевших, по преданию, мергенов. И все: вызвавшая глубина Байкала, колот трехтысячелетней сосны, бившийся в лапе шамана Ветра об упругий бубен Луны, дряхлые духи бурятской земли и оживающие со зловещим скрипом каменные мергены — все гудело стройным

многоголосием мантру всемирного умиротворения — и беспокойства вместе с тем... Не встретившись ладонью с отражением, я, охваченный внезапным первобытным страхом, переполнился осиновою дрожью: а вдруг оно утащит меня туда, к себе, чтоб принести в жертву нечистым-онгонам?! — Я оказался один на один с собой Байкальским и понял, что боюсь его, себя!.. Я глядел на меня из-под зыбкой кожи и... А чего, собственно, ты, Я, хотел? — Ведь для тебя — ничего интереснее, как играть теми, кто играет по жизни, вот я и попался в твою же, Я, ловушку: заигрался... Все мы рано или поздно снимаем маски, но моя последняя, оказывается, накрепко приросла к лицу, и ты, Я, снял ее, ничего не подозревая, вместе со скальпом...

...Когда-то давно я понял одну вещь: миром управляют игроки. Поэтому, чтоб не быть кем-то «заигранным», я решил, что буду сам закручивать игры и создавать правила. Очень быстро я вошел в новое амплуа этакое «первого парня на деревне»... Однажды из моей жизни ушла жизнь, и, чтоб не свихнуться, сначала я принял за аксиому, что жизни нет, как нет ничего, кроме восприятия. Из этого следовало, что жизнь можно воссоздать самостоятельно, а когда она вдруг станет слишком сложной, то можно безболезненно устроить герлау и как ни в чем не бывало начать заново. А может — как-нибудь по-другому. Когда из жизни уходит жизнь, ее можно заменить игрой в жизнь. Но тут... Тут я стоял и понимал, что из моей жизни уходит игра в жизнь... Я больше не умею играть... Вернее, не хочу. Потому что не хочу трепетать от одной мысли о том, что когда-нибудь кто-нибудь скальпирует меня вместе с этой маскою, и я останусь и без лица, и без возможности вновь прикрыть обезображенность. И не хочу бояться оставаться наедине с отражением!.. И не хочу, чтоб меня... чтобы мной... Не хочу!!!

Громады мергенов вскрипнули вдалеке. Я поднял взгляд: в головокружительной высоте надо мной нависли плетеным куполом узловатые, бородавчатые листовенничные ветви, в сквозные зияния которых проглядывали редкие

звездочки... Я ощутил себя одновременно и ничтожным, беззащитным мальком на дне огромной, хищной ловчей сети, и ссыльным: каторжником, попавшим в земли сибирские, по собственной глупости подняв бунт. Против кого — и сам не помню, только очень хотелось стать над кем-то... Когда я попытался задуматься, над кем же, в голове-колокольне загудело...

Тяжелая щука пробила хвостом по воде полночь, после чего вновь настала зловещая, настороженная тишина.

Неподалеку от меня вдруг послышался еще один негромкий всплеск — я взлетел на месте: нет, пожалуйста, только не сейчас, когда меня соломинкой можно проткнуть!.. Метрах в десяти от меня... ермаковградское чудовище Власта входила в мерцающие ладони Байкала, не сняв одежды; шла до тех пор, пока вода не достигла ее подбородка, затем выскользнула из объятий воды, зажала нос и ушла в воду по макушку. «Шаманка, — ужаснулся я, почувствовав, как вновь переполняюсь нудящей дрожью. — Ведьма!» — оцепенел я в следующую секунду... С минуту Власька не показывалась, после чего резко выскочила из Байкальского чрева, выбежала на берег и в спешке начала выжимать на себе футболку и пропускать меж пальцев мокрые волосы, ероша их во все стороны.

...Когда-то жил у меня белый крысун Буцефал, и в нем, белом и декоративном, таились, тем не менее, инстинкты пугливых, диких серых предков. Мы с Юлькой частенько потешались тем, что заставляли взлетать Буца от страха на воздух, резко хлопая книгой перед крысиным носом. При этом туша Буцефала съезживалась в комок «уши к пояснице», а глаза выпяливались, по словам сестры, «от возникающего давления в прессованной крысе»... Так вот, когда мокрая Власька вдруг заметила меня в трех метрах от собственных кед на берегу, выражение ее лица было чем-то сродни буцефальему: тот же испуг на вздохе, испуг застанный врасплох. И глаза, переполненные полувопросом-полуобвинением и замешательством: «Зачем?..» Но еще через пару секунд в ее взгляде мелькнуло чувство опустошенного, безглазого прощения, которое

стоит всех осуждений мира только тем, что судить-то как раз и отказывается: «Все понятно. Бог с тобой... Только сделай милость, не выражай никаких драматических ужимок раскаяния, а то... как-то не хочется беспамятно презирать тебя!..»

Я, обескураженный, смотрел во Власькино отчаяние... И она была такая же — без кожи, уязвимая, как и я в тот момент... Но только я (мне вдруг стало отчаянно совестно за свою трусость!) чуть ли не в истерику впал минутой раньше, а она... Это поистине дар — быть открытым до полной неуязвимости... И тут только у меня резко просветлело в голове! Я понял, что готов руку на отсечение дать и поклясться, что этой девочке прекрасно известно, что такое потерять в жизни жизнь и потерять в ней же — игру в жизнь; более того, она знает, что будет за потерей игры: там — открытость до неуязвимости... Спасибо, Власточка!

Я вновь увидел этот взгляд, спокойный и вместе с тем карающий... И мне вдруг стало пронзительно страшно ранить маленькое встрепанное существо: она стояла, настолько ошарашенная моим невольным вторжением в ее беззащитное одиночество. Похожая на ребенка, которого в первый раз в жизни обманули. Мокрая... Хрупкая. Смеш-на-я!.. Как же мне вдруг захотелось ее защитить от «злодея», каким я же и предстал перед ней! — Да, меня прошило отчаянием: как, меня принимают за врага?! Я же... Нет... нет...

Ветер-шаман внезапно обжег мое лицо, проник под свитер... Мокрая футболка на Власте заштормила-забилась-запузырилась, прижатая железнодорожным костылем. Девочка съезжилась. Меня вдруг как током ударило: я рванул к ней, прикоснулся к острым локоткам и притянул к груди, заслоняя от резких порывов ветра: дурочка, простудишься!.. Сырая, пахнущая каменным мхом макушка ткнулась мне прямо в середину груди... Вдруг охватило ноющей, нервной дрожью — должно быть, от ветра — и я понял, что не могу отпустить дрожащие плечики: не я оберегаю Власту — она мне покровительствует... И я почувствовал,

как необузданный первобытный страх вновь пронизал меня: так в пятилетнем возрасте боялся маминой темной комнаты, в которой ползают тени, и до слез вздрагиваешь от скрипа половицы или случайного шороха за стеной или за окном... Звуками, скрипами, шорохами оживала ночь вокруг нас, по кустам свербили вольные бурятские духи: им-то что, они — дома... А я — чужак... Что у них на уме?.. Жуть поползла по позвоночнику, проникая шорохами через уши... И кто защитит от своенравных хозяев ночи?..

Нет, не я защищал трясущееся хрупкое существо — горячее объятие ермаковградской... «ведьмы»!.. — берегло меня. Как мама... Власта...

Глаза — огромные, блестящие в темноте. Неожиданно для себя я нагнулся и прикоснулся губами к губам Власты...

...Так пьют воду. Во времена засухи или бредового жара: благодарно, медленно и боясь упустить хоть каплю, драгоценную для обезвоженного организма, пересохшего горла, исцарапанного черствыми крохами чье-то снисходительного внимания... Опомнившись, я со спешным страхом посмотрел в ее глаза: взгляд девочки потускнел.

— Почему? — спросила она наконец ровным убитым голосом. — Это ведь все равно неправда.

— Потому что чертополох цветет, — ляпнул я первое, что пришло в голову.

VIII

— Точно подметил, — задумчиво произнесла она, помолчав. — «Цветет» — значит, дурманит. Но не хмель, чтоб совсем уж голову потерять, не черемуха — для вздохов на скамейке, и уж никак не... — она уничтожающе усмехнулась, — роза алая!.. А — лохматый чертополох... Никаких олицетворений сердечности... Почти что пародия на цветок.

— Неплохо разбираешься в семантике и народном творчестве, — промямлил я, когда разум вернулся ко мне почти в таком же безупречном, но слегка помятом виде. И спохватился. —

У тебя работа случайно не на секции психологии?

— Нет, — улыбнулась она. — Технари мы, технари: топология у меня. Прикладная.

Мне сразу вспомнился наш разговор о параллельных и секущих: стоило предположить, что психологом быть она по факту не может.

— Люблю я тебя, — как того и требовала ситуация, произнес я, приобретая окончательную трезвость мысли.

Во Власькиных глазах разочарованного осуждения оказалось больше, чем презрения, хотя последнее и было основной характеристикой ее взгляда.

— Физика в метафизике: взаимное притяжение тел существует, согласно законам магнитного поля, — сухо отозвалась она. Кажется, это была цитата из чего-то ранее мной слышанного...

Между нами снова повисло состояние взаимоанализа... Для меня оно оказалось невыносимым: я не мог еще оправиться после того, как ее влага оживляла меня... Мне вдруг стало настолько спокойно, когда Власта — дикарка Власта с беспристрастнейшими глазами! — держала меня в объятиях, одновременно и берегущих, и самоотверженных, которыми она и защищала, и просила защиты... Нет, я понял, что не в состоянии больше строить из себя черт-те что: передо мной была уже не «подопытная», как я ее первоначально определил для себя... Передо мной была вольная и немирная стихия, единая и с Байкалом, и с бесплотной ночью, и... со мной?.. Нет — я был един с ней, влившись в эту стихию, желая найти здесь спокойствие...

Власька, ты и есть — мой исцеляющий бальзам, единственно которым можно, оказалось, залечить то безобразное месиво, во что и превратилось мое лицо, содранное вместе с последней из масок!..

X

— Ладно. Без оправданий и лишних эмоций, — произнесла она примирительно, но все с такой же еле уловимой тоской по несовершенству в мире. И тут же рассмеялась. — У тебя весь свитер из-за меня в мокрых отметинах!

... Как камень с души...

— А это что за крендель? — поднял я воскресшие глаза на какую-то шишечку, которую прежде не замечал среди прочего нашейного добра Власты: две ниточки конических деревянных бусин были свернуты в причудливый узел. Что-то изнутри подтолкнуло меня взяться кончиками пальцев за «крендель» и попытаться развязать его.

— Не выйдет, — полуулыбнулась она, — это одна и та же нить, а не две, как может казаться поначалу... Объемная восьмерка Мебиуса. Символ бесконечности.

Я обполз, будто бы проверяя, нить пальцами по всем ее изгибам и удостоверился, что она и вправду бесконечная.

— Да... А больше на крендель похоже!.. — мне хотелось спорить с ней — только бы не эта мертвая тишина, в которой уже по привычке в голове моей — шелк-шелк внутренний компьютер. Я боялся снова начать анализировать ее слова и поступки: всякий раз их результат, не сходясь с действительностью, убеждал меня в том, что и психолог-то из меня не ахти... А в чем я еще мог искать почву, кроме как не в том «профессионализме», в котором убеждали все предыдущие примеры, все итоги конференций, все друзья-приятели, глядящие мне в рот: «Ну ты, Севастьянов, мозг!!! Офигеть!!!»...

— Возьми!.. И помни, что все движется по замкнутому кольцу. Притом по одностороннему, бесконечному... Но даже возвращаясь на прежнее место после одного оборота, ты всегда окажешься искажен пространством... Теоретически ведь возможно, что и наша Вселенная перекручена, как лист Мебиуса: проходишь по ней до крайней точки — и возвращаешься отраженным... — тут ее взгляд снова подернулся тусклой поволокой, — и сердце у тебя оказывается правостороннее, и правая перчатка в левую превращается...

XI

Под ребром неприятно заныло. Дернувшись, как сердечник, по привычке к левому подвздошью, я наткнулся на непривычный предмет: гвоздь Власты,

спрятанный, будто великая реликвия, под свитером напомнил о себе... Власька, маленькая стерва, а ты цепко держишь мои мысли вокруг себя!

...помню, я запнулся за полусгнившую кругобайкальскую шпалу, так что она на щепки разбрызгалась. И покатилося что-то, ломаное и изборожденное комковатой ржой, с неуклюжим грохотом. Я поднял предмет на ладони:

— Вот это гайка!

— Как раз к твоему гвоздю, — усмехнулась Власта, и надела мне на шею свой «костыль» прежде, чем я успел сообразить что-либо. — Это на память. Обо мне.

Лицо ее было серьезно и сосредоточенно, лишь глаза, да и то не целиком, а лишь тоненькой полосочкой под самыми ресницами, — улыбались добрым неясным свечением.

— Тогда гайку — тебе от меня! — выпалил я с неожиданным задором, неведомо как проникшим вовнутрь.

Власта выудила из-под свитера флакончик корректирующей жидкости:

— Напиши. На память.

Изредка поднимая взгляд на ее пытливые глаза, антрацитово поблескивающие сквозь ночь, я вывел на гайке то, что первым торопливым желанием вытекло из-под пальцев по кисточке: «Самому лучшему человеку на свете. Останься такой, какая ты есть. И. С.»

— Умница, — словно ощутив, насколько я не боялся быть с ней «неприкрытым», уязвимым, произнесла вполголоса ермаковградская дикарка, — так и нужно... — и вновь возобновила звонкую, задорную интонацию. — Поздравляю с увольнением из общества добровольных дальтоников!..

— Игорь!!! Мы тебя уже полчаса как ищем! — обрушился на меня откуда-то сверху восторженный визг, а вслед за ним передо мной упала на корточки чуть запыхавшаяся Настя. Никогда ее взгляд — всегда умело оттененный, кстате — ранее не был настолько счастливым, нежным и взбудоражено горящим. За Настиной спиной топтался толстый Федор с веснушчатými ушами — тринадцатилетний Настин

братец. Девушка ловко нагнулась и отпечатала на моей скуле помадный след — у меня под кадыком с трудом прокатилось что-то нерастворимое: этот поцелуй окончательно оборвал мои воспоминания и отнял у меня Власту...

— Мы все здесь обежали, думали даже, что поезд задерживается — мало ли что... — Смотри, какая кофточка! Тебе нравится? — она волчком заплясала вокруг меня. — Да ты что-о? — протянула она капризно. — Не выпался, что ли?

Не сразу до меня дошло, что я все-таки сижу на вокзале... Я же говорю, что все кончилось, а я — дома...

— Что ты — как с Луны свалился? — Не узнаешь, что ли?.. Да, ее сейчас никто не узнает: заметил, как она подстриглась? — Федор довольно сгримасничал и поставил сестре «рожки».

Не заметил, если честно. Я вообще с трудом видел что-либо вокруг себя... Я только глядел на Настю и понимал с изумлением, что я вижу ее как в первый раз. Что она — совершенно чужой человек, с которым мне и поговорить-то не о чем: ни общих тем, ни общих интересов...

Но и с Власькой не было таковых, но ее хотелось познать: все, что роилось в этой маленькой встрепанной головке, ни единой гранью не соприкасалось с моими мыслями, интересами, идеями... Но своим существованием она дала мне себя почувствовать пятилетним ребенком, который открывает заново этот сложный и интересный мир — здесь и сейчас, первый и последний, и безмерно счастлив, что он — часть этого мира и что мир его бережет... Говорят, что дети очень тонко чувствуют фальшь. Именно поэтому, наверное, Настя вписывалась в мой мир как пышная искусственная роза из атласной ленты — в подзаборные джунгли дикого, вымахавшего в человеческий рост от запущенности, задорного чертополоха. Того самого, что цепляет, сам того не желая, каждого, кто проходит через его заросли... Того самого, что мы проклинали, когда цепкие, дерзкие шишечки, похожие на вихрастые головы мальчишек-сорванцов, залепляют штаны

и прячутся в волосах... А из розы той только булавку вынь — и получится мятая лента...

Настя сидит напротив меня и играет локоном, посасывая пухлую губку. Между нами висит тишина.

— Какая тут у вас за все это время была погода? — спрашиваю, наконец: уж слишком удушливо дохлое безмолвие.

— Ой, какая прелесть! — вскрикивает она внезапно, заметив у меня на шее можжевельный узел, и протягивает руку. Меня захлестывает девятый вал негодования: что значит «прелесть»?!. Это мой амулет, и мне не очень-то приятно, когда его трогают чужие. Чужие?...

— Осторожнее: ногти сломаешь! — протянула Настя, когда я сурово отстранил ее кисть.

— На фигу похоже! — прыснул Федор.

— Сам ты на фигу! Символ бесконечности, — пробурчал я себе под нос: какое мне дело до того, что судачат посторонние! Посторонние?..

— Ути-пути, как мы заговорили! — ехидненько взвился Федор. — А как же «ненавижу недоростков-фетишистов», а? Или, может, ты тоже записался в орден «Бодхисатвы господни», Игорь?..

Я глядел на Настю — тоненькую, изящную — и понимал, что это — комнатная болонка, диванная собачка, которая умеет скакать через обруч и вальсировать на задних лапках. Которую можно приманить за кусочек сахара и атласную подушечку. А чего еще надо для собачьего счастья? — За поцелуй и шоколадку любому будет предоставлено виляние хвостом...

А Власта?

Власта по этой аналогии была бы волко-лайкой: от волков она унаследовала строптивый нор и любовь к воле, а от собак — искренность, преданность и прямоту. Та бы хвостом вилять стала только для того, чтобы дать понять собеседнику, что она всегда с ним. Поможет. Поддержит. И, если надо, горло врагу перегрызет!

Но воля... Если бы Власту потянуло на волю... Если б она начала вдруг петь ночные волчьи серенады пегому месяцу... Я не смог бы ее неволить,

выпустил бы в лес, к волкам в стаю, за что получил бы самый преданный и самый благодарный в мире взгляд и прощальную отмашку хвостом — самую долгую... Только бы она была спокойна и счастлива, не тосковала бы и не металась взаперти!..

А я?

Наверное, я бы не выдержал. С тоски бы без нее сам на полуночную лепешку выть начал... Нет, не смог бы я с Властой: слишком тяжел крест счастья!

А Настя?

Смотрит на меня с влюбленной нежностью... Ладно. Я же говорю, все закончилось, начались домашние будни... Итак, Настя — моя девушка. Ждала меня. Наверное. Я, значит, наверное, тоже ждал. Тоже, значит, соскучился. Наверное, ее надо обнять?.. Странно, раньше это получалось само собой.

— Куда теперь пойдём? — улыбаюсь.

— К тебе!

Я поднимаюсь с пола, беру невероятно отяжелевший чемодан с дипломами, свободной рукой обвиваю Настину талию, и мы направляемся к выходу. За нами трусит, пыхтит Федька.

Неволью я обернулся: в окно зала ожидания были видны железнодорожные пути, по которым с радостным ревом летел товарняк; его вагоны вдруг начали замедлять ход, и из товарного вагона на платформу выкатилось кубарем босоное цыганское семейство. У меня зарябило в глазах и, кажется, закружилась голова; помню только, что опомнился, сидя на скамейке. Надо мной склонились слегка напуганные Федька и Настя.

— Тебе плохо? — участливо осведомилась Настя. — Может, вызвать такси?

— А? — отозвался я рассеянно.

Вдруг из толпы вынырнула девочка-цыганка лет восьми, схватила Настю за руку и затараторила, смешно выпучив голубо-мраморные белки: «Пойдем! Пойдем со мной! — потом, как бы извиняясь, посмотрела на меня исподлобья и добавила. — Всего на минуточку... А тебе с нами нельзя!»

— А ты мне погадаешь? — оживилась Настя. — Ну, не обижайся! У нас будет сугубо дамский разговор, — закончила

она кокетливо и скрылась, увлекаемая цыганочкой, в потоке людей.

Я уселся на чемодан...

Вскоре Настя вернулась, сияя:

— Там ко мне подошла какая-то миленькая девочка. Она спросила: «Это вы — Настя?» — а я удивилась и ответила, что я... Представляешь, что она, оказывается, придумала?! — Когда я спросила, откуда она знает мое имя, то она рассказала, что ходит по улицам и смотрит людям в глаза, и думает, какое имя какому человеку подходит... Игорь, ты понимаешь, мне подходит мое имя: она же его угадала!

— Бред какой-то! — отозвался Федор. — Ну, Нась, если и ты подалась в орден «Бодхисатвы господни», то я, единственный из вас нормальный человек, остаюсь в меньшинстве?! Наська, брось! Вся метафизика проверяется физикой, помнишь? — «Если линии параллельны, то не встретятся никогда, а непараллельные, но прямые — в одной лишь точке...»

Настя подхватила:

— Но не все проверяется физикой, как бы того ни хотел,

Кое-что измеримо тревогой, и грустью, и болью...

Траекторию жизни — вилами на воде —

Я упрямо черчу... Но холодной воде не больно!..

(«Физика в метафизике: взаимное притяжение тел

Существует. Согласно законам магнитного поля!» —

с ужасом домыслил я: так вот от кого я это мог слышать!)

— Ну-ну, новоявленная посвященная-с в орденосцы-с, и что ж вам-с еще цыганочка наболтали-с? — ехидно вылез Федор.

— А, девочка очень обрадовалась, что угадала мое имя, и сказала, что всем, чьи имена она угадывает, дарит вот такие сувенирчики... А потом как посмотрит на меня да как заплачет! Так и убежала с цыганами, — и Настя разжала ладонь с подарком.

Я остолбенел.

На белоснежной ухоженной ручке лежала тяжеловесная и ржавая... кругобайкальская гайка, по периметру которой белело моим почерком: «Самому

лучшему человеку на свете. Останься такой, какая ты есть» — и ниже — мои инициалы. Гайка была мокрая, а шнурок, продернутый в нее, разорван с таким отчаянием, что на местах разрыва остались лохматые кисточки...

Не помня себя, я рванулся в ту сторону, откуда вернулась Настя. Уда-

ряясь очумелым взглядом о чужие лица, спины, сумки, вбуравливаясь в вокзальную давку, я услышал, как из тумана, летевший мне вослед растерянный Настин крик:

— Игорь! Это еще не все! Цыганочка нагадала нам с тобой прожить всю жизнь вместе, в любви и согласии!..

МОЖЕТНА В ПОТОНЕ

I

Зачем открывать глаза, если знаешь, что не увидишь ничего такого, что хоть немного сняло бы ощущение могильного спокойствия?.. Я и так уже «успела» заучить, что слева — окно, вверху — беленый потолок, а справа — ободранная тумбочка. А на тумбочке — тонюсенькая брошюрка. Брошюрку зовут «Е. Г. Ворона»... Поразительное совпадение: меня зовут так же!.. Ниже — в качестве подзаголовка — знак номера, девятизначное число и стройные буквы: *История болезни* — так что толку открывать глаза?..

II

...Давно мои мысли не были столь ясны, как сейчас. Они чем-то напоминают мне похрустывающую воду из родника, внезапно взломавшую ледяную, ноздреватую коросту безмыслия. А по заплетающимся прядям прорвавшегося ключа путается легкая серебряная монетка; она звенит, подпрыгивает и стремительно перекачивается порогами прохладно-освежающей ключевой мысли.

Мысль — она всегда обостряется, когда исчезает хотя бы одно из пяти физиологических чувств. Мне в данном случае повезло: я лишена одновременно и осязания, и зрения.

...Веки слабо подрагивают. Рук и ног как будто и нет. Лица тоже нет. Есть только больная, черт бы ее подрал, поясница!.. И зачем только пошла босиком по мокрой лестнице!.. Помню:

ступеньки... шесть ступенек... ледяные, скользкие, гулкие... И мраморно-безразличные ко всему происходящему. Дальше не помню, дальше — больно... Во всем теле — ватная разбитость, в голове — паутина, в мышцах — кисель... Вот так мой позвоночник и научился считать до шести.

Лежу и улыбаюсь: вяло, но искренне... Я люблю тебя, жизнь! За то, что ты слабее меня. То есть нас — меня и ребят: Алешки, Катерины и Славки — вместе взятых. Как правило, если ты меня уж и берешь за жабры, то добровольно не отпускаешь никогда. Вот и на сей раз: ни за что не поверю, что тебе взбрело в голову сыграть со мной в поддавки. Мы — выдержим... Я слишком их люблю, чтоб уступить тебе свои «науконедоказуемые семь граммов».

...А они, знаешь ли, заботятся обо мне... Бежит-катится монетка, взламывает льдышки — все черти из омота повылазили: серебро, как-никак! Да и не омут это теперь вовсе, а озеро проточное: кончился период затхлых вод, что застаиваются и загнивают, баста! А я жить хочу, а не пиявок кормить в вонючих низинах прогнивающей воды-мысли... «Тятя, тятя, наши сети...» Нетушки, не дождетесь!... Катись, монетка, будоражь ил, песок и трясину, тренькай и отражайся многотысячи раз в каждой чешуйке сазаньих косяков!..

...Да, заботятся обо мне. Причем не как о «малышке» — с сопельно-поддельным сочувствием, а как о... Даже не «сестренке», а брате. Не старшем

* Факт: ровно на столько становится легче тело человека после смерти. Стоит поразмыслить.

и не младшем — о равнолетнем. Безо всяких: «Ах ты маленькая, бедненькая, это как же тебя так угораздило-то, ай-яй-яй!..» — Когда кто-нибудь из них троих, а то и все разом, подходит молча, садится на краешек одеяла и зажимает мою обессилевшую ладошку в своей, уверенно сильной, в мужественном рукопожатии переплетаются наши пальцы, то я себя ощущаю уже не жалкой тушкой, а все той же Елей-Вороной, что голову готова заложить за... Впрочем, не о том речь. Самое главное ведь — это не позволить никакой болезни высосать из тебя мысль. Мысль... Журчит подземный ручеек мысли, гонит вперед монетку — значит, все в порядке. Значит, рано или поздно из подземного — скрытого от глаз чело-веческих — он снова выйдет на поверх-ность и, как ни в чем не бывало, будет поить живой водой всех, кто придет за оной к Еле-Вороне... Странное чувство: с одной стороны — до глубин моего бездонного самолюбия — возмуща-ет то, что ребята, сидя вокруг моей кровати втроем, держат меня за руки: как смертника на одре, честное слово!.. С другой же стороны — остается самое нежное и благодарное ощущение — от того же самого: неподдельное счастье Антуановского Лиса, которому дали понять, что он уже приручен. Сбылось. Ура... А о второй части — что касается ответственности за приручение — луч-ше не вспоминать: просто панически боязно: а вдруг все совсем не так, как кажется?.. Нет, нет, нельзя так, нельзя об этом, лучше о другом... Значит, ру-чеек пробьется из глубин моего, пока еще парализованного, воображения, потечет прямо по мне: так называю я то состояние, при котором все, что вертится во встрепанной рыжей го-ловке, становится написано прямо на лице, и на руках, и на шее, и на плечах... И весь ты истекаешь мыслью, и она бьет, фонтанирует, разбрызгивает все-поглощающее счастье... Я люблю тебя, жизнь! И серебряная монетка, попадая в пылящий мелкой водяной крошкой гейзер, рассыпается в такую же свежую дробь... Но это потом, потом, а сейчас надо во что бы то ни стало удержать мою монетку на плаву да в тихом омуте. Пока не повылезли его обитатели да не

зацапали меня вместе с монеткой, да в трясину носом не впечатали... Я люблю тебя, жизнь: ты несправедлива, а это значит, что с тобой надо быть еще не-справедливее. А что может быть про-тив тебя оружием сильнее, чем тебе же признаться в моей любви? — Тогда ты сама преклонишь колено и скажешь: «Я твоя. Делай со мной что захочешь» — и тут-то я начинаю тебя ж и т ь. И любить еще сильнее. Почти как ребят. Мне без них плохо, почему они все еще не идут ко мне: уже пятый час...

Как хочется наивно надеяться, что и им без меня плохо! Что и я их не-множечко приручила!.. Но они придут. Обязательно. Я верю...

III

...А со стороны некоторых... ммм... некоторых недоброжелателей, чтоб не сказать иначе, улавливаю и косые взгляды, и реплики по поводу «бес-стыдного симулянства». Ну-ну.

Конечно, кому же из них, недобро-желателей, понравится, что я лежу и улыбаюсь счастливой идиоткой, а не стону, как свиноматка ночью во время грозы?!

Господи, кем я была и во что превра-тилась!.. Разве это та самая нахалка, что перебудит все общежитие радостным воплем «Карр!», а что: надо отрабаты-вать свои паспортные данные, коли так не повезло с фамилией!.. Разве это та, что носит «фирменную» визитную карточку:

ВОРОНА

*Гладить и кормить
запрещается*

или та, что может сорваться с любим из них, троих, хоть на край света, хоть к самому на кулички!.. Так, стоп. Нельзя об этом. Лучше о другом... Теперь же я — нечто настолько червякоподобное, что по честолюбию царапает: валяюсь тут, как куль с мукой, и боюсь не то что пошевелиться — глаза открыть!..

...Помню, читала где-то (кажется, у Павича), как героиня раскрыла глаза, лежа в постели, и не узнала собствен-ного отражения в огромном зерка-ле на потолке: отражение поседело. Ухмыляюсь: ну-ну, жди-жди зеркала

в больничной палате! Тем более — в позолоченной раме, что можно, как у Павича, с картиной перепутать. Но вот отражения поседевшего я боюсь сейчас более всего: не виделась мы с отражением почти неделю. А вдруг это оно меня не узнает?.. Я боюсь его даже, пожалуй, сильнее, чем того лошадиного шприца с гремучей смесью: димедрол с анальгином — впрыснутого в меня накануне... При этом хоть бы одна зараза спросила меня, нет ли аллергии на всю эту инквизицию?.. Ой, господа-белохалатники, смеюсь над вами, да все сквозь слезы: никогда не забуду, как они нашептывали моей бабушке, что «девушку необходимо срочно показать не невропатологу, не психотерапевту, а именно психоневрологу!» Ну что с меня возьмешь: не подпускаю я к себе близко человека со шприцем в руке! Вам бы самим с раннего детства рассказали документально о том, как нарки в подворотнях колются, да внушили б отвращение к инъекциям — посмотрела я бы вашу реакцию на этот нехитрый сестринский снаряд. Еще неизвестно, кому бы больше понадобился психоневролог.

...Я же говорю: мысль моя сейчас — что вода в Витиме! Улепетывает монетка, дзынькает о камешки-перекаты, крутится в воронках... в вороньках?.. несется по течению...

По коридору близятся шаги. Дух перехватывает в горле: неужели ко мне?!. А шаги шаркающие, в мягких стоптанных шлепанцах. Скрипучая дверь моей палаты резкой пробкой вылетает из косяка — тапочки, на миг поколебавшись, прокрадываются вовнутрь.

...Кажется, моя серебряная монетка застряла между камнями: я не могу разомкнуть веки... Выкарабкиваюсь из полусна — рывок! рывок!.. — все напрасно...

А я невольно улыбаюсь: знаю эту походку: Славик пришел. Он обходит пустые койки и садится на самый краешек моей — кровать мультипликационно кряхтит, но не прогибается. В знак приветствия протягиваю руку в пространство. Голова кружится чудовищно... Мою маленькую лапку стискивает горячая, сильная Славкина

кисть, после чего наши руки медленно и судорожно начинают ползти друг другу до локтя... Пальцы у него длинные, узловатые, с переломанными казанками, а предплечья — мускулистые и жилистые, сплошь перештрихованные шрамами и швами. Я помню каждый из них на ощупь: ведь никто не просидел со мной столько, сколько Славка, и ничьи руки не узнаю так скоро, и ничьим не буду так рада, как его рукам. С самого первого дня моего пребывания в этой чертовой палате его цепкие пальцы подбадривали меня в рукопожатии, и я, думая лишь об этой нехитрой смычке кистей, напрочь забывала о ноющей пояснице... И все чаще вспоминала об Антуановском Лисе... «Фирменная» — моя — «визитка» уже неделю, наверное, валялась под кроватью в общежитии, если не подобрал ее никто... Что ж, видимо, там ей было и место, если дикарка-Ворона плакала каждый раз вовнутрь слезами, понимая, что она и есть — тот самый Лис, напропалую прирученный и отданный в Славкины руки как раз тогда, когда я менее всего защищена и более всего уязвима... Ведь какая моя защита — поза оцетинившегося дикообраза? А какой из меня теперь дикообраз, так, другое какое-нибудь животное...

Ага, ворона...

...ворона и лисица...

...в одном флаконе...

...вот тебе «гладить и кормить запрещается!»

Славка, не бросай в меня камней хотя бы сейчас — сейчас больнее всего. Травма меня обезоружила, и потому-то и произошло то, чего я больше всего боялась, но вместе с тем больше всего и хотела: приручение. Теперь я в ваших руках, Славка, Катюшка и Алексей. Я люблю тебя, жизнь.

...а руки-то у Славки дрожат... Руки, вбуравливавшиеся в мои заостреные плечи массажем, от которого я проваливалась в глубокий сон, будто в подводную воронку... Пытаюсь стиснуть его локоть: мол, мы еще повоюем!.. — но понимаю, что пальцы настолько ослабли, что не в силах обхватить его сустав.

Вдруг Славкино плечо обмякает, как пластилиновое, и проскальзывает меж пальцев — я раскрываю глаза...

Китя

Славки рядом нет. Все это мне почудилось. Приснилось...

IV

...Из незакрученного крана ударяется о тишину водопроводная: «глямп! глямп! глямп!». Хлоркой пахнет. Наверное, в коридоре полы моют. Штукатурка с потолка, видимо, решила меня припудрить... В соседней палате мявкнула дверь — вновь тихо.

Только монотонно долбит по перепонкам: глямп! глямп! глямп! — Снова проваливаюсь в полусон-полунаркоз-полузабытье — глямп! — самочувствие, состоящее, вопреки всем законам здравого смысла, из трех — глямп! — половин... глямп! глямп! — Падает уже не хрустальная родниковая — хлорированная водопроводная мысль со лба в чашу затылка, пролетая сквозь безболезненную пустоту... А серебряная моя монетка застряла в водопроводном колене, и вода не проходит. Застаивается... Монетка лежит. Чернеет, мутнеет... Давит на нее накапливающаяся мысль из-под крана. Голова переполняется этой мыслью — с рваным белесым хлорным отсветом на поверхности. Мягко давит пустота в теле, но не на кожу изнутри, а наоборот — вовнутрь; давление не распирающее — всасывающее, утягивающее... Этакая «черная дыра». Из воды.

...Интересно, а как выглядит «черная дыра»? — Не успеваю это подумать, как дыра тут же вырисовывается перед закрытыми глазами. Враки. Никакая она не черная. Она малиновая. Гигантская малиновая центрифуга вращается как бешеная. Расплевывает густые флуоресцентные ляпсусы, будто точильный камень — искры. Космос вокруг «дыры» тоже не такой, каким навязывали его естественно-научные работники: не синий и не черный, даже не темно-фиолетовый. А хаки. Скорее даже изжелта-хаки. Точь-в-точь такая «дыра» всегда начинала крутиться у меня в животе перед выходом на сцену или сдачей экзамена: такое чувство, будто кто-то на тебя пристально смотрит, будто рога у тебя повырастали, как у инопланетянина... Хотя, стоп: почему — «будто»? На меня и вправду

кто-то смотрит. Я это чувствую даже с закрытыми глазами.

Ты кто???

Резкий рывок ладонью вниз по одеялу — джинсы. С холодящими руку заклепками. Это Алексей.

Невольно расплываюсь в благодарной улыбке. А он тихонько дует мне в налипшие на лоб перепутавшиеся пряди, нагибается... Чувствую его характерное дыхание: с астматическим дрожанием и перекатами в гортани. Алешкина ладонь, всегда мягкая и липкая настолько, что в ней можно увязнуть, контролирует мой лоб.

— Температура уже спала, — еле слышно шепчу: боюсь, чтоб голос не дрогнул.

Пытаюсь открыть глаза — снова не получается: веки как смазаны чем-то густым и очень клейким. Но даже наблюдая перед глазами вихрящийся малиновый диск... дыру?.. — знаю, что Алешка сейчас качает головой и думает: «Ой, Воронька-Воронька!.. Вот уж точно у кого дурная голова ногам покоя не дает».

— Знала бы ты, что о тебе по общаге говорят, — неожиданно начинает он. Голос Алешкин, нахмурившийся, звучит, как в театре, отовсюду, где только могли бы располагаться воображаемые колонки: сверху, снизу, а то и изнутри меня... Вместо ответа бодаю подбородком воздух: скажи, мол!

— Сплетни, Воронька, сплетни... Начиная с того, что тебя столкнули... Кстати, это правда?

Осторожно качаю головой, чтоб не повредить и без того пострадавшую черепушку. Самопроизвольная кривоватая улыбка больно мне впивается в правый глаз.

— ...и до такой интересной версии, что... Хотя это все ерунда. Неважно, в общем.

— Сказано «а» — говори «беееее-ееее!» — шепчу заговорщически, в четверть голоса, ехидно акцентируя последний звук.

— Ты только... Только близко к сердцу не принимай, но... В общем, говорят, что у тебя перелом позвоночника, разрыв костного и вообще, тебя увезли хоронить.

— Что-о?..

Глаза распахиваются, что форточки в обезвоженную июльскую ночь! Сажусь на кровати единым рывком — не знаю, откуда только силы взялись... И тут же сползаю, закусив от боли щеку: поясницу повредила, балда!.. Но дело даже не в этом: а вот Алешки-то и нет...

Больно.

V

...Если раньше глаза не открывались, то теперь я их не могу сомкнуть, как ни пытаюсь. Буду смотреть в окно.

Истеричка муха лупит горячее стекло марлевыми крылышками: старается, выгибается кверху спинкой — будто наизнанку выворачивается, узница междурамового заключения. Хочется туда, на волю, за окно. Я тоже хочу на волю.

Елочка у окна растет. Кривенькая. По ночам ее макушку прибавляет ветром к окну, а я просыпаюсь: думаю, что ребята пришли и в окно барабанят. Лежу и проклинаю себя за то, что не в силах подняться, а то вылезла б в форточку и уселась на ель... «На ель ворона взгромоздись...» — с самого раннего детства меня этой строчкой уедали. Дурацкие паспортные данные: «Ваше ФИО?» — «Мое?.. Ворона. Еля Гельевна!»... А елочку за окном чуть не выворотило с корнем позавчера ночью: молоденькая она, совсем еще тоненькая. А ветрище поднялся такой, что до сих пор все стекла в песке, и в пыли, и в каких-то еще ошметках. А она устояла. И я устою. То есть улежу. Улежу, раны залижу, и тогда-то... Снова сорвемся вчетвером куда-нибудь, куда глядят беспокойные задумчивые глаза, и ждет приключений на себя пока никем ненамыленная шея.

...А там, за окном — апрель! И сосульки-замарашки, изжаленные лучами-стрелами небесного малинового диска, лениво истекают густым неводянистым соком. «Тэзгбдим! Блкмт! Дзымм... Блям-блям! клоби, клоби... Дрльямп!!!» — звонко отзывается помолодевший за два коротких весенних месяца подоконник: что монетки серебряные лупят его сосулькины приветы. Черная... то есть, малиновая... дыра? вода? мысль? — какая теперь, впрочем, разница — прорывает оболочку мозга

и устремляется по всему телу, бурлит и грохочет Ниагарским водопадом, падая с порогов, улепетывая в руки, в ноги, в километровую поясницу... По последней легче всего, кстати, бежать воде? дыре? монетке? мыши... то есть — мысли?.. Вот тебе и «мысью по древу». По той самой кривенькой елочке за окном... Это что же получается: если Ель — это я, а мыслью — по древу, то значит, мысль, родимая, давно перелилась через край и струится по мне. И я истекаю мыслью.

Вдруг в ноздри ударило «Океаником», да так сильно, что гланды запершило: чую, чую мою Катерину за версту!.. И я с тревожной улыбкой — неужели?! — уставилась на дверь. Шаги и запахи приближаются.

«Наконец-то живой, настоящий человек! Не сон, не иллюзия!..» — только и успеваю подумать, как в палату входит Катюшка — живая, настоящая! Мокро-серые глаза приветливо мигают и улыбаются. С грустью... Катерина молча протягивает мне маленькое, поосеннему желтое яблочко с перекрученным засохшим черенком. Аромат кукольно блестящего плода переполняет пространство между нами, заглушая стойкое амбре лосьона, по которому я и распознала появление моего любимого белокурого чуда... На секунду я падаю в такое головокружительное состояние, что все престаёт быть, кроме Катюшки, да глоточка медлительного, мудрого осеннего воздуха посреди апрельской суматохи.

Так же точно пахнет томик Чехова на нижней полке.

Сквозь туманную поволоку доносится грегорианское песнопение — становится тоскливо-тоскливо... Хрустальные чайки с серебряными крыльями взмывают под облака и жизнеутверждающе оттуда каркают мне: мол, не плачь, сестренка: все пройдет — и печаль, и радость... И мы еще повоюем!..

...Когда я вновь открыла глаза, на краешке кровати вместо моей любимой Катюшки сидит сутулый старичок рентгенолог. И держит в сухоньком кулачке мое яблоко, пронзительно пахнущее октябрём.

— А где... — только и успеваю начать я.

— Уехали. Втроем. Позавчера еще... Да не переживай ты.

— Неправда! — рычу. — Врете!

— Зачем же, — с доброжелательным спокойствием дергает он бровями. — Не переживай: завтра с утра снова уже будут тут как тут у твоих ног дежурить — снова тебя на процедуры не отдадут...

Он смеется. Дергается седенькая бородка и добродушные черемушковые глаза щурятся, как бы подмигивая: поправишься, мол, скоро — не горюй!

Ловко вкладывает яблочко мне в слабые пальцы и выходит. У дверей его шагам кто-то перебегает дорогу, кажется, одна из медсестер; завязывается смутный разговор — улавливаю в шепоте уже знакомые слова: «психоневролог», «надо показать», «не говорите только, что...», «ждет», «двое суток была в отключке...»

...Они меня, видимо, и вправду за дурочку держат: «уехали позавчера» — нет уж, дудки! Может, Славик с Алешкой мне и привиделись, но Катю-то я своими глазами видела! И она меня видела. И подтвердит.

...Серебряная монетка, преодолев очередной порог в потоке малиновой лавы, плашмя шлепается в ряску... Я понимаю: еще чуть-чуть — и она перевернется на ребро и канет в трясины. Зрачки, развернутые на 180, смотрят мне в затылок. Монетка кренится, желая утонуть в безмыслии, голова стянута усталостью, словно бычьим пузырем... Наверное, димедрол начинает действовать...

Глаза не открываю: во-первых, голова кружиться начинает, подташнивает: говорят, сотрясение. А во-вторых — свихнешься пялиться на больничную штукатурку, от одного вида которой начинаешь себя чувствовать так, будто ты один, один, один на свете! Нет! Нельзя, об этом нельзя, лучше о...

О господи! Шаги... Точно: сюда идут!.. — и я вырываюсь вместе с потоком малиновой лавы навстречу вошедшему и бросаюсь ему под ноги.

Космос цвета изжелта-хаки поглощает меня...

...Но я счастлива: Катюшка-то у меня была. И в этом меня никто не успел разубедить!

Андрей Поляница

Наталья Довнич

Молодые иркутские художники, выпускники Иркутского областного художественного училища. Участники городских, областных и региональных выставок. В июне 2003 года приняли участие в международной корейско-российской выставке выпускников. В апреле в Доме Европы состоялась их первая персональная выставка «Арт-Апрель». Живут в Иркутске.

ИНТЕРЬЕРНАЯ ГРАФИКА Андрея Поляницы и Натальи Довнич

Живопись молодых талантливых художников Андрея Поляницы и Натальи Довнич известна не только в Иркутске, но и в Японии, Швейцарии, Германии, Монголии, Франции. Именно там хранятся в частных коллекциях многие их работы.

Художественный стиль, в котором выполнены картины, сам Андрей Поляница называет интерьерной графикой. По словам Андрея Коршунова, это даже, «скорее, не картины, а анимационные однокадровые зарисовки». Действительно, смешанная техника живописи, в которой художники используют цветной картон, пастель и яркие акриловые краски, вызывает у зрителей эмоции, связанные с солнечными впечатлениями детства. Такими работами хочется украсить комнату своего ребенка.

Вот, например, мультяшная «Белочка»: оранжевое брюшко, фиолетово-черная клякса хвоста, на ушах — рыжие кисточки. Забавный зверек с картины Андрея Поляницы невольно заставляет улыбнуться. А его «Ослик на траве» или «Божья коровка», похожая, скорее, на смешного человечка, очаруют любого взрослого.

Впрочем, есть у Андрея Поляницы и серьезные работы, выполненные в стиле интерьерной графики. Таков, например, «Танцор «Самбы» — несколько цветных рельефных линий на темно-синем фоне создают динамичный ломаный мужской силуэт, захваченный движением. А игра контрастных плоскостей в картине «Снеговик», как в мозаике, то распадаясь, то вновь создавая сложный узор, помогает зрителю каждый раз по-новому увидеть эту работу.

На вопрос: «Как рождаются такие живописные образы?» — Андрей Поляница ответил, что он считает себя прежде всего керамистом, а не художником. Поэтому все образы, воплощенные в красках, первоначально приходят к

нему через форму. Сама идея создания работ в стиле интерьерной графики взята им из техники керамической глазуровки. В декорировке керамических изделий Андрей использовал ангоб и возможности акриловых красок, придающих узору рельефность. Так появилась идея использовать акрил в живописи по бумаге и картону.

Декоративная техника Андрея Поляницы — рельефная, экспрессивная, живая. Однако художник продолжает экспериментировать с цветом, материалами и фактурой, добиваясь неповторимости каждой своей работы.

У Натальи Довнич — жены Андрея Поляницы — немного другой стиль. Он более мягкий, более лиричный. Художнице интересны обыденные, бытовые предметы, которые, трансформируясь в картине, приобретают иную форму, а вместе с ней и некую новую «индивидуальность».

Вот слегка деформированная стеклянная банка из-под кофе, выполненная рельефным белым контуром на сочном бордовом фоне. В ней — кофейные зерна, прорисованные все тем же белым контуром. Но, невзирая на такой минимализм в средствах изображения, банка выглядит абсолютно «стеклянной», а сквозное кружево кофейных зерен объемно и осязаемо.

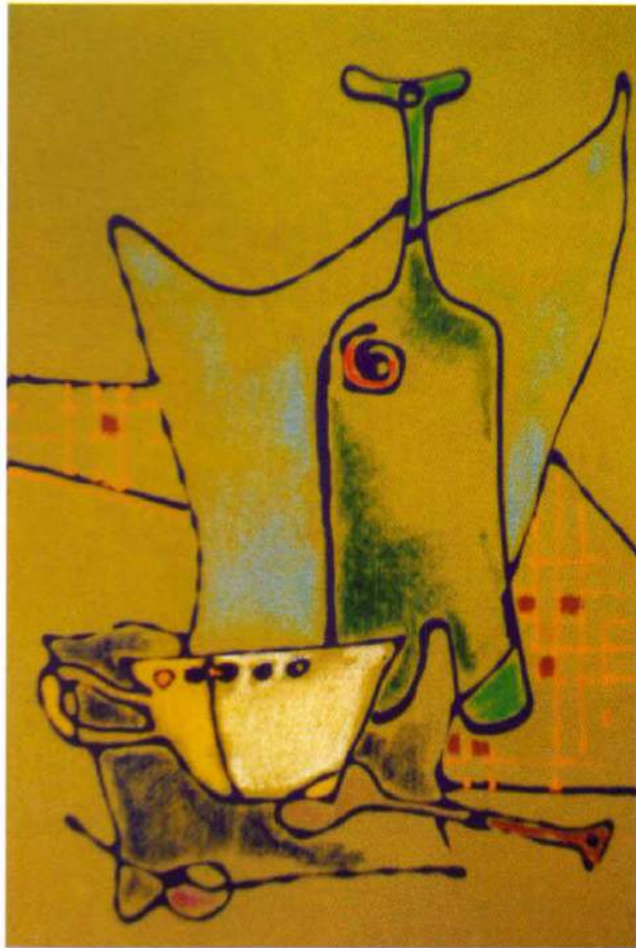
Многие свои работы Наталья Довнич пишет в жанре натюрморта. «Натюрморт с кофейными зернами», «Натюрморт с гранатами», «Ночной натюрморт»...

«Ночной натюрморт» привлекает к себе особенно звучными ритмами цветовых пятен оранжевой и желтой пастели (лепестки подсолнухов) на насыщенном темно-синем фоне картона. Тонкие бледно-зеленые контуры, которыми прорисовано блюдо с грушами, уравнивают композицию. Так цвет, линия и фактура бумаги создают неповторимый законченный образ.

Сейчас молодые художники полны новых творческих планов и начинаний. Хочется пожелать им успехов и семейного счастья.

Евгения Попова

Наталья Довнич. «Чай с лимоном»

Наталья Довнич. «Натюрморт с грушами»

Андрей Поляница. «Хризантемы»

Андрей Поляница. «Первое свидание»

Алексей Головкин

г. Иркутск

НЕОТПРАВЛЕННЫЕ ПИСЬМА

Рассказ

От автора. Я люблю своих героев за то, что они очень искренние люди. Они расскажут о себе сами, и вы, надеюсь, тоже полюбите их. Вначале они представляются вам, а затем мы с вами откроем их письма и странички из дневника.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ: Мне сорок пять лет, я — физик, научный работник. Женат, семья дружная, трое детей. Много друзей и родственников. Одно время мой дом стал приютом для Ксении, студентки-первокурсницы. Ксению, или попросту Сеню, или ласково — Ксюшу, я знаю давно, еще девочкой. С ее родителями мы дружим домами, живут они недалеко от Москвы, и поездки туда, в село Стрешнево, всегда были для меня праздником.

Тон нашей дружбе задавала Софья, мать Ксении. Эта невысокая, полная, красивая брюнетка, всегда энергичная и веселая, обаяла и держала в своей власти нас всех. Она приходилась троюродной сестрой моей жене Маше. Будучи женщиной весьма практичной, Софья понимала, что дать своим девочкам образование в Москве — дело весьма нужное. И вот в июне девяносто второго Сеня появилась в нашей квартире — сначала сдавала экзамены в Тимирязевскую академию, а потом начала учебу.

Софья была решительно против того, чтобы Сеня сразу после школы поселилась в общежитии. Сама Софья закончила ту же Тимирязевку и прожила все пять студенческих лет в

общежитии; кроме того, подрабатывала секретарем-машинисткой в деканате. Потому, видимо, и оберегала Сеню, которая характером была не столь бойкая, как она.

Теперь о письмах. Не мог ожидать от себя такой глупости — писать письма юной девушке, живущей в моем доме, не отправляя их, а засовывая поглубже на дно ящика стола — но вот они, я листаю их и они снова бередят мою душу. Почему они жгут мне глаза ультрафиолетовым блеском своих слов, словно электросварка, увлажняя их? Больше вопросов, чем ответов...

КСЕНИЯ: На квартиру тети Маши и дяди Саши я переехала окончательно в августе, когда меня зачислили. У них такая великолепная квартира с окнами на Главный ботанический сад, и метро рядом. Мне всегда у них жутко нравилось, а теперь я просто счастлива, что мама все так устроила. В общежитии у девчонок я бываю, но мне там не нравятся.

Мы с Мариной (это дочь тети Маши, мы с ней одногодки) делили комнату на двоих, и нам не было тесно. Только когда я занималась, мне приходилось подставлять к кровати передвижной столик, но все равно было нормально. Правда, мешала их младшая дочь Аленка: она забиралась мне на спину и дурачилась. Приходилось с нею воевать, потому что она не понимала, что у меня зачет. Есть еще их сын Андрей. Он-то не мешал, а наоборот, мы с ним дружны. Ему четырнадцать лет, но он

такой умный и воспитанный джентльмен и «ходячая энциклопедия», с ним интересно было. Он то сидел за своим маленьким компьютером, то готовил уроки, то читал, то помогал отцу — они все что-то пилили, красили, благоустраивали. Когда сильно стучали, я просила их быть потише.

Тетя Маша... с ней у меня как-то не сложились отношения. Она то слишком старалась для меня, будто я в гостях, то требовала сделать то-то и то-то по дому, когда мне не с руки. И с дядь Сашей она как-то... надоели они друг другу за двадцать лет, что ли? С Мариной тоже иногда бывали осложнения. Вообще-то она общительная, но иногда находит на нее что-то, сердится из-за пустяка, и мы соримся.

Дядь Сашу я люблю с детства. Он часто приезжал к нам, иногда с семьей, иногда один, привозил что-нибудь интересное, рассказывал. И в Москве ходил с нами в цирк. У меня как-то получалось, что я иногда будто разговариваю с дядь Сашей, особенно вечерами перед сном. Он такой же интересный и хороший, как папа, и когда они вместе строили баню, все у них так здорово получалось, но все же сильно от него отличается: культурный, говорит складно. Типичный москвич, как у нас говорят. А у нас в Стрешневе часто бывала такая скука, что хотелось сбежать куда-нибудь.

С восьмого класса я стала вести дневник. Есть там такие странички, которые посвящала дядь Саше, вроде как с письмами к нему обращалась. Но я никому эти странички не показывала. Они у меня лежат отдельно, под клеенкой обложки. И никому их не покажу. Я тогда как бы лучшей частью своей души обращалась к дядь Саше, а это со стороны может показаться смешным. Когда я их перечитываю, мне как-то и страшновато и приятно — будто тает что-то в груди...

Июнь. ДЯДЯ САША! Вот я и приехала к вам жить. Квартира у вас хорошая, светлая, с окнами на Ботанический сад. Плохо, что Вы завтра уезжаете. Пакуете свой желтый чемодан, перебираете бумагу. Вы такой красивый, когда чем-то увлечены. Часто говорите «цейтнот». Я

сначала подумала, так называется город, куда Вы едете, а оказалось — нехватка времени. Буду заглядывать в энциклопедию, как Андрей. Он, кажется, перечитал ее всю. Я не люблю ходить по Москве — мне больше нравится быть дома. В городе много интересного, но многое и раздражает. Бывает стыдно и обидно за некоторых людей: например, просят милостыню, показывают увечья. Еще пристают, видя, что я не москвичка. И как это мама не понимает, что мне надо приодеться получше?

Июнь. КСЕНИЯ! Пишу тебе из Шотландии, из моей комнаты с высоким венецианским окном, из отеля, построенного в прошлом веке. Поздравь меня: я — здесь, на конференции по сверхпроводимости. Это моя первая поездка в западную страну.

Попав сюда из России, оказываешься в другом мире. Чисто, изящно упакованы люди и вещи. Люди улыбаются и свободно заговаривают друг с другом. В аэропорту Хитроу — чисто, как в больницы палате. Я спросил работницу аэропорта, индианку в форменном зеленом платье: почему все урны пусты? И она объяснила мне, что опасаются взрывных устройств и поэтому мусор убирают сразу. Поговорив с ней и обрадовавшись, что на моем английском здесь можно общаться, ищу кассу компании «Бритиш Мидлэнд Эйрлэндс». Сидящему за компьютером молодому человеку называю свою фамилию и объясняю, что для меня здесь должен быть билет до Глазго. Буквально через минуту билет был распечатан и выдан мне. Фантастика!

В маленьком уютном зальчике авиакомпании пришлось полчаса подождать и послушать по радио извинение за задержку рейса из-за плохой погоды. Прошел в кассу обмена валюты, подал свои потертых два доллара — ваши два доллара, сэр! — и получил толстый желтоватый металлический фунт стерлингов и серебристые монетки — тридцать пенсов. Купил две открытки с видами Лондона — и от моих валютных запасов осталась половина.

В самолете мой сосед, дюжий рыжий англичанин, узнав, что я из России, с восторгом рассказывает, как их фирма покупает у нас большие грузовики,

КамаЗы, дооснащает их контрольными приборами и выгодно продает в Египет.

В Глазго пасмурно, но тепло. У выхода в город меня ожидает с плакатом — никогда еще не видел так крупно отпечатанной моей фамилии латинским шрифтом — сам Джон Браун, председатель оргкомитета. Я узнал его — мы встречались однажды в Праге. Садимся в его «Вольво» и мчимся в городок Крифф, который называют «ключом к горной Шотландии». По дороге Джон говорит, что переживал, приеду ли я, звонил в Лондон и узнал, что я взял заказанный мне билет до Глазго.

Дальше все шло чудесно: работа на конференции, занятия спортом, вечера в кафе и кабачках городка, общение, поездки по стране... Встаю рано, в шесть, прохожу по улицам городка, наблюдая развозящих почту подростков на велосипедах, спешащих на занятия школьников в красивой форменной одежде. Такая витринно красивая и разумно организованная жизнь: она улыбается мне, привлекает...

В перерывах в фойе подавала нам чай и пирожные Мэри, красивая девушка с салатного цвета глазами, внимательная, улыбающаяся. Вижу ее и думаю о тебе, Сеня. Ты являешься мне вечером, когда, усталый, закрываю глаза и засыпаю. Вспоминаю слова моей матери, которая умерла год назад. Я как-то спросил ее: ведь так трудно прожить! Что делать, когда опускаются руки? И она ответила: улыбайся людям, и у тебя все получится. Она улыбалась — и люди помогали ей, жизнь ее с тремя детьми и мужем-инвалидом не была легкой, и у нее получалось! Улыбайся, Сеня, и у тебя тоже все получится!

Почему мне везло все это время в Шотландии? Не ты ли, Сеня, мой талисман удачи?

Июнь. ДЯДЯ САША! Я только устроилась у вас, и Вы тотчас уехали. Сижу, читаю, готовлюсь по предметам. Когда по «ящику» идут международные новости и показывают Англию, смотрю внимательно. Что я увидела? Уличная демонстрация за равноправие коренных и некоренных британцев в Эдинбурге. Фестиваль русской музыки в Глазго. Застрявшее там же торговое

судно: нужно платить за обслуживание в порту, а деньги из России не придут. Моряки загорают на пристани, питаюсь тем, что им приносят сердобольные местные жители. Как Вы там, дядь Саша?

Июль. КСЕНИЯ! Здесь хороший для меня мягкий нежаркий климат, и сердце не давало мне неприятных сюрпризов. А знаешь, врачи ведь чуть не притормозили мой выезд из Москвы. Перед выездом я работал за столом не разгибаясь и, видимо, перестарался. Когда я зашел в поликлинику за справкой для выездного дела, они взяли и отправили меня на кардиограмму. Запись показала: кроме моей обычной аритмии, которую я не замечаю, еще одну особенность, которой раньше не было. Врач заглянула в талмуд и нашла, что с этой штукой в загранку выпускать нельзя. Ты представляешь, что для меня в этой ситуации означало бы оказаться невыездным? Когда с оргкомитетом все согласовано и деньги найдены, и я в программе, и меня ждут... Тут я мобилировался, денька три делал гимнастику и не перегружался. Потом пришел снова на кардиограмму, и эта особенность исчезла. Про то, что иногда у меня колет сердце, я никому не говорю.

Конференция закончилась, и я переехал в Глазго. Здесь мне предстоит поработать месяц над совместной с шотландцами и американцем работой. Профессор Браун устроил меня временно на квартиру к своему коллеге Джонсу. Квартира занимает весь первый этаж большого каменного дома. Целая анфилада комнат, а под окнами тянется отмокка, заполненная землей: там Джонс выращивает овощи. Он развелся с женой и живет один. Браун сказал, что он — «марксист-фундаменталист», член компартии, и желает пообщаться с человеком из России. Вот мы и общаемся на кухне, когда завтракаем и ужинаем вместе. Он очень лаконичен, да и я не склонен говорить много об обстановке в России, так как она мне самому во многом непонятна. Например, я говорю ему:

— Идет приватизация, всем раздали ваучеры. Граждане обменивают их на акции предприятий, которые им нравятся.

Мир чужой

А он в ответ:

— Приватизация? Маргарет Тэтчер здесь приватизировала несколько процентов госсобственности — но от этого работа железных дорог и городского хозяйства не улучшилась. Кое-что приходится возвращать обратно государству.

Потом он спрашивает:

— Я смотрел ваш фильм «Маленькая Вера». Как точно переводится название? Это имя девушки? Или идея фильма в том, что вера людей стала маленькой?

Я отвечаю, что, пожалуй, вернее второе.

Однажды вечером смотрели вместе телевизор. Шел комментарий политических событий в России. Выступал американец, господин Цуккерман из газеты «Ю. С. Ньюз». Я вспоминаю его фразы — и у меня внутри все вскипает. Например, он говорит:

— Россия находится в состоянии полуанархии. Закон и порядок являются прохожими странниками. Снабжение продовольствием — едва достаточное, и то только в городах. Инфляция достигла 2000 процентов в год, выталкивая большинство людей за черту бедности. Примерно 17 миллиардов долларов, заработанных на экспортных поставках, улетучилось из России в последние два года.

Мы сидим рядом, и Джонс испуганно смотрит на меня. Что я могу сказать? Мне становится тяжело, и я ухожу в свою комнату. Ночью мне снится сон. Я будто бы разговариваю с Цуккерманом и привожу свои оптимистические доводы например, завод перешел в собственность работающих на нем людей — и они стали работать лучше, заинтересованно, чего не было раньше. А он мне возражает: прибыль завода определяется успешной системой маркетинга, техническим уровнем производства, гибкостью в его перестройке под потребности рынка — а у вас, дескать, первое плохо по таким-то причинам, второе по таким-то, и третье тоже. И я не могу его убедить. Потом он спрашивает: если я такой оптимист, почему я не в России и не берусь за дело?

Июль. ДЯДЯ САША! Хоть бы Вы скорее приехали, что ли! Здесь так

жарко! Тетя Маша стала такая нервная. У нас с ней стали совсем натянутые отношения.

Июль. КСЕНИЯ! Работа — стержень моей жизни. Как бы морально тяжело ни было, работа в университете по задуманному нами проекту движется вперед быстро, и это радует. Вчера шотландцы организовали вечер поэзии в честь дня рождения Роберта Бернса. Нас собралось в комнате человек пятнадцать. У некоторых были в руках томики поэта, и они читали свои любимые стихи. Я придумал, с чем мне выступить. Нашел в библиотеке томик Лермонтова в английском переводе, с биографией. Рассказал о поэте, прочитал три стихотворения. Получилось очень неплохо.

Вечером долго не мог уснуть. Вспоминалась школа, то время, когда мы проходили Лермонтова, заучивали наизусть. Потом вспоминал тебя, Сеня. Как-то отхлынуло все окружающее, и меня потянуло к тебе. Знаешь, Ксюша, я воспринимал тебя как девочку, «подобную виноградному соку», до минувшей весны, когда увидел тебя в саду в Стрешневе в том белом платье — выцветшем из голубого. Увидел тебя взрослой девушкой с нимбом светлых волос над чистым лбом, над прекрасными серо-голубыми глазами. И с тех пор я невольно люблюсь и «питаюсь» тобой. Как хочется тебе в этом признаться!

И еще хочется признаться в том, что моя страна — такая большая, со всем в ней — полезными ископаемыми, машинами, армиями работников — стала для меня сейчас больным ребенком, которого от меня оторвали. Положили его в больницу, к нему не пускают, а врачи говорят, что ему, ей то есть, все хуже и хуже. А мне хочется остаться со своей больной страной и вылечить ее самому. Иначе нет мне покоя в самой комфортной загранице.

Август. ДЯДЯ САША! Я — поспешила! Поздравьте меня, я безумно счастлива. Уезжаю на время домой, не увидев Вас. До сентября!

Август. КСЕНИЯ! Я прибыл, и все идет прекрасно. Привез своим кучу подарков, в том числе по брошке Марине и тебе. Я не хочу, чтобы ты чем-то была

обижена по сравнению с ней. Жаль, что тебя не оказалось и ты не видела слайды, которые я привез, и не слышала моего рассказа. Ага, вот ты и приехала, облаченная в одежду для поездки в опытное хозяйство на уборочную. Твои ноги облегают резиновые сапожки, на тебе новенькая коричневая телогрейка, волосы забраны под шапочку. А вот ты сняла телогрейку и прошла в свою комнату. Волосы распущены, достают тебе до пояса — великолепные светлые, чуть рыжеватые волосы, мягкие, волнистые, блестящие. Розовое личико, белая шея. Кожа у тебя вообще не загаристая, она на солнце чуть розовеет. А ручки — этими мягкими ручками принцессы придется перебирать картошку на комбайне? Да они что, спятили?

Наконец, мы все за столом. Маша приготовила великолепный плов. Мы обмениваемся летними впечатлениями. Маша сетует, что денег не хватает и она вынуждена брать дополнительные часы в школе. Да полно о деньгах, Маша, как-нибудь справимся. Видишь, сколько я всего привез из загранки? Я договорился, что поеду на год работать в США. Сколько я вам привезу из Америки! Если...

Сеня, почему ты так серьезно посмотрела на меня при этом разговоре об Америке? Ты не хочешь остаться здесь с Машей, вынужденной считать каждый рубль? Да... уедешь тут. А почему ты завела разговор об одном знакомом, который завел себе богатую спонсоршу из Германии, благодаря которой он уехал туда совсем? Ты испытываешь меня?

Сентябрь. ДЯДЯ САША, милый, Вы просто великолепны! Вы так преобразились после этой поездки, у Вас так горят глаза! Вы так рассказываете! Только... не дарите бы Вы мне ничего, пожалуйста, меня мама строго предупредила: личных подарков не принимать. Я не очень понимаю почему, но это же мама.

Ноябрь. КСЕНИЯ! Уже месяц, как ты из деревни. Жалуешься, что болит голова. Нагрузка, конечно, сказывается. Я рассказал тебе, как у меня болела тоже на первом курсе, ты поверила и успокоилась. А вчера я попробовал полечить твою головную боль моими ладонями. Ты зажмурила глаза, я при-

близил руки к твоему лбу с двух сторон, «сконцентрировал энергию» — и у тебя прошло. Как здорово! Только я невзначай чуть-чуть коснулся ладонями твоих височков — они такие нежные — ты не испугалась? Вроде нет, ты вообще воспринимаешь все мои поступки так же доверчиво, как в детстве. Тогда я даже поднимал тебя за голову «Москву показать», помнишь? Софья боялась, что головка оторвется, но она, конечно, не оторвалась, потому что ты руками охватывала мои руки.

Маша уходит очень рано, в полседьмого, ей нужно ехать полтора часа на городском транспорте к восьми в школу, а возвращается в восьмом часу вечера. Маша, дорогая, что ты с собой делаешь? Я столько лет прошу тебя перейти в другую школу, ближе к дому, а ты — про коллектив, хорошее место. Ты встаешь в полшестого, готовишь нам прекрасный завтрак — тосты, омлет и прочее. Мы с Сеней вместе завтракаем и расходимся по своим делам, потом уходят Марина с Аленкой в садик и Андрей. Ванная постоянно занята, и мы едва успеваем. Но всем хорошо и весело. Только, увы, при такой жизни ты выматываешься, Маша. Правда, ночью нам бывает хорошо и ты даже удивляешься происхождению некой перемены во мне. Я и сам не все понимаю...

Ноябрь. ДЯДЯ САША! У меня так болит голова от этой учебы, особенно от высшей математики. Она меня так дифференцирует, что потом я с трудом интегрируюсь. Ну зачем нужно было все это засовывать в самый первый семестр, после колхоза? Ну понятно, хотят нас отсеять. Хорошо еще, дядя Саша разъясняет некоторые вещи.

Дядь Саша вообще светлое пятно в моей беспросветной жизни. Вот тогда — провел руками возле моего лба — и боль прошла. Я теперь, когда болит голова — прилягу и вспоминаю ту минуту. Вечером я возвращаюсь домой в пять, и он в полшестого, ужинаем и ждем остальных, которые появляются после семи. Мы сидим вдвоем рядом на тахте, смотрим новости по телевизору, дядь Саша дополняет их чем-нибудь интересным, и так хорошо отдыхаю. А потом — тетя Маша, Марина, и все

Мир природы

эти сложности, и учить часов до двенадцати.

Декабрь. КСЕНИЯ! Да, эти вечерние часы у телевизора — такого не было еще в моей жизни никогда. Я прикасаюсь к тебе плечом — и словно токи моих избыточных сил уходят к тебе. А ты сообщаешь мне в ответ нечто легкое, водородный шарик, увлекающий меня вверх и расправляющий спину. Без этого я бы совсем согнулся на работе за своим компьютером.

Твоя мама не блистала в математике, и я грешным делом думал, что ты тоже еле тянешься. До того дня, как мы с тобой разобрали ту задачу. Так ты блестяще соображаешь! Ты равна мне по интеллекту. Каюсь, я ошибся в оценке твоих способностей. Просто дело в том, что школьная подготовка твоя слаба по сравнению с городской. Только бы ты сдала зачет!

Декабрь. ДЯДЯ САША, я сдала зачет по математике! И Вы мне помогли, только не угадаете — чем. И я никому это не скажу, только напишу здесь и выброшу. Неужели Вы думаете, что, когда объясняли мне диффуры, Вы мне что-нибудь по-настоящему объяснили? Да соображаю я не хуже Вас, а Вы постоянно путаете логику. От волнения, что ли?

Дело в том, что в тот последний вечер я совершенно выдохлась. Я все повторила и в основном все знала, но... Я как бы начала сдаваться. И тут перед самым сном Вы вошли в мою комнату своей всегдашней пружинистой походкой и стали мне говорить о том, что я должна поверить в свои силы и что-то еще. И опять же — вы думали, я этого не знаю? Не это мне помогло, Вы сами, Ваш голос и — вера в меня. Вы повели себя так, будто если я завалю — Вы сильно огорчитесь и вообще... И потом, когда я начала засыпать, мне снилось, что я падаю вниз (я во сне летаю), а Вы подхватили меня. Спасибо Вам.

Январь. КСЕНИЯ! Сегодня мой американский коллега прислал мне по электронной почте длинное письмо, где расписал, как готовить мою командировку в США: какие заполнить формы, какие собрать рекомендации. Пересчитал все мои будущие доллары. Вроде бы долларов четырехста в месяц остается на

себя и на помощь семье. Только как их пересылать? С кем-нибудь из коллег и с оказиями, наверное. Разговаривал с завлабом, он поддерживает и вроде как бы уже и рассчитывает, что я поеду. В этом случае у него целый год не будет со мной проблем. «Нет человека — нет проблемы». Ну почему они все выжидают меня из страны? Я хочу, чтобы все было здесь — приборы, компьютер, деньги, молодые помощники. А вместо этого приходится соглашаться ехать «туда» и работать там в основном по «их» тематике. Либо существовать здесь (жить невозможно) — либо существовать «там». Но что «там» за жизнь — без семьи, без Москвы, без друзей, без общения на русском, без тебя, Сеня...

Январь. ДЯДЯ САША! После того зачета я окрепла духом и сдаю экзамен за экзаменом на четыре и пять. И что это Вы, милый дядя Саша, так печетесь насчет моего бледного вида? Вам бы столько учить, как мне!

Тетя Маша ездила к маме, привезла продуктов и поцелуй от мамы за успешную учебу. Не знаю, о чем уж там они чесали языки два дня, но смотрит она на меня как-то странновато. Будто хочет что-то мне высказать — а сдерживается. Ну-ну, правильно, взрослым надо сдерживаться, чтобы не устроить в семье дурдом. А тетя Маша с ее несдержанным характером в принципе может ляпнуть все, что думает.

Февраль. КСЕНИЯ! Ну вот ты и сдала свою первую сессию. По этому поводу я подарил тебе большую конфету «Аксинья», которую ты тут же разделила с детьми. Оказалось мало — и обвинили меня. Позвонила Софья и уговорила меня сопроводить Сеню в Стрешнево на поезде.

И вот мы сидим в купе, рядом еще две тетки с Запорожья, которые продавали сало и сыр на Киевском рынке. На вырученные деньги они купили одежды ребятишкам по небольшому узелку и очень этим довольны. Едем, а мимо проплывают гигантские дубы и ясени засеки возле Ясной Поляны — место, которое я так люблю посещать, и о нем рассказываю тебе.

Обычно я езжу в Тулу осенью, в одно из воскресений октября. Беру с собой

большую кошелку под яблоки, как делают все москвичи. Яблоки там нежные, сочные, вкусные, прямо тают во рту, только хранятся плохо, и никто там не закладывает их на хранение в подвалы. Доезжаю троллейбусом до площади Победы с маленьким автовокзалом, пересаживаюсь на автобус — и вот уже вскоре за Косой Горой шоссе разрезает любимую мной засечную рощу, а по обочине шоссе стоят женщины с полными ведрами розово-красных яблок. Прохожу мимо и на их: «Отведайте, пожалуйста, яблочек из сада Льва Толстого» — обещаю обязательно у них купить. И вот уже знакомый «прешпект» ведет меня к яснополянской усадьбе писателя. Мне нравится изучать вещи в доме-музее, вспоминая места из его произведений. Еще я люблю всматриваться в портрет женщины, ставшей прообразом Анны Карениной. В крепольских чертах ее лица, отражающего сложный характер, узнаваемы черты Александра Пушкина — ее предка (как тесен мир!). Мир тесен еще и оттого, что моя супруга Маша, в которую я был безумно влюблен в юные годы и которой писал длинные письма, кажется мне похожей на ту женщину на портрете. Красавица Маша со своим сложным характером — сколько ты мне причинила мучений! Сейчас это притупилось, а тогда...

Прибыли в Стрешнево. Софья расцеловала меня как старого друга и целый день потчевала пирожками с мясом и разносолами, благодаря меня от всей души за помощь Ксюше. И я был счастлив.

Март. ДЯДЯ САША! Ну зачем Вы так тратитесь, к чему такие подарки: пуховик, лыжи... Ну ладно, пуховик я поношу немного, потому что у меня зимнее пальто очень тяжелое, а лыжи? Ведь насчет подарков предупреждала же мама, и я Вам говорила, а Вы... Ну и что же, что скоро Восьмое марта? Лучше бы тете Маше шубку подарили, она давно намекает. Кажется, уйду я летом от вас...

Март. КСЕНИЯ! Я просто в восторге от моих коммерческих успехов. Заказал коллеге, который ездил в Пекин, два пуховика: Марине и тебе — и он купил, всего по сорок юаней — шесть фунтов

стерлингов всего! Одна бумажка пятифунтовая красивая, с металлизированной лентой, и вторая фунтовая — однотонная. И за них целых два пальто! А лыжи я вообще взял, считай, задаром: все вещи наценились, а спорттовары нет. Теперь на вас с Мариной в пуховиках любо-дорого поглядеть: двойняшки, да и только! Ксюша, ты стала вся словно воплощенная весна: челка светлых волос, на носу выступили веснушки. Как говорит один молодой человек, «я тащусь!».

А запомнила ты тот вечер седьмого марта, когда мы остались одни у телевизора? Тогда Маша запраздновалась на работе, и Марина со своей группой, и Андрей с классом. Аленка, правда, сидела дома, но она воспользовалась случаем и «оседлала» компьютер.

Помнишь, как я взял в руки твою ладонь и изучал твои линии? Они оказались на удивление похожи на линии моей ладони. Но разве моя жизнь — это твоя жизнь? Как это объяснить? И ты оставила надолго свою ладонь в моей. Да, ты была тогда увлечена телепередачей, но все же странно, что ты не убрала руку из моей ладони

Март. ДЯДЯ САША! Ох и дура же я, ну какая дура! Зачем я осталась дома с Вами? Во-первых, я не пошла к девчонкам в общагу праздновать Восьмое марта. Ну разве мне кто-нибудь запрещал пойти? В крайнем случае, переночевала бы и утром вернулась.

А во-вторых... Мне и дома было очень хорошо в тот вечер, когда мы с Вами, дядь Саша, смотрели телик в сумраке, как всегда. Разница в том лишь, что весь вечер никого больше не было. Вы что-то рассказывали про линии на моей руке, вот она, ладонь, длинная линия жизни пересекается с одной длинной линией любви, как и у Вас. А выше — еще несколько коротеньких линий любви, вроде как второстепенных. А потом... я смотрела передачу и забыла про свою руку. Потом опомнилась. Вы ее чуть-чуть поглаживаете и смотрите куда-то в стену. Тогда я отдернула и отсела.

Вечером долго не могла уснуть. Та рука, что Вы задержали, стала горячей — раскалилась как утюг и я никак не могла ее охладить — то к стенке при-

Маша пишет

слоню, то под подушку уберу. Почему это? Я что-то не то сделала? А раньше в детстве, когда дядя Саша помогал мне залезать на высокие качели и когда мы с Мариной забирались к нему на плечи — я что, не собой, что ли, была? И Вы тот же, как всегда, были. Нет, дело не во мне, я о Вас должна подумать и о тете Маше, чтобы не создавать вам сложностей. Я вот что, пожалуй, решу сейчас.

Во-первых: буду вставать позже и уходить без завтрака — дескать, опаздываю.

Во-вторых: после занятий буду сидеть в библиотеке или у девочек учить. Перехвачу пирожков — и без ужина. И на выходные в общагу ездить: скажу, что вместе договорились заниматься.

Вот и все, дядь Саша, милый мой, простите меня, пожалуйста. А правду никто не знает, даже здесь я ее не всю высказываю, и не узнает ее никто никогда.

Март. КСЕНИЯ! В один день все переменялось в моей жизни к худшему. Поведая хотя бы бумаге об этом: никому жаловаться я не привык. Держу и давлю все в себе.

Во-первых, я отказался от поездки в Америку. Объяснил всем кратко: корни мои здесь глубоко и обрубить их разом на целый год я не могу. Дома у нас с Машей по этому поводу была бурная сцена. Я доказывал, что она совсем выбивается из сил на работе: уроки русского и литературы, классное руководство, проверка тетрадей, списки на питание. А она мне, наоборот: про то, что если я уеду в США и стану высылать ей деньги, она сможет брать меньше часов и ее жизнь наладится. Дескать, только на это надеялась и всем говорила, что муж поедет. А тут... Потом Маша добавила такое, что у меня совсем душа упала: «Ты из-за своей крали здесь сидишь, когда я хлещусь до позднего вечера». Надо же такое выговорить! Впрочем, такие вещи в ее стиле.

Во-вторых... Ты, Сеня, наверное слышала наш скандал и что-то про себя решила. Теперь уходишь без завтрака и возвращаешься поздно. Э-эх...

Завтра приду на работу и закончу спор с Абертом. Он выговорил мне при всех:

— Ну, ты и дурак, Саня! У тебя все

двигалось тип-топ: поездка в Штаты, грант, место в «команде». Дальше ты будешь жить по жесткому графику, там, здесь, как удобнее. Если ты отказываешься от этой поездки, ты не только себе все это рубишь, ты же авторитет нашей лаборатории рубишь. Я захочу посотрудничать с американцами — а мне дорога будет закрыта. На этой зарплате — ты что? Ты же бутылки сдавать будешь, а их выбрасывать надо.

Я рассердился и ответил:

— Статью закончу почтовым способом. Что касается зарплаты, я лучше здесь репетиторством заработаю, чтобы прожить, но уезжать не буду. Мы не можем уехать все. Если так пойдет — некуда будет вернуться. На этой территории не будет России.

Июнь. ДЯДЯ САША! Я про то только хотела бы Вам написать, что, видно, я была права, что в марте так решила жить — без вечеров этих милых. Мне тогда было с Вами хорошо, и я ни капельки ни о чем не жалею. Как и о том, что решила меньше времени проводить дома. Зато, я вижу, Андрей теперь не гуляет вечерами неизвестно где, а занимается с Вами электроникой. Похвально!

А осенью я уйду в общежитие. Я уже почти договорилась, да и прописка у меня там. Вот только до осени... В июле и августе они организовали нам эту дурацкую практику — здесь же, в Москве, душной и пыльной, на территории Тимирязевки. Не появилось бы только опять сложностей с вами здесь, в этой квартире!

Июнь-июль. КСЕНИЯ! Жизнь движется в привычной своей колее: мы живем своей семьей, как и жили раньше, до твоего появления здесь. А ты — ты как тень ускользаешь по утрам и прокрадываешься тихонько в свою комнату вечером. Но все же я довольно часто тебя вижу и «украл» в свою память столько твоих грациозных движений, что ты изумилась бы, обнаружив в моей памяти когда-нибудь это богатство. У зеркала в прихожей с расческой. Твои длинные шелковистые волосы, непослушные пряди возле маленьких ушек. Ты играешь в теннис с Андреем на столе в гостиной. Ты вдвоем с Мариной развешиваешь простыни

после стирки, встряхивая их. Руки твои летают — пара чаек...

На это лето у нас вышел какой-то странный расклад. На работе мне не дали отпуск: завлаб оставил меня за себя и ушел в отпуск на два месяца. Маша... на нее жалко смотреть, так она вымоталась за этот год. У нее сводит судорогами ноги, и врачи сказали, что этот невроз нужно обязательно лечить. Поэтому на июль она взяла путевку в Сочи. Возьмет с собой Аленку. Марина уезжает со своим акробатическим кружком в Краснодар. Андрей — в спортлагерь на весь июль.

Вот так и вышло, что в июле мы остались с тобой, Ксюша, одни в квартире. Маша спокойненько со мной простилась, уезжая на юг, словно ничего особенного в этой ситуации нет. Она только попросила меня обязательно навещать Андрея. И вот... постепенно у нас с тобой восстановились те спокойные дружественные отношения, что были раньше. Утром я встаю пораньше и готовлю завтрак повкуснее. Вечером прихожу и готовлю ужин с непременно овощным салатом, а на десерт фрукты или шоколадка. Призвав на помощь мои шотландские воспоминания, я составил максимально правильный рацион.

Ты спокойна, ласкова и доверчива со мной, какова была прошлой осенью. Ты выходишь из своей комнаты к ужину, когда я тебя зову на кухню, садишься против меня за стол (это добрых два метра), и мы полчаса или больше ужинаем и беседуем. Ты — о своей практике, я — о своей работе или вспоминаю, как мы раньше ездили в Стрешнево. Иногда ужин готовишь ты и зовешь меня. У тебя прекрасно получаются каши. После ужина ты уходишь в свою комнату, прикрывая за собой дверь. Там готовишься к занятиям или читаешь.

Однажды ты попросила у меня что-нибудь почитать, «только очень хорошее», и я тебе дал целых четыре тома Мельникова-Печерского, повести «На горах» и «В лесах». Ты увлеклась чтением, и у нас появилась новая тема для общения. Твой интерес к эпосе о семье Смолкуровых подпитывался еще и тем, что твой отец происходит из староверов, семейских Мухоршибир-

ского района Бурятии. Он рассказывал тебе о семейских обычаях, давал примерить сохранившийся у него наряд своей матери. Ты даже выучила у него некоторые старинные песни. Мне иногда жаль твоего отца: служил в армии неподалеку от Стрешнево, женился на Софье — а теперь и хочется ему вернуться в родные края, но не может.

Я напишу теперь о тех утрах, когда накануне ты просишь «обязательно в полседьмого» разбудить тебя и я захожу в твою комнату, когда ты еще спишь. Я стучу, прежде чем войти, но ты спишь здоровым сном сельской девушки, живущей в привычном домашнем уюте: вставать рано не надо потому, что мама всегда сама доит корову.

Первые лучи солнца переливаются в венчике твоих волос; одна рука откинута, и видна совсем белая, с голубоватыми венами подмышка. Как всегда, ты даже и не думаешь просыпаться. Я произношу несколько ласковых фраз: о том, что встало солнышко, о птицах и цветах, о ночном дожде. Ты резко просыпаешься и удивленно смотришь на меня откуда-то еще из своих сновидений, инстинктивно пряча руки под одеяло. И я быстро ухожу.

На улице я окунаюсь в суету возбужденной Москвы, чтобы вечером опять вернуться в приют своего случайного тихого счастья, словно украденного мной вместе с Ксюшей на перекрестке времен и пространств бушующего мира.

Июнь-июль. ДЯДЯ САША! Милый вы мой, думала ли я, что у нас так хорошо наконец все сложится? Будто ничего лучше и не надо и не бывает никогда. У меня так не было точно. И работа в теплице такая приятная, хотя и жарко там, и все-все получается. И такие сладкие сны почему-то сниться стали про мамину малину, где мы в прятки играли с сестрой, про плоты на речке. Только иногда Вы меня будите на интересном месте, а я спросонок не могу сразу очнуться. Хочу продлить сон хоть на пять минут, а он уже ушел, и приходится вставать.

Вы стали такой загорелый, на Вас приятно поглядеть, когда Вы в своей зеленой майке. Вам бы еще теннису — ходить по жару, а то Вы все в зимней ко-

Мир природы

ричневой рубашке ходите. Я нагладела такую и подарю Вам на день рождения двадцать девятого августа. Можно?

Июль. КСЕНИЯ! А можно, мы съездим вместе на выходные в Стрешнево, позавтракаем и покупаемся в речке? Я спросил тебя об этом, и ты так почему-то легко согласилась. У тебя оказалось даже четыре свободных дня.

И вот после душного, битком набитого поезда, где мы притиснуты друг к другу, приезжаем в Стрешнево, и ты бросаешься в жаркие в прямом и переносном смысле объятия Софьи. А потом и я.

В Стрешневе — летняя страда: сенокос, полив. Утром косил сено, а после обеда поливал огород с тобой и твоей сестрой Анечкой. Ты в красном купальнике, стройная, красивая, но совершенно незагорелая. Да и кожа у тебя не загаристая: порозовела, стала шелушиться.

Софья — очень проницательная женщина, да и я не обделен этим качеством. Мы рассказали про нашу московскую жизнь, она ничему не удивилась. Только посетовала, что очень занята и не может приехать помочь по хозяйству. Очень выдалось жаркое, засушливое лето. Я уехал в воскресенье, а ты осталась еще на два дня. Ну, желаю тебе благополучно добраться до Москвы. Ты уже владеешь собой в совершенстве, как взрослая девушка. Куда же ушла та полудевочка-полудевушка прошлой осени? Я почти один на свете храню все переливы дней твоих восемнадцати лет, и от этого тебе, Ксюша, не скрыться. Я поэт тех мгновений, которые были даны тебе лишь раз.

Июль. ДЯДЯ САША! Ну и помучилась же я на обратном пути в Москву — и за что меня жизнь вдруг наказала? Во-первых, я вся сгорела на солнце и в поезде обливалась потом, отчего вся кожа болела. Во-вторых, пришлось ехать в общем вагоне. Напротив меня оказались двое наглых таких здоровых парней. Пили водку и их развезло. Меня от них чуть не тошнило. А потом они стали приставать ко мне со всякими гнусностями. Прямо в лицо матерились, сальности всякие говорили. И когда приехали в Москву, они бы не отстали. Но мне

повезло: одна женщина все видела, так она меня под руку сразу на выходе взяла и от парней отбила. Прямо матом на них и резко так, что они скисли и ушли. Да, жизнь...

Август. КСЕНИЯ! Вся моя семья враз вернулась, и жизнь стала суматошной. Они не понимают, что у меня работа. Маша отдохнула не очень хорошо. Во-первых, Аленка капризничала, во-вторых — у Маши почему-то стало повышаться кровяное давление. Доходило до двухсот. Сейчас обследуется в поликлинике. Занимаемся вместе соленьями-вареньями-заготовками на зиму. Она считает, что я весь июль прохлаждался в городе, ничего для дома не делаю. Один раз у нее сорвалось «твоя девушка»...

Приближается мой день рождения. Почему-то думаю об этом с тревогой. Накануне дня рождения ты с Мариной уехала в Стрешнево, а потом в субботу и меня Маша послала туда же за корзиной с помидорами.

И вот... ты хорошо помнишь тот день, Ксюша? Когда мы с тобой оказались опять в душном вагоне сидящими на жесткой скамейке, притиснутыми друг к другу квелими людьми? Ты — вся розовая и потная от жары, в белой тенниске и синих шортах с лялочкой через плечо, волосы собраны в длинную косу. В корзине у наших ног млеют толстомясые помидоры. Я молчу и обдумываю известие, сообщенное тобой в Стрешневе, о том, что послезавтра ты переезжаешь в общежитие. Зачем? И когда я выразил Софье свое недоумение, она так интересно сузила на меня глаза, досадливо поцокала языком и ничего не ответила, сам, дескать, соображай.

Ты сидишь рядом, Сеня, и снова спокойно мне объясняешь: освободилась хорошая комната, ты будешь жить в ней с двумя девушками. А у нас... ну ведь тетя Маша болеет и у нее и так хлопот много, как и у меня. Что-то сердце ноет и колет... Ну и жара!

И вот наступил тот момент: напротив освободилось место, а мне не хочется уходить, потому что я чувствую плечом тебя, Ксюша, и в потоке твоего излучения пытаюсь понять течение твоих мыслей, объясняющих твой уход

в общежитие. Тут ты резко дернулась и сказала мне: «Ну вот же место, что нам тесниться на этой скамейке?» Я медлю, а ты своими нежными ручками настойчиво подталкиваешь меня встать со скамейки и пересесть.

Наконец я пересаживаюсь, глядя в твое удивленное непонимающее лицо, и от ощущения твоего непонимания у меня вдруг темнеет в глазах и все становится как в негативе: сверкающая гладь канала — совсем черной, а вон в том темном углу собачонка с высунутым языком почему-то кажется белой. И тут я вижу перед собой потную руку соседа слева с таблеткой валидола: «На, возьми, на тебе лица нет». Я кладу валидол под язык, и от ощущения прохлады во рту сердце успокаивается. В то же время я вижу себя со стороны в полном моем ничтожестве: с собранным всеми морщинами лицом, потного, бледного, в темной рубашке и черных брюках не по сезону... Я даже не хочу читать жалость в твоих глазах, Сеня, я просто удивленно разглядываю потемневший в моих глазах пейзаж за окном и говорю себе: все, ничего уже не будет, ни такой осени, ни такого лета, ничего.

Август. ДЯДЯ САША! Когда Вы пересели напротив и у Вас так изменилось лицо, я сразу вспотела еще больше и попыталась понять, что я сказала такого, что... Я молчала, и Вы, дядь Саша, ничего не говорили до самого дома. И от такого «обрыва» мне стало нехорошо и тревожно. Я не спала до утра, потом встала в шесть и поехала в центр. Слонялась по улицам и спрашивала себя: что мне делать? Не уезжать? Да нет, я уеду, ведь дальше так жить тем более невозможно. Пусть лучше забудете, что я существую.

А забуду ли я Вас, дядь Саша? И тут меня осенило: неблагодарность, черная неблагодарность за все, что Вы для меня сделали. И неловкость страшная. Я побежала по магазинам, слава богу — мамины деньги оказались в кармане. Выбрала Вам тенниску самую красивую. Потом выстояла в фирменном магазине за тортом. Приехала домой — никого нет. Оставила на столе торт, подарок с открыткой, собралась и поехала в общежитие.

Еду, а у меня перед глазами все стоит

Ваше лицо, дядь Саша, когда Вы сидели напротив меня в вагоне. Ваши морщины на переносице и возле глаз — они обычно разглаживаются, когда Вы счастливы. Ваши резкие ямки на щеках, твердые губы, жесткие волосы. Хочется обнять Вас и успокоить, как маленького, что я всегда буду с Вами, что бы ни случилось. А я уезжаю.

Сентябрь. КСЕНИЯ! Как удивила ты меня этим тортом и подарком и внезапным уходом! Как я хотел бы заглянуть в твое лицо, когда ты ходила утром по Москве! Прости-прощай, желаю тебе хорошо устроиться.

Не прошло и недели с того дня, как приехала из Стрешнево Софья с Анечкой — устраивать ее в техникум. Анечка так сильно от тебя отличается, Сеня, будто вы и не сестры. Высокая, худенькая, глаза большие, страшненькая. Но характер покладистый, заботливый. Готовит, уборку делает, спрашивает, что купить. Каюсь, что я не очень с ней любезен. Как-то мне без тебя все тускло. Зато Маша с Мариной мне ее нахваляют: вот какая хорошая Анечка, пусть поживет у нас, она совсем не то, что ленивая Сеня. Пусть, дескать, та помается в общежитии. Глупые! Что они знают о тебе, прелестно и божественно ленивая Ксения! Поняли ли они твою чистую высокую душу так, как понял ее я, когда перечитывал вечерами Мельникова-Печерского и Тургенева и думал, думал о тебе...

Сентябрь. ДЯДЯ САША! Грустно без Вас, Марины, тети Маши. Но в общежитии устроилась неплохо. С соседками по комнате дружим, готовим по очереди. Приезжала мама, мы ездили с ней по магазинам и рынкам, купили мне кое-что из одежды. Кажется, я теперь одета не хуже, чем остальные девчонки.

Есть одно «но»: моя соседка Настя дружит с арабом. Его зовут Саид. Низенький такой, глаза масляные и на меня больше смотрит. Приходит, когда только ему вздумается. Нет, я потребую чтобы он заходил не так часто. Вторая моя соседка Наташа — страстная поклонница поэзии и театра. Мы договорились, что вместе будем ездить на спектакли. Она из Иркутска. Когда она училась там в выпускном классе, к

Мир прозы

ним приходили на классный час поэты и читали свои стихи. У Наташи есть несколько сборников хороших стихов, и она дает мне их почитать.

Почитаю-почитаю стихи и вспомню Вас. Я могу сейчас сказать: тогда, будучи с Вами, я как на краю обрыва стояла.

Есть и еще одно обстоятельство. Во мне временами просыпается такая энергия, что самой страшно. У меня папа иногда удивляет людей: возьмет утюг, приложит его к груди, сосредоточится — и утюг к груди как будто прилипнет. Потом я попробовала — и у меня получилось! И еще я проделывала такие фокусы: идет один мой одноклассник впереди по скользкой дорожке, вот на подъемчик вышел — а я ему про себя говорю: а ну-ка на той кочке споткнись! Глядь — он и споткнулся. Но тогда, у вас, я испугалась этой своей энергии, думаю — а вдруг что-то порушу и потом себе не прощу? Вот по всему по этому я и ушла.

Сентябрь-октябрь. КСЕНИЯ! Я уложил Машу в больницу. У нее опять появились судороги, и ее направили в неврологию. Да и давление опять стало повышаться — а причину найти не могут. Раз еле живая явилась с работы: в автобусе закружилась голова и в полубморочном состоянии едва доплелась до дома. Нет, надо что-то делать.

Не может не задевать меня и то, что происходит в Москве: схватка нерезидента с парламентом, кажется, движется к развязке. Только не знаю, сколько прольется крови. В институте стало невозможно работать: все разговоры только о политике. Есть у нас и «твердые искровцы», и «либералы».

Я уехал в командировку в Алма-Ату, поручив Марине ходить к Маше. А заботливая Анечка теперь у нас заправляет домашним хозяйством. Чудеса да и только!

В Алма-Ате пережил трагедию Белого дома, когда смотрел репортажи компании Си-Эн-Эн. Неужели уже не стало нашего телевидения, если американцы показывают нам наши события? Вернулся в Москву десятого октября, забежал домой и сразу — к Маше, в больницу. И вовремя. Заботливая заведующая отделением нашла возмож-

ность и договорилась, чтобы Машу обследовали на компьютерном томографе в другой больнице. Есть возможность таким путем найти истинную причину заболевания.

Утром уговорил приятеля свозить нас с Машей на томограф. И вот Маша еще в кабинете, а выходит женщина-врач, внимательно смотрит на меня и ошарашивает меня диагнозом: «Знаете, у нее опухоль. В таком необычном месте, что просто редкий случай. Зажимает вену, затрудняет кровоток. Нужна срочная операция. В нашей больнице хорошие хирурги. Поговорите с заведованием гастрохирургии, он сам хороший хирург. Он сделает хорошо».

Вышла Маша с безмятежно-счастливой улыбкой. Ей сказали, что снимок получился хороший, картина ясна и теперь лечение пойдет эффективнее. Я радуюсь вместе с ней и тут же заговариваю с ней об операции. К моему удивлению, она отнеслась к этому спокойно, видно, ее уже допек этот недуг до того, что скорее хочется от него избавиться.

На следующий день заезжаю за лечащим врачом, и мы с ней вдвоем разговариваем с заведованием Борисом Соломоновичем. Это энергичный полный высокий усатый брюнет с живыми карими глазами. Мы ловим его после обхода в коридоре. Заходим в ординаторскую. Хирург достает блокнот, заносит фамилию и данные для операции и говорит, чтобы переводили Машу в его отделение в четверг, готовить к операции. Я рад, что так легко удалось договориться.

Маша пролежала в хирургии две недели и уже совсем измучилась долгим ожиданием. На нее жалко было смотреть: исхудавшая, бледная. Голову склоняет мне на плечо, не в силах держать ее долго, когда мы сидим на скамейке в длинном вестибюле больницы. Я сходил еще раз к Борису Соломоновичу и спросил, чем могу помочь. Он посмотрел мне в глаза цепким взглядом и сказал: «Да... пожалуй, пока ничем. Вот только — да, нужна кровь. У нее редкая группа. Найдите такую и сдайте. Идите прямо сейчас на первый этаж, в отделение переливания крови, медсе-стра там».

Пожилая в очках медсестра заглянула в журнал и сказала: «Да, заявка для вашей жены есть. Четвертая, резус отрицательный. Но вот... доноры подходят нерегулярно, и с такой группой пока не подошли». Нахожу знакомую медсестру из одной ведомственной больницы, она достает мне заветные два флакончика крови, приношу в больницу — и опять неудача! Кровь недельной давности, а нужна свежая. Через день встречаю Бориса Соломоновича, и он восклицает: «Вы думаете, вы достали кровь? То, что вы принесли — ерунда, в ней кроме калия уже ничего полезного нет. Это я достал кровь для вашей жены, мне скажите спасибо». Я ухожу огорченный. Завтра — операция.

Дома Марина и Анечка набрасываются на меня с вопросами еще в прихожей. Переживают за Машу. Андрей пропустил уроки, и я его поругал. Он как бы не понимает до конца серьезности нашего положения. Хорошо еще, что с деньгами стало полегче. Пришел грант из Фонда Сороса, и я с удовольствием ощупываю в кармане конверт с долларами.

Второй раз в жизни близкий мне человек оказывается в больнице в тяжелом состоянии. У матери произошла закупорка артерии, она с трудом дышала, ей давали кислород, а я, вместо того, чтобы добиться срочной операции, успокаивал ее. Дескать, у тебя паническое состояние, надо успокоиться, чтобы прекратился сердечный приступ. Если бы я тогда знал, что это не сердечный приступ! Но сейчас я опытнее, и я буду сражаться за Машу до последней возможности.

В первый после операции день к Маше никак не удалось пробиться, только передали, что операция прошла успешно и состояние средней тяжести. На следующий день с трудом пробираюсь в реанимацию и вижу в палате под капельницей Машу, бледную, прикрытую одной простыней. Сердобольная сестра пускает меня к ней. Врач, нижняя половина лица которого закрыта белой повязкой, смотрит на меня сердито, но сдерживается. Маша смотрит на меня, и взгляд ее мученический, чрезмерно строгий, ни искорки, и будто не узнает меня. Я потрясен, но не подаю вида.

Она запекшимися губами говорит что-то про анестезиолога, который кричал на нее. Просит пить. Я подаю стакан с морсом, она жадно пьет. Врач сердито показывает на выход, я ухожу. Сажусь на скамейку в садике, сжимаю голову руками. Пульс стучит в затылок, ноет сердце. Только бы она встала на ноги!

Передо мной проносится вся моя жизнь с ней. Первая встреча — на вечере, я подхожу к ней, заглядываю в темные под черными бровями глаза. Она вся такая чуткая, послушная в танце. Ее почти черные, темно-каштановые волосы пахнут свежестью. Внимательно слушает мой неуклюжий разговор и отвечает что-то с юмором. В конце вечера приглашает меня встретиться вместе Новый год в ее компании. Та чудесная новогодняя ночь!.. А потом... потом она внезапно уехала из города на практику в сельскую школу и осталась там работать еще на год. Я писал ей письма, долгие и нежные, все эти полтора года. Сколько раз мне являлись ее прекрасные черты, улыбка. А она... она сомневалась в своем здоровье, в своей способности создать семью. Потом внезапно приехала, и мы поженились. Там же, в моей комнате в квартире родителей, и прожили первые восемь лет. Получили квартиру, детей стало уже трое, а жизнь все сложнее и сложнее. Маша была со мной ну прямо как нежная роза с шипами: красивая, чувствительная к любому дискомфорту и колючая характером. Но в сварливую все же не превратилась: этому мешал мой характер, тоже не из легких. Схлестнулись мы. Конечно, мы и сейчас любим друг друга. Все дело в этом «конечно» — круг затверженных слов хочется порвать и открыть форточку свежему ветру...

Так раздумывал я, а когда поднял голову — с удивлением увидел перед собой в сумерках тебя, Ксюша. Ты спокойно стояла, не решаясь меня отвлечь. Кожаная куртка, красные сапожки, пестрый платок. Одним словом — картинка. «Как тетя Маша? Не нужно ли чего?» — спросила ты чуть слышно. Светлый овал твоего лица не выказывал ничего, кроме сострадания. Я объяснил, и ты ушла. Я посидел, потом побродил вокруг больницы и сел в троллейбус.

Мир чужой

Октябрь. ДЯДЯ САША! Я не могу так жить. Знать, что Вам тяжело, и не иметь возможности ничем помочь — мучительно. Когда я увидела Вас, дядь Саша, на той скамейке, мне захотелось обнять Вас, сказать что-нибудь ласковое. А я стояла, словно чурбан, перед стеной с трещиной, сквозь которую мне проглянула чужая жизнь. Я принуждена быть в ней зрителем. Мне же хочется стать хозяйкой своей судьбы, и я стану. Когда узнаю, что у вас в семье все вернулось в норму, я успокоюсь и буду жить своей жизнью.

Почему меня не оставляет чувство вины перед Вами и тетей Машей? Различные люди нравились мне больше или меньше, некоторые совсем не нравились или даже вызывали отвращение. Я не скрывала своего к ним отношения, и это влияло на них. Они менялись, удача приходила к ним или отворачивалась. Прямо колдовство какое-то! Вас я любила все время, я будто с этим родилась. А тетю Машу — то да,

то нет, хотя, пользуясь вашей общей добротой, должна была быть равной к ней. Я должна была сразу понять, что вы с ней как бы в одном коконе. Что я натворила?

Пока же — я не должна и не могу не думать о вас обоих. Я берегу вас сейчас сильно, хотя вы и не подозреваете об этом. Вы думаете — вчера, когда на город налетел шквал и в ваше окно полетели обломки крыши и сломанные ветки, они случайно отклонились и ударили громко в кирпичную стену? Да это я перенеслась мысленно к вам и отвела беду! Это я, сразу после Вас, поговорила с хирургом и уговорила его сделать операцию как можно аккуратнее. И когда он сказал про отделение переливания, что в цокольном этаже... У меня и сейчас шумит в голове, потому что сдала по максимуму, но знайте, дядь Саша, никогда Вам не испытать такого сладкого головокружения, которое владеет мною сейчас. И еще я... но этого я ни Вам, и никому другому не открою.

Алексей Просекин

Родился в г. Слюдянке Иркутской области. Учился в Иркутске. После окончания школы работал корреспондентом в газете «СМ Номер один». Неоднократно выезжал в горячие точки — Северную Осетию, Чечню, Абхазию, Югославию, Афганистан. Сотрудничал с комитетом солдатских матерей, принимал участие в поиске пропавших солдат.

Много лет участвовал в спектаклях народного театра «Диалог».

Сейчас живет и работает в г. Киеве, заканчивает МГУ — факультет журналистики.

СНОХОЖДЕНИЯ

Пьеса

Действие происходит в Чечне в 1996 году

Действующие лица:

Любовь Андреевна, солдатская мать
Андрей Краев, майор Внутренних войск МВД России
Умар, Руслан, чеченские полевые командиры
Айшат
Дмитрий Куклич, майор Российской армии
Сергей, пленный солдат

Примечание. Автор считает, что режиссер должен сам решать, в каких местах спектакля может появляться идущий во сне солдат Анатолий Дробышев.

На сцене с закрытыми глазами идет Любовь Андреевна.

Любовь Андреевна. Грозный, Курчалой, Шатой, Итум-кали, Хачарой, Автуры, Ведено... Нет, сначала было Ведено, потом Хачарой. Уже не помню. Нет, сначала была Ханкала.

Ханкала. Штаб Объединенной группировки войск в Чечне. Штабной вагончик. На стене висит карта Чечни, откуда-то до-

носится слабый звук выстрелов. За столом сидит майор Краев, он что-то пишет, разбирает бумаги, напротив него на стуле Любовь Андреевна.

Краев. Да, да, знаю, Анатолий Дробышев, рядовой. Ваш сын числится в списках пропавших без вести. Есть сведения, что он в плену у боевиков, но живой.

Любовь Андреевна. У него

лунатизм. Говорят, он во сне ушел. Он и раньше ходил.

Краев. Все может быть. Я вот только возмущаюсь: почему сейчас в армию берут таких. В мое время так и с плоскостопием не подходи, а сейчас не армия — больница какая-то. Но вы не волнуйтесь. Идите в девятнадцатую казарму, там у нас живут все солдатские матери. Что я могу сказать? Ждите, будут какие-либо сведения, мы вас сразу известим. Поверьте, найдем парня. А сейчас сходите на обед в нашу столовую.

Любовь Андреевна. Спасибо.

Любовь Андреевна (*идет в полусне с прикрытыми глазами*). Ничего утешительного в штабе я не узнала — только еще больше загрустила от рассказов других матерей, живших в девятнадцатой казарме. Через три дня сама отправилась на поиски. Исходила всю Чечню. Грозный, Бамут, Курчалой, Шатой, Итум-кали, Хачарой, Автуры, Ведено. Сначала было страшно, особенно когда переходила линию фронта. Потом привыкла...

Первый голос. Эй, мать, тебе в Старые Атаги, я видел твоего сына там. Как, говоришь, его фамилия? Ну да, над ними командир-дебил издевался, и они вчетвером ушли из части, жили в заброшенном доме возле Ханкалы. А потом, это было двадцать третьего февраля, напились — напились и проснулись уже в плену. Точно, он в Старых Атагах.

Второй голос. Да что ты говоришь, он же под Цоцин-Юртом. Его в Шатое взяли. Он нес воду в ведрах из речки, руки заняты, автомат на плече, а тут хачалаевские из-за угла. Его потом выменял Гелаев, потом Абдулхаджимуратов, потом этот, как его...

Третий голос. Ну да, Евгений Дробышев. Он ехал на броне, его ранили в ногу — он упал и пролежал у дороги до ночи. Пришли боевики, взяли его — без сознания был, перевязали. А он потом ислам принял. И теперь воюет против вас. Где-то под Рошни-чу...

Четвертый голос. Как, говоришь, ходит по ночам? Здесь один такой на всю Чечню. Я знаю, где он. Знаю точно. Плохо ему. Надо выкупать.

Давай, мать, сто миллионов, я все организую. Через три дня он будет дома чай пить. Я уже вытащил троих ваших.

Любовь Андреевна просыпается.

Любовь Андреевна. Где он?!? Где?!?

Штаб отряда полевого командира Умара. Здесь может быть несколько боевиков — поджарых вооруженных людей с автоматами. У них на лбах зеленые повязки с выдержками из Корана на арабском языке. Но Умар может быть и один — с автоматом и повязкой.

Умар. А ты не кричи на меня! Я тебя сюда не звал, твоего сына тоже. Ваши убили двоих моих братьев. И что теперь прикажешь делать? Буду воевать до конца. Все равно умирать, но лучше я погибну здесь, чем в Казахстане, где родился. Но я-то знаю, зачем взялся за этот автомат. А что твой сын здесь делал? Служил кровопийцам из Кремля, которые развалили Союз, а теперь разваливают Россию?

Любовь Андреевна. Ты знаешь, где мой сын?

Умар. Сын? А какой он был? Такой светлый, смешливый? Впрочем, здесь нет смешливых, но много светлых. Вчера мы отступали — я убил двух солдат. Не бойся, я добрый боец — долго мучиться никого не заставляю. Они умерли сразу. Как фамилия твоего?

Любовь Андреевна. Дробышев.

Умар. Нет, не было среди них Дробышева.

Идет дальше.

Любовь Андреевна. Толя, ты слышишь? Я уже иду. А я ведь говорила там, в комиссии, что ты больной, но тебя все равно взяли в армию. Да и как доказать лунатизм?.. Первые полгода служил в Забайкалье. Писал, что тяжело. Я подбадривала и боялась, что ты узнаешь об Оксане. А ты уже знал, как она с другим гуляла. Да, у нас в городке ничего не скроешь. Но ты сам мне позвонил и сказал: «Я все знаю, мама. Не волнуйся, в петлю не полезу». Я поверила, ты ведь так бодро говорил. А потом написал, что перевели в Москву. На конвертах был обратный адрес: «Москва-400». Я-то, дура, думала, вот

хорошо: в штаб, наверное, попал. А потом, когда пришла эта чертова телеграмма, что ты в плену, мне и сказали: «Москва-400» — это Чечня. Будто по спине топором ударили. Я чуть с ума не сошла. А потом сказала себе: «Стой, Люба. А что с ним может случиться? Он ведь ничего плохого не сделал. Не мог»... Ты не ведь мог ничего плохого сделать? Правда? Ни с теми, с кем служил... ни с этими людьми. Я знаю. Хоть и растила тебя без отца, но ведь нормально тебя воспитывала. Ты ведь не стал бы бить тех, кто с тобой служит? Не стал бы. Вот. Не стал бы убивать мирных жителей? Не стал бы. Я знаю. Ну, ясное дело, приказ или там когда в тебя стреляют — так тут все такие. Но ведь просто так, ни с того ни с сего... Или от страха? Ты ведь у меня не трус и не сумасшедший... Ну да, лунатизм этот чертов... Но ведь не может же быть так, чтобы человек... ну, был не хуже других, а ему досталось за всех. Не может. Так я и говорю: ты жив, и я освобожу тебя. *(Улыбается)*. Да, ты ведь не мог убивать мирных жителей.

Айшат и Любовь Андреевна сидят за столом, пьют чай. На столе горит несколько свечей.

Айшат. А где ты здесь видела мирных жителей? *(Пауза.)* Только не стесняйся, Люба, варенье, еще немного осталось сахара... Так вот, свечка растает, а ты берешь нитку, сворачиваешь ее несколько раз и закатываешь в теплый еще воск. Новая свеча готова. Я так две зимы свечи катала по вечерам. Стреляли, бомбили, а я все равно катала — руки-то согреваются.

Любовь Андреевна. Они сюда, в твою сторону, тоже стреляли?

Айшат. О, стреляли так, что только тапочки слетали. А что еще делать? Здесь, на чердаке, пулемет день и ночь палил. Думаешь, у меня в доме ангелы живут? Знаешь, какие у нас в тейпе звери. У меня трое детей. Все боевики.

Любовь Андреевна. Но ведь они только защищаются.

Айшат. Защищаются? А кто заставлял брать автоматы, погнался стрелять? Мой старший тоже служил — в Советской армии. Теперь он метится в бывших товарищей. Я спрашиваю, чего

ты, отморозок, воюешь против них? Он говорит: «И что тут нового, мы и раньше с русскими постоянно дрались». А я вот в этой двери стояла, не пускала своих на войну. Так они меня вместе с косяком отрывали. Обеды я им не готовила, говорила: ешьте со своими моджахедами.

Любовь Андреевна. Но ведь мы сами сюда пришли, бомбить стали, расстреливать. Я прошла по Грозному — как будто на другой планете побывала. Ни одного живого здания в центре. Иду по развалинам, споткнулась, упала. Подо мной трещина, а оттуда трупным запахом тянет. Спросила — никто, оказывается, даже не знает, кто там, под обломками, лежит. А мне этот трупный запах уже неделю снится.

Айшат. Так и что? Может, там ваши необстрелянные солдаты лежат.

Любовь Андреевна. Но ведь сколько солдат, а сколько простых чеченцев убито за это время.

Айшат. А ты еще девятнадцатый век вспомни.

Любовь Андреевна. Вспомню. Еще тогда кровь полилась рекой. За что?

Айшат. А ты попробуй не пролей. У меня ни один из предков своей смертью не умер — все перестрелки да поножовщина. Но если бы твой прапрадедушка моего не убил, уж мой бы в твоего не промазал. Поверь.

Любовь Андреевна. А в сорок четвертом, когда вас всех до одного в вагоны и в Сибирь...

Айшат. Зато в девяностом наши абреки отыгрались по полной. Вернулись из ссылки и всех ваших прогнали. Рассказать тебе, как русские из Чечни бежали? Чего далеко за примером ходить? В то время все столбы были заклеены объявлениями о продаже квартир, но наши не хотели покупать, говорили, что все даром потом достанется. А русские только успевали контейнеры грузить. Так ведь еще наши бандиты эти самые контейнеры разворовывали кто как мог. На последнее зарились.

Любовь Андреевна. Но и мы хороши. Навыбирали деятелей — они все это и начали. А каждый из нас ду-

мал, что его это не коснется. Говоришь, соседи. А мой сосед кричал: «Разбомбить! Всех до одного!»

Айшат. Ага, вы хоть кого-то там выбирали. А наших никто не выбирал. Пришли отморозки с автоматами и устроили здесь пиратскую республику. Еще исламом прикрываются. А пытки... Я этого не пойму... Ну хочешь убить — убей! Так зачем ты, гад, еще пальцы перед этим отрезаешь?

Любовь Андреевна. Но ведь сколько таких среди чеченцев? Один процент.

Айшат. Один процент! Знаешь, Люба, я ведь математику в младших классах преподавала, считать умею. У нас в селе пять тысяч человек. Выходит, пятьдесят беспредельщиков. Это очень много! Был бы у нас процент академиков. Всего один.

Любовь Андреевна. Да уж, один процент бандитов, а страдают от наших снарядов все. И не говори, Айшат, мы первые все заварили.

Айшат. Ну уж нет, Люба. Это тебе здесь наговорили. А то я-то все видела изнутри. Прости нас.

Любовь Андреевна. Нет, это уж вы нас простите.

Айшат. Прекрати, говорю тебе, прекрати. Ни ты, ни твой сын ни в чем не виноваты.

Любовь Андреевна (плачет). Наверное, все же виноваты.

Айшат. Не надо, успокойся. Найдешь. Ты найдешь. Я чувствую такие вещи. На обратной дороге заходите ко мне, вас здесь никто не тронет. (Обнимает Любовь Андреевну.) И еще вот что. (Уходит, возвращается с кроссовками в руках.) Не вздумай отказаться. Возьмешь это, а то твоя обувь совсем не годится для наших дорог. Возьми эти кроссовки. Они хоть и старые, но крепкие.

Любовь Андреевна (рассматривает кроссовки). Это твоего сына? Он в них в бой ходит?

Айшат. Ходит. Только это не сына, а дочери. Она ведь у меня тоже за свободу Ичкерии борется. Боевица.

Любовь Андреевна. Спасибо.

Айшат. Да, и это еще возьми.

Любовь Андреевна. А что это?

Айшат. Полотенце белое. Начнут стрелять — маши. Увидят — так, может, прекратят.

Любовь Андреевна идет в полусне в кроссовках, подаренных Айшат.

Любовь Андреевна. А потом Курчалой... Да нет, какой Курчалой. Рошни-чу, Бамут... или... Толя, я уже ближе. Ты чувствуешь?

Голоса солдат.

Первый голос (живо). Подвиньтесь, вы, кони. Садись, мать, с нами. (Слышен грохот, звук мотора.) Не обращай внимания, в нашей машине ты в безопасности. Она у нас заговоренная.

Второй голос. Как, говоришь, твоего зовут?

Любовь Андреевна. Анатолий.

Третий голос. Толик, значит. Найдешь, все будет нормально.

Первый голос. А, ну вот и приехали. Выходи, мать. Вот здесь мы, значит, и живем.

Второй голос. Здесь раньше было зернохранилище. Окопались не по-детски. Мы здесь как бы для поддержания порядка в окрестных селах, а выходит так, что просто сами себя охраняем.

Первый голос. Осторожно, тут грязь. Ага, уже запачкалась. Ладно, ничего, мы баню топим, вечером помоешься. Давай руку, проходи сюда.

Второй голос. Видишь, за полем лужа горит? Это нефть. Она здесь уже несколько месяцев полыхает. Из-за нефти-то весь сыр-бор.

Первый голос. Да не только из-за нее. Вот, мать, здесь у нас пост. Наш любимый. Называется «У камина».

Любовь Андреевна. Почему?

Первый голос. А от пожара так светло, что мы здесь ночью даже книги читаем. Особенно хорошо видно бывает, когда снег на поле выпадет.

Второй голос. Идем обедать. Они уже всю жрут.

Звон посуды, смех.

Первый голос. Так, я сказал, быстро дали матери супа. Бери хлеб. Сало. Давай-давай.

Второй голос. Держи кружку. Здесь вода. Немного глотни. Только не дыши. Теперь вот отсюда — залпом. Давай, это спирт. Нормально. Теперь снова воды. Выдох, делай выдох! Отлично. Ну как, не сожгло?

Любовь Андреевна пьет спирт.

Любовь Андреевна. Да нет, все нормально.

Солдаты смеются.

Второй голос. Снами научишься пить спирт, как компот.

Третий голос. Называется «закусывать гидроколбасой».

Первый голос. Забыл сказать, это был третий тост.

Любовь Андреевна. Третий?

Первый голос. Да, за тех, кого с нами нет...

Голос четвертого солдата. *(Эта сцена может быть сыграна вживую.)* Любовь Андреевна, вы позвоните моим родителям, когда будете в городе? Всего минуточку? Я телеграмму отправил, да что-то пока нет ответа. Скажите, что все нормально, я жив-здоров, но рапорт написал, чтобы остаться здесь еще на полгода.

Любовь Андреевна. Зачем тебе это?

Солдат. А что мне делать дома? Работы нет, денег, чтобы учиться, — тоже. Здесь я лучший сапер в полку, а у себя в деревне даже не гармонист. Позвоните?

Любовь Андреевна. Конечно.

Любовь Андреевна *(идет дальше)*. Бой в Грозном... Раненых солдат заносили во двор большого частного дома. Я перевязывала, делала уколы... Малый тягач легкобронированный. Да, кажется, так называется эта машина. Плоская такая сверху. Я ехала на броне, рядом солдаты. Мы лежали на спине, глядя перед собой. Ехали ночью в колонне. Тогда казалось, что стреляло каждое окно. В небе — просто Новый год: сплошные огни. Страшно? Нет, страх я уже почувствовала в Ханкале. Когда мне сказали, что один из раненых, который лежал внутри тягача подо мной, умер. А потом...

Ханкала. Штаб Объединенной группировки войск в Чечне. За столом сидит майор Куклич, рядом стоит Любовь Андреевна.

Куклич. Краев уехал. Кончилась у него командировка. Теперь я занимаюсь пленными. А вы что, мамочка, мне мозги компостируете? Говорите, ваш сын лунатик? Ушел во сне из части? У нас из части во сне не уходят. Вы что, меня за дурака держите?

Любовь Андреевна. Я вам не собираюсь ничего доказывать. Но, может, что-то о нем известно?

Куклич. Пока ничего не известно. И вообще. Где ваш служил? Во внутренних войсках. Правильно? Сто первая бригада внутренних войск. А я занимаюсь армейскими. У нас Министерство обороны Российской Федерации. Знаете, сколько у нас таких, как ваш. Сотни. А вы тут устроили поиски храброго солдата Райана. Воспитывают маменьких сынков. А они и яичницу не могут приготовить. Что же, прикажете призывать их всех вместе с матерями?

Любовь Андреевна. Заткнись!!!

Любовь Андреевна идет дальше.

Любовь Андреевна. Ходила еще и еще. Что ела, где спала — даже не знаю. Помню только, что кто-то меня все же направил в этот поселок. Туда я и пришла за сыном.

В доме, находящемся в горном селе, обстановка напоминает ту, что была у командира Умара. Но в комнате другой командир — Руслан.

Руслан. Пришла за сыном?

Любовь Андреевна. Да. Он у тебя?

Руслан. Может быть.

Любовь Андреевна. Отпусти его.

Руслан. С какой стати? Просто потому, что ты попросила? Да если бы все было так просто, я бы уже давно отправил его домой, еще бы и денег в дорогу дал.

Любовь Андреевна. Но зачем он тебе?

Руслан. А я вот сейчас его отпущу — вы пойдете к своим. А кто для меня окопы рыть будет?

Любовь Андреевна. Нет, дело

здесь не в окопах. Он тебе нужен для другого.

Руслан. Интересно, для чего?

Любовь Андреевна. Просто ты хочешь почувствовать себя хозяином.

Руслан. Угадала. Есть такое дело. Какая ты проникательная. Всегда такой была или только сейчас стала, когда это все тебя коснулось? Знаешь, народ от войны быстро умнеет. В обычной жизни спит, ест, размножается, говорит о какой-то фигне. А потом — раз мешком по голове, и все по-другому. Люди становятся умными такими, чувствительными. Даже если я тебе сейчас отдам Толю, ты ведь уже никогда не станешь такой, как раньше. Правда? Будешь знать, что живут где-то такие чеченцы, что их убивают, а раньше, наверное, и выговорить не могла «чеченцы». Нет бы сразу все это знать, до беды.

Любовь Андреевна. А если ты мне его отдашь, это ведь для того, чтобы почувствовать свою власть. Ты же пахан: можешь отдать, а можешь оставить.

Руслан. Пятерка! И не только за сообразительность, еще и за смелость. А если я за такие слова только покажу тебе его и прогоню тебя, что ты будешь делать? В ногах валяться? А я все равно оставлю его у себя. Сколько у бедного моджахеда радостей? Сиди тут впроголодь, отстреливайся. Так дай мне почувствовать себя господином... Ладно. *(Говорит по рации.)* Приведите русского.

В комнату вводят пленного. Он сгорблен, одет в лохмотья, на лице видны следы побоев. Любовь Андреевна бросается к нему. Обнимает.

Любовь Андреевна. Толя! *(Рассматривает пленного, понимает, что это не ее сын.)*

Пленный. Я не Толя.

Руслан подходит к матери, мощным движением встряхивает ее и сжимает в сильных руках. Смотрит Любви Андреевне в глаза и говорит, выдавливая каждое слово.

Руслан. Толя погиб неделю назад.

Мать дергается, боевик еще раз встряхивает ее и бросает на пол.

Руслан. Мне здесь ваших слез не надо, слышишь. Да, твой Толя у меня был. Держался хорошо, но был дурной. Таким не место на войне. И не только на войне, в жизни. Он пошел куда-то ночью. А эти два деятеля уже один раз бегали. Мы тогда бить не стали, но предупредили, что будет за второй побег. *(К пленному.)* Я вас предупреждал?

Пленный. Предупреждал.

Руслан. Он уже далеко был, когда мы его заметили. Не погнались мы за ним. Застрелили. Хотя мне даже жаль, неплохой был парень.

Любовь Андреевна. Где он лежит?

Руслан. На минном поле. Здесь везде минное поле. Можешь идти — вон туда. Но я тебе предлагаю другое. Бери этого и иди. С ним, может, и пройдешь через мины. Он их сам ставил. Пройдете по полю, дальше будет лес, а за ним часть стоит. Идите, а то скоро бой начнется. Вон уже вертолеты полетели. *(Слышен звук летящих вертолетов.)* Ну?

Любовь Андреевна. Толя...

Руслан. Бери этого — бесплатно. Иди, а то я его заберу. Он тебе этого никогда не простит.

Пленный. Мать, возьми меня.

Любовь Андреевна *(с трудом двигаясь)*. Пойдем.

Руслан. Только не вздумайте возвращаться, я не пущу, расстреляю. Да, если вас федералы подстрелят на подступах к части, пеняйте на том свете на себя.

Впереди в полусне идет пленный, за ним Любовь Андреевна.

Любовь Андреевна. Как зовут-то тебя?

Пленный. Сергей.

Любовь Андреевна. Расскажи мне о Толе.

Сергей. Мы с ним здесь два месяца вместе пробыли. Окопы рыли. Нас заставляли драться друг с другом. Мы отказывались. Нас за это били. А жили мы в бывшем коровнике. Я знал, что он ходит, и несколько раз удерживал его. Всегда спал чутко, а в тот день не только окопы рыл, но и мины ставил, устал жутко и уснул без задних ног. Вот и не заметил, как он ушел. Про-

снулся только от выстрелов... Это я его проспал. Нельзя мне тогда было глаза закрывать. Знал ведь, что полнолуние. Ты, мать, след в след иди. (Смотрит в небо.) Все, вертушки полетели. Сейчас стрелять по посадку будут. (Сзади слышатся разрывы. Сергей смотрит в небо.) Кажется, нас увидели, сейчас над головами пойдут. Полетят над нами — показывай им пустые руки ладонями вверх, мол, безоружные мы, а то за чеченцев примут. Да, и когда к нашим подойдем, тоже не держайся. Они и без того могут убить.

Любовь Андреевна. Возьми это. (Достает из сумки полотенце, дает его Сергею. Он берет в одну руку полотенце, другую выворачивает ладонью вверх, показывает вертолетчикам.)

Сергей. Сзади чеченцы, впереди наши, сверху вертолеты, под ногами мины. Обложити.

Любовь Андреевна. Сам-то откуда?

Сергей. С Урала.

Любовь Андреевна. Наверное, твоя мать сошла с ума.

Сергей. Наверное. Да я к ней не пойду. Я сюда вернусь. Но сначала разберусь с теми, кто все это так затеял... Ты, мать, след в след иди, нам выбраться отсюда надо. Обязательно.

Любовь Андреевна и Сергей бредут в полусне, что-то шепча.

Голоса двух вертолетчиков.

Первый. Смотри, кто-то идет.

Второй. От чехов. К нашим.

Первый. Нохчи, наверное.

Второй. Одна из них баба.

Первый. А, здесь и бабы — не дай бог.

Второй. Что-то подозрительные они какие-то. Может, пальнем по ним?

Первый. Да надо бы. Кто знает, что у них там на уме...

Конец

Урок литературы

Сегодня у нас в гостях ученики 5 класса иркутской школы № 65. Предлагаем вам побывать у них на одном из уроков литературы.

Тема сегодняшнего урока — басня, сочинение-сказка и сочинение-рассказ «Как нарисовать картину».

Александра Щебнева

Как нарисовать море

Сочинение

Сначала нарисуйте ноты вплоть до самого неба, затем нарисуйте берег — черный, коричневый, желтый — это неважно. Сядьте на этот берег и тихо смотрите на небо, смотрите до тех пор, пока не почувствуете что-то очень приятное вашему сердцу. И не забудьте, какого цвета было небо. Затем под тихую музыку нежно рисуйте море такого же цвета, как небо. Чтоб волны плескались о берег, чтоб ярко светило солнце, чтоб радостно пели птицы, подпевая вашей мелодии. Чуть позже сотрите ноты и опять прислушайтесь к песне. Если мотив остался прежним, вы нарисовали то, что хотели, а если музыка сменилась на грустную, не печальтесь, а нарисуйте картину еще раз...

Георгий Кузьменков

Как нарисовать собаку

Сочинение

Чтобы нарисовать собаку, сначала нарисуйте поляну, чтобы собака могла резвиться, затем деревце и поводок. Потом за дерево спрячьтесь и ждите. Иногда пролетают века, но вы не отчаивайтесь, ждите собаку. Когда собака придет, на цыпочках к ней подойдите и аккуратно ее пристегните. Затем сотрите поводок. Если собака продолжает сидеть не шелохнувшись — это значит, что картина ваша никудышная. А если собака начнет бегать, резвиться по полю, значит, картина у вас вышла замечательная, и вы можете гордиться своим творением. Затем возьмите картину и поставьте ее в самый солнечный угол, чтобы собаке было светло и тепло.

Как нарисовать розы

Сперва нарисуйте садик, а в садике свежую землю. Затем нарисуйте садовника, который посеет семена в эту землю. Когда садовник посеет семена, нарисуйте у него в руках лейку с водой. И пусть он польет семена, посаженные в эту землю. Затем сотрите садовника и нарисуйте солнце, которое будет обогревать семена в земле.

И вам останется лишь терпеливо ждать. Ждите, ждите, если надо, годы — это не так важно. Главное, это успех вашей картины. Когда же вырастут розы, нарисуйте клумбу, выбрав лучшее место для роз. Пересадите розы на клумбу. Если розы блеклые, это плохая примета, это значит, что ваша картина совсем никуда не годится. Если же розы яркие, это хороший признак, признак, что вашей картиной можете вы гордиться. И в углу вашей картины можете поставить подпись, сорвав для этой цели веточку яркой розы.

Алина Вишнёва

Волшебные кружечки

Сочинение-сказка

Жили-были в сказочном лесу крольчата. Они часто ссорились между собой, потому что старший говорил, что он самый умный, и от этого хвастуна всем становилось не по себе. Средний всегда жаловался, что ему нечем играть, и отбирал у братьев игрушки. Младший брат пытался всех примирить, но ему доставалось от обоих братьев.

Однажды, раскапывая запасной вход в свою норку, крольчата нашли большой комок розовой глины. Они сразу решили слепить из нее собственные кружечки. Долго возились крольчата, очень старались, и кружечки получились очень красивые. Когда они высохли, братья принесли их домой и поставили на столик.

Ночью крольчата проснулись от какого-то необыкновенного розового света в норке. Они увидели, что их кружечки светятся. Когда братья подошли к столику, кружечки рассказали им, что они волшебные и могут исполнить их заветные желания, но исполнятся только хорошие. Крольчата шепнули кружечкам свои желания и легли спать.

Ранним утром они проснулись. Старший обнаружил у кровати компьютер. Когда он включил этот подарок, на экране появились два значка — учебный и игровой, внизу красовалась надпись: «Делу время, потехе час».

Средний брат, проснувшись, увидел большую подарочную коробку, обвязанную красной лентой. В ней лежали инструменты для изготовления игрушек и большая книга «Сделай сам». На ленте, которой была обвязана коробка, было написано: «Дело мастера боится».

Проснулся младший брат, а подарков-то у него нет. Старшие стали утешать его и наперебой предлагали свои подарки. Они никак не

могли понять, почему младшенький такой веселый и довольный. Он улыбнулся, когда увидел, что старший с интересом осваивает компьютер, а средний увлеченно делает игрушку. Крольчонок понял, что его заветное желание исполнилось. Он подбежал к своей кружечке и поблагодарил ее. В ответ кружечка засветилась всеми цветами радуги. На ней появились слова: «Мал золотник, да дорог».

С тех пор стали братья-кролики самыми веселыми и дружными в сказочном лесу.

Ирина Баниева

Ложка

Жила-была одна обыкновенная столовая ложка. Но она считала себя очень знаменитой. Никому себя не доверяла. Когда ее брали чьи-нибудь пальцы, она возмущалась и говорила: «Не трогайте меня! А то я стану худой и погнусь!» Но никто ее не слушал. Когда начинали есть суп, ложка говорила: «Я не буду купаться в этом борще, я замараюсь, стану некрасивой!» Но все равно она купалась в супе, хоть это ей и не нравилось.

Однажды утром дети сели завтракать, взяли ложку, но один из мальчиков нечаянно уронил ее прямо в мусорное ведро. Ложка обрадовалась и сказала: «Ура! Я скоро отправлюсь в необыкновенное путешествие!»

Потом хозяин взял ведро с мусором и вынес его из дома. Так ложка очутилась в мусорном баке. Она огляделась по сторонам и обратилась к лежащему рядом синему фантику: «Вы не знаете, где мы находимся?» «В стране, где много сюрпризов», — ответил фантик. Вскоре ложка и фантик подружились и рассказали друг другу свои истории. А потом приехала машина, забрала синий фантик, и наша ложка осталась одна. Но вскоре приехала другая машина и увезла нашу столовую ложку. Она очутилась на свалке, где было много другого мусора, и осталась лежать на земле.

Татьяна Дьячкова

Жадная Сима

На праздничном столе стояло угощение:
Бананы и торты,
Варенье и печенье.
Сидела кошка Сима на коврике в углу.
Внимательно смотрела
На вкусную еду.

Удобного момента Симона дождалась,
От жадности мяукая,
На столик забралась.
Хватать конфеты стала,
Варенье разлила.
И торт она доела —
Ей жадность помогла.
Объевшись угощенья, упала со стола.
В разлитое варенье
Увязла голова.
Симонина хозяйка вдруг в комнату вошла,
Она Симоне блюдце
Сметаны принесла.
Сметану Сима кушать совсем уж не могла.
Вот так Симону жадность однажды подвела!

Алеша Чистяков

Врунишка медведь

Сочинение-басня

Коль хочешь, чтоб к тебе все с честью относились, не забывай про честь и сам, и будь с друзьями честен.

В одном лесу, где звери все друг друга знали и любили, жил-был медведь.

Однажды он вылез из берлоги, и пред собою увидел он монету. Обрадовался своей находке, стал хвастаться друзьям, знакомым и просто пролетавшим мимо птицам. Медведь позвал к себе домой друзей: ежика, зайца, бурундука. Он сказал им, что пойдет сейчас на рынок и купит сладостей, а также и подарки. Медведь ушел, а друзья остались ждать. Проходит час, второй, а медведя нет. Медведь же, позабыв друзей, гуляет всласть. Пришел момент идти домой. А что сказать друзьям? Медведь пришел домой и сказал друзьям, что деньги потерял. И то, что он сильнее всех и что ему все равно, что будут говорить о нем. Да, все бывает, но если бы медведь сказал друзьям все честно, они бы поняли его. С тех пор медведь живет один.

Мораль сей басни такова: друзей ты можешь потерять легко, а чтоб найти друзей, порою жизни не хватает.

Урок литературы

Гриша и лень

Пришла однажды к Грише Лень и прошептала сладко: «Ты, Гришенька, ленись, ленись, при взрослых ты вставать не торопись и старших ты вперед не пропускай, уроки не учи, а телевизор лишь смотри, смотри и отдыхай». И на слова лентяйки тихонько Гриша протянул: «Да знаю я, уйди! Ты мне мешаешь фильм смотреть!» Обрадовалась Лень и снова говорит: «Гришуня! Ты мой лучший друг на свете! Любите, дети, вы меня, любите!»

Нет, не любите, дети, Лень, а прочь ее гоните! Не может Лень подругой быть ни взрослым и ни детям.

Диана Никитина

Шарик и Васька

Басня

Васька-кот и песик Шарик
Жили дружно во дворе,
Вместе ели, рядом спали
И вставали на заре.

Но однажды хитрый Васька
Кость у Шарика украл.
Утащил к большой березе,
В кучу листьев закопал.

В это время за березой
Пес бродячий отдыхал
И кота-ворюгу быстро
Он на дерево загнал.
Он хотел его поймать,
Наказать и растерзать.

Плачет Васька на березе —
«Шарик, миленький, спаси,
Прогони собаку злую
И колбаски принеси».

Если б друга ты не предавал,
То в беду бы эту не попал.

Баллада о моли

В одной деревне барин жил,
И про него ходили слухи,
Что слишком мягким, добрым был,
Что не обидел даже мухи.

Он летом под окном своим
Для бабочек цветы лелеял,
Зимой для снегирей, синиц
По вечерам кормушки клеил.

Однажды лютою зимой
К нему в квартиру моль влетела.
И, сев пред барином на стол,
Писклявым голосом запела:

«Я безобидный мотылек,
Я маленький и золотистый.
К тебе летел на огонек,
Чтобы погреться в доме чистом».

Для моли барин притащил
Тулуп из шкафа свой любимый:
«Вот теплый дом тебе, малыш,
Живи и жди весны цветущей».

Пришла весна, и барин наш
Решил отправить моль на волю.
Но, взяв тулуп, он ахнул аж:
Съел все до дыр мотыль проворный.

И барин с криком: «Эй, мот!»
За молью принялся гоняться,
Но шустрым был наш мотылек,
Где старику за ним угнаться!
С тех пор прошло уж много лет,
Про барина давно забыли...
А вот за молью внук и дед
Все так же скачут по квартире.

Сегодня полнолуние

Сегодня полнолуние,
Луна блестит в реке,
Звезда скатилась по небу —
Угасла в озерке.
Стоит сосна вся в отблесках
Волшебных огоньков.
В траве видно мерцание
Веселых светлячков,
Вокруг слышно жужжание
Прозрачных мотыльков,
А на волнах рассыпаны
Семейки рыб-мальков.
Сегодня полнолуние,
Луна блестит в реке.
Звезда скатилась по небу —
Угасла в озерке.

Евгений Евтушенко

Родился 18 июля 1933 года на станции Зима в Иркутской области. Регулярно начал печататься с шестнадцати лет, но началом серьезной работы Евтушенко считает стихотворения «Вагон» и «Перед встречей», написанные в 1952 году.

В 1951 поступил в Литературный институт им. Горького, собравший в своих стенах целую плеяду будущих поэтов и прозаиков (В. Соколов, Б. Ахмадулина, Р. Рождественский, Ю. Казаков и др.). В 1952 году вышел первый сборник стихов «Разведчики грядущего».

После автобиографической поэмы «Станция Зима» Евтушенко на целое десятилетие делается самым популярным советским поэтом, как в Советском Союзе, так и за рубежом. Для Евтушенко характерна самостоятельность, яркое своеобразие его поэтической интонации, на формирование которой оказали влияние и поэты-классики (Некрасов, Есенин), и современники (А. Межиров, М. Луконин, Е. Винокуров, Я. Смеляков).

Итогом раннего творчества и выступления в зрелый период стала для Евтушенко поэма «Братская ГЭС» (1964), в которой он выразил свой взгляд на Россию, ее настоящее и прошлое и отчасти на будущее.

В 1983 году за свою литературную деятельность был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Ему вручены литературные премии «Фруджено-81» (Италия), «Академии СИМБА» в 1984 году (Италия), Международная премия «Золотой лев» (Венеция). Евтушенко является почетным членом Испанской и Американской академий, профессором в Питтсбургском университете.

В 1991 году, заключив контракт с американским университетом в штате Оклахома, уехал с семьей преподавать в США.

СВАДЬБЫ

А. Межирову

О, свадьбы в дни военные!
Обманчивый уют,
слова неоткровенные
о том, что не убьют...
Дорогой зимней, снежную,
сквозь ветер, бьющий зло,
лечу на свадьбу спешную
в соседнее село.
Походочкой расслабленной,
с челочкой на лбу
вхожу,
 плясун прославленный,
в гудящую избу.
Наряженный,
 взволнованный,
среди друзей,
 родных,

сидит мобилизованный
растерянный жених.
Сидит

с невестой — Верою.

А через пару дней
шинель наденет серую,
на фронт поедет в ней.
Землей чужой,

не местною,

с винтовкою пойдет,
под пулю немецкою,
быть может, упадет.
В стакане брага пенная,
но пить ее невмочь.
Быть может, ночь их первая —
последняя их ночь.
Глядит он опечаленно
и — болью всей души
мне через стол отчаянно:
«А ну, давай, пляши!»
Забыли все о выпитом,
все смотрят на меня,
и вот иду я с вывертом,
подковками звеня.
То выдам дробь,

то по полу

носки проволоку.

Свищу,

в ладоши хлопаю,

взлетаю к потолку.
Летят по стенам лозунги,
что Гитлеру капут,
а у невесты

слезыньки

горючие

текут.

Уже я измочаленный,
уже едва дышу...
«Пляши!..» —

кричат отчаянно,

и я опять пляшу...
Ступни как деревянные,
когда вернусь домой,
но с новой свадьбы пьяные
являются за мной.
Едва отпущен матерью,
на свадьбы вновь гляжу
и вновь у самой скатерти
вприсядочку хожу.
Невесте горько плачется,
стоят в слезах друзья.
Мне страшно.

Мне не пляшется,

но не плясать —

нельзя.

1955

КАЗНЬ СТЕНЬКИ РАЗИНА

Как во столярной Москве белокаменной
вор по улице бежит с булкой маковой.
Не страшит его сегодня самосуд.
Не до булок...

Стеньку Разина везут!

Царь бутылочку мальвазии выдаивает,
перед зеркалом свойским

прыщ выдавливает,

примеряет новый перстень-изумруд —
и на площадь...

Стеньку Разину везут!

Как за бочкой бокастой

бочоночек,

за боярыней катит боярчоночек.

Леденец зубенки весело грызут.

Нынче праздник!

Стеньку Разину везут!

Прет купец,

треща с гороха.

Мчатся вскачь два скомороха.

Семенит ярыжка-плут...

Стеньку Разина везут!!

В струпьях все,

едва живые

старцы с вервием на вые,

что-то шамкая,

ползут...

Стеньку Разина везут!

И срамные девки тоже,

под хмельком вскочив с рогожи,

огурцом намазав рожи,

шпарят рысью —

в ляжках зуд...

Стеньку Разина везут!

И под визг стрелецких жен,

под плевки со всех сторон

на расхристанной телеге

плыл

в рубахе белой

он.

Он молчал,

не утирался,

весь оплеванный толпой,

только горько усмехался,

усмехался над собой:

«Стенька, Стенька,

ты как ветка,

потерявшая листву.

Как в Москву хотел ты въехать!

Вот и въехал ты в Москву...

Ладно,

плюйте,

плюйте,

плюйте —

чуть колыша бердыши.
 Стихли даже скоморохи.
 Среди мертвой тишины,
 перескакивали блохи
 с армяков

на шушуны.
 Площадь что-то поняла,
 площадь шапки сняла,
 и ударили три раза,
 клокоча,

колокола.
 А от крови и чуба тяжела,
 голова еще ворочалась,
 жила.

С места Лобного подмоклого
 туда,

где голытьба,
 взгляды
 письмами подметными
 швыряла голова...

Суется,
 дрожащий попик подлетел,
 веки Стенькины закрыть он хотел.
 Но, напружившись,

по-зверьи страшны,
 оттолкнули его руку зрачки.

На царе
 от этих чертовых глаз

зябко
 шапка Мономаха затряслась,
 и, жестоко,

не скрывая торжества,
 над царем

захохотала
 голова!..

* * *

Идут белые снега,
 как по нитке скользя...
 Жить и жить бы на свете,
 да, наверное, нельзя.

Чьи-то души, бесследно
 растворяясь вдали,
 словно белые снега,
 идут в небо с земли.

Идут белые снега...
 И я тоже уйду.
 Не печалюсь о смерти
 и бессмертья не жду.

Я не верую в чудо.
 Я не снег, не звезда,

и я больше не буду
никогда, никогда.

И я думаю, грешный, —
ну, а кем же я был,
что я в жизни поспешной
больше жизни любил?

А любил я Россию
всею кровью, хребтом —
ее реки в разливе
и когда подо льдом,

дух ее пятистенков,
дух ее сосняков,
ее Пушкина, Стеньку
и ее стариков.

Если было несладко,
я не шибко тужил.
Пусть я прожил негладко —
для России я жил.

И надеждою маюсь
(полный тайных тревог),
что хоть малую малость
я России помог.

Пусть она позабудет
про меня без труда,
только пусть она будет
навсегда, навсегда.

Идут белые снеги,
как во все времена,
как при Пушкине, Стеньке
и как после меня.

Идут снеги большие,
аж до боли светлы,
и мои и чужие
заметая следы...

Быть бессмертным не в силе,
но надежда моя:
если будет Россия,
значит, буду и я.

1965

ЛЮБИМАЯ, СПИ...

Соленые брызги блестят на заборе.
Калитка уже на запоре.

И море,
 дымясь, и вздымаясь, и дамбы долбя,
 соленое солнце всосало в себя.
 Любимая, спи...

Мою душу не мучай.
 Уже засыпают и горы и степь.
 И пес наш хромучий,
 лохмато-дремучий,
 ложится и лижет соленую цепь.
 И море — всем топотом,
 и ветви — всем ропотом,
 и всем своим опытом —
 пес на цепи,
 а я тебе — шепотом,
 потом — полушепотом,
 потом — уже молча:
 «Любимая, спи...»

Любимая, спи...
 Позабудь, что мы в ссоре.
 Представь:
 просыпаемся.
 Свежесть во всем.
 Мы в сене.
 Мы сони.
 И душит мацони
 откуда-то снизу,
 из погреба, —
 в сон.

О, как мне заставить
 все это представить
 тебя, недоверу?
 Любимая, спи...
 Во сне улыбайся
 (все слезы отставить!),
 цветы собирай
 и гадай, где поставить,
 и множество платьев красивых купи.
 Бормочется?
 Видно, устала ворочаться?
 Ты в сон завернись
 и окутайся им.
 Во сне можно делать все то,
 что захочется,
 все то,
 что бормочется,
 если не спим.

Не спать безрассудно
 и даже подсудно, —
 ведь все,
 что подспудно,
 кричит в глубине.
 Глазам твоим трудно.
 В них так многолюдно.
 Под веками легче им будет во сне.
 Любимая, спи...
 Что причина бессонницы?

Ревущее море? Деревьев мольба?
 Дурные предчувствия? Чья-то бессовестность?
 А может, не чья-то, а просто моя?
 Любимая, спи... Ничего не попишешь,
 но знай, что невинен я в этой вине.
 Прости меня — слышишь? —
 люби меня — слышишь? —
 хотя бы во сне, хотя бы во сне!
 Любимая, спи... Мы на шаре земном,
 свирепо летящем, грозящем взорваться, —
 и надо обняться, чтоб вниз не сорваться,
 а если сорваться — сорваться вдвоем.
 Любимая, спи... Ты обид не копи.
 Пусть сонники тихо в глаза заселяются.
 Так тяжело на шаре земном засыпается,
 и все-таки — слышишь, любимая? —
 спи...
 И море — всем топотом, и ветви — всем ропотом,
 и всем своим опытом — пес на цепи,
 и я тебе — шепотом, потом — полусшепотом,
 потом — уже молча: «Любимая, спи...»

1964

ЗАЧЕМ ТЫ ТАК!

Когда радист «Моряны», горбясь,
 искал нам радиомаяк,
 попал в приемник женский голос:
 «Зачем ты так? Зачем ты так?»

Она из Амдермы кричала
 сквозь мачты, льды и лай собак,
 и, словно шторм, кругом крепчалось:
 «Зачем ты так? Зачем ты так?»

Белуха в море зверобоею
кричала, путаясь в сетях,
фонтаном крови, всей собою:
«Зачем ты так? Зачем ты так?»

Ну, а его волна рябая
швырнула с лодки, и бедняк
шептал, бесследно погибая:
«Зачем ты так? Зачем ты так?»

Я предаю тебя, как сволочь,
и нет мне удержу никак,
и ты меня глазами молишь:
«Зачем ты так? Зачем ты так?»

Ты отчужденно и ненастно
глядишь — почти уже как враг,
и я молю тебя напрасно:
«Зачем ты так? Зачем ты так?»

И все тревожней год от году
кричат, проламывая мрак,
душа — душе, народ — народу:
«Зачем ты так? Зачем ты так?»

1964

Анфиса Воробьева

г. Братск, гимназия № 1,
6 класс

ПОЧЕМУ У ПОПУГАЯ НОС КРИВОЙ

Сказка-шутка

«Лизка Патрикеева вернулась из Штатов!» — вещало-трещало на весь лес Сарафанное радио ОСС (Одна Сорока Сказала).

Лизка, а теперь «стилист, визажист Алиса Рокс» — прехорошенькая, выкрашенная в модный рыжий цвет, с химической завивкой на хвосте — озабоченно мелькала в окошках своего домика. Лесной народец образовал очередь перед дверью с броской вывеской: «Мастер-класс! Наращивание ногтей! Декоративные татуировки!»

Не обошлось и без папарацци. Кеша Попцов, известный своей беспардонностью, вел прямой репортаж: «Ха-ха, белке приставили к ушам парочку кистей. Ну, будет художником! Эй, белка, это не ты раскрасила тигра в полосочку? Да уж, ничего себе матрас получился! Что-что, это называется мелирование? Ну-ну...» Тигр, довольный новым имиджем, и ухом не повел на трескотню попугая. А тот продолжал надрываться: «А льва-то, глядите, обрили! Что ж не налысо? А на голове что за фигня? Папильотки? Локоны будут? Ха-а...»

Вдруг лиса выглянула в окошко и умильно улыбнулась Попцову: «Господин Иннокентий, прошу в студию. Только для вас — скидка 50 процентов!».

Охочий на дармовщинку, попугай купился. А Патрикеева продолжала его ублажать: «Вы такой яркий! Что же вам предложить? Может, челочку приподнять, типа хайр панковский? Минуточку, щипчики разогрею...» Раскаленными щипцами лиса вцепилась в клюв попугая и оттянула его вниз: «Не будешь нос задирать и совать его куда не надо! Так-то, журналюга!»

С тех пор у попугая нос кривой. А характер лучше так и не стал.

Первоцвет

№ 3 (16) 2003

Литературно-художественный альманах для юношества

Альманах зарегистрирован в Восточно-Сибирском региональном управлении регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати, регистрационный номер И-0391 от 28 июля 1998 г.

Выпуск альманаха осуществляется благодаря финансовой поддержке Комитета по культуре администрации Иркутской области.

*Областная юношеская библиотека им. И. П. Уткина
и редакционная коллегия альманаха «Первоцвет»
сердечно благодарят оперативную типографию «На Чехова»
за помощь в издании альманаха, понимание и поддержку*

Рукописи не возвращаются и не рецензируются

Адрес редакции: 664011, г. Иркутск, ул. Чехова, д. 10
Тел. (3952)29-07-93 20-43-01
E-mail: library@youlib.irk.ru

Тираж 800 экз. Заказ № 35

Цена свободная.

Отпечатано
в ООО Оперативная типография «На Чехова»
664011, г. Иркутск, ул. Чехова, 10.
Тел./факс: (3952) 20-93-55, 20-90-56.
Лицензия ПД № 13-0035.
E-mail: chehova@irk.ru.